

№ 1
●
2019

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ГОД ТЕАТРА В РОССИИ

ISSN 2412-9798

16+

№ 1
(17)

●
16+ 2019

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и
патриотического воспитания
«Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-
исследовательский институт
культурного
и природного наследия
имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 27.03.2019
Размещен в сети Интернет: 28.03.2019

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКАЕВ

Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, директор департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

БУЕВА

Людмила Пантелеевна

действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, г. Москва, Россия

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

ДЕМИН

Вадим Петрович

действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия

КУДРЯВЦЕВ

Александр Абакарович

доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия

КУПЦОВА

Ирина Валентиновна

доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

МАТБЕЕВ

Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия

МИРОНОВ

Арсений Станиславович

кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия

НЕРЕТИН

Олег Петрович

доктор экономических наук, советник директора Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Россия

ОРЛОВА

Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ПЕТРОВ

Владимир Михайлович

доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ХАНГЕЛЬДИЕВА
Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, г. Москва, Россия

ЧЕЛЫШЕВ
Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЩЕРБАКОВА
Анна Иосифовна

доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА
Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ДЖИВЕНСКА
Малгожата Цецилия

Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА
Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА
Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР
Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА
Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПАТИНЬО
Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ
Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ЧОЛАРИЯ
Борис Шаликович

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскири г. Сухум, Республика Абхазия

**VOL.1
(17)**

16+ 2019

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
„Native traditions“

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times per year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

office 28, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of
the Editors, Editorial Board or the
Publications Council.

Imposed on Mart 27, 2019
Published online Mart 28, 2019

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

The Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editors:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By the order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation on 12 February, 2019
no. 21-r the electronic scientific journal “Heritage
of Centuries” was included in the List of reviewed
scientific journals in which main scientific results of
dissertations for obtaining candidate (Cand. Sci.) and
doctoral (Dr. Sci.) degrees should be published.**

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V.
BONDAR

Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Olga I.
BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.
GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.
EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A.
KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Vladimir E.
NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Vakhit Kh.	AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Science; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Aleksandra O.	ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Director, Department of Science and Education of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia
Lyudmila P.	BUEVA	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia
Shakhrudin A.	GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Vadim P.	DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Moscow, Russia
Aleksandr A.	KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russia
Irina V.	KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russia
Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia
Arseniy S.	MIRONOV	Cand. Sci. (Journalism), Director, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Adviser to the Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Vladimir M.	PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russia
Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russia
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russia
Irina G.	KHANGEL'DIEVA	Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Dean, Faculty of Business in Culture; Head, Department of Applied Culturology and Sociocultural Management, International University in Moscow, Moscow, Russia

PUBLICATIONS COUNCIL

Evgeniy P.
CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order «For Merit to the Fatherland» 3rd and 4th Classes, Moscow, Russia

Anna I.
SHCHERBAKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena
ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Boris Sh.
CHOLARIYA

Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Cecylia Malgorzata
DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Arkadiy I.
DZHOPUA

Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Kapil
KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New-Dehli, Republic of India

Christian John
MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, The History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Juan Carlos
PATIÑO

Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala
PRABHAKARA RAO

Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Ertegin
SALAMZADE

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir K.
ZANTARIA

Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«ГОД ТЕАТРА В РОССИИ»
(РЕДАКТОР Т. В. КОВАЛЕНКО)

ГОД ТЕАТРА В РОССИИ	13
<i>Т. В. Коваленко, В. Ю. Петренко</i> Неопубликованное. Личные фонды деятелей театрального искусства в Государственном архиве Краснодарского края	14
<i>В. Р. Гафаров</i> Творческое наследие А. Г. Ридаля и К. Ф. Степанова-Колосова как общее достояние российского и азербайджанского театра	33
<i>С. А. Колесникова</i> Освоение русской классики драматическими театрами в контексте культурной идентичности региона	38
<i>Э. В. Выбыванец</i> «Театр уж полон ...». Опыт осмысления оперного шедевра	46
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	54
<i>А. Ю. Рожков</i> Феномен суда и кассации в Советской России на закате нэпа: микроисторический анализ случая	54
<i>К. П. Карагода</i> Риторика женской агрессии: опыт анализа художественных текстов Нового времени	67

CAUCASICA. КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ	78
<i>Р. А. Остапенко</i>	
Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников	78
<i>В. В. Кушнарёв</i>	
Ранние этапы истории краснодарского авиаотряда (1932–1945)	98
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ	103
<i>В. В. Бондарь</i>	
К характеристике культурного ландшафта Краснодара: эволюция планировочной структуры города	103
<i>О. Н. Маркова</i>	
Опыт типологического анализа исторической застройки Краснодара	112
НАШЕ НАСЛЕДИЕ: МУЗЕИ ЮГА РОССИИ	127
<i>О. И. Бычкова</i>	
Особенности измерения потенциала музеев в оценке эффективности этнокультурного бренда региона (на примере Юга России)	127
<i>В. А. Саркисов</i>	
Художественные музеи Юга России в системе прикладных задач культурной политики: специфика корпоративной ответственности	139
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ	146
<i>О. В. Пенкина, Е. Ю. Третьякова</i>	
От фольклора и его героев – к современности и нашим землякам	146

CONTENTS

THE SPECIAL THEME OF THE ISSUE:
THE YEAR OF THEATRE IN RUSSIA
(EDITOR - TIMOFEY V. KOVALENKO)

THE YEAR OF THEATRE IN RUSSIA	13
<i>Timofey V. Kovalenko & Vitaly Yu. Petrenko</i> Unpublished. Personal Funds of Theatrical Artists in the State Archives of the Krasnodar Region	14
<i>Vidadi R. Gafarov</i> The Creative Heritage of A. G. Rydal and K. F. Stepanov-Kolosov as the Common Treasure of the Russian and Azerbaijani Theater	33
<i>Svetlana A. Kolesnikova</i> The Development of the Russian Classics by the Drama Theatres in the Context of the Cultural Identity of Region.....	38
<i>Eleonora V. Vybyvanets</i> “The Theater Is already Full...” Experience of Understanding of the Opera Masterpiece.....	46
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	54
<i>Alexander Yu. Rozhkov</i> The Court and Cassation Phenomenon in a Soviet Russia in the Twilight of NEP: Microhistorical Analysis of the Case	54
<i>Konstantin P. Karagoda</i> Rhetoric of Women Aggression: the Experience of Analysis of Artistic Texts of the Modern History	67

CAUCASICA. CULTURES OF THE SOUTH OF RUSSIA	78
<i>Roman A. Ostapenko</i>	
Elements of Christianity in the Culture of the Circassians According to Ethnographic, Linguistic and Archaeological Sources	78
<i>Valery V. Kushneryov</i>	
The Early Stages of the History of the Krasnodar Squadron (1932–1945)	98
HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS OF THE SOUTH OF RUSSIA	103
<i>Vitaly V. Bondar</i>	
To the Characteristics of the Cultural Landscape of Krasnodar: the Evolution of the Planning Structure of the Historic Centre	103
<i>Oksana N. Markova</i>	
The Experience of the Typological Analysis of the Historical Development of the City of Krasnodar	112
OUR HERITAGE: THE MUSEUMS OF THE SOUTH OF RUSSIA	127
<i>Olga I. Bychkova</i>	
Peculiarities of Measurement of the Potential of Museums in Evaluation of the Efficiency of Ethnocultural Brand of the Region (with the South of Russia as a Case Study)	127
<i>Vyacheslav A. Sarkisov</i>	
Art Museums of the South of Russia in the System of Applied Tasks of Cultural Policy: Specificity of Corporate Social Responsibility	139
SCIENTIFIC LIFE OF THE SOUTH OF RUSSIA	146
<i>Olga V. Penkina & Elena Yu. Tretyakova</i>	
From Folklore and His Heroes to Modernity and Our Countrymen	146

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: ГОД ТЕАТРА В РОССИИ

Эти строки я пишу 27 марта – в День театра, в Год театра...

Театральное искусство – ровесник культурной истории человечества, в его основе лежит страсть к подражанию природе и познанию жизни. Формы театра многолики: здесь и коллективные обрядовые действия, фарс или карнавал, и «высокая» трагедия, «ученая комедия» или «новая драма», и водевиль, пантомима или опера, и перформанс, хеппинг или иммерсивное шоу-променад. Одни ушли в прошлое, став только историей культуры, другие родились совсем недавно и на наших глазах превращаются в явления. Их роль в культуре различна, эстетическое значение тех или иных новых форм сегодня неочевидно и, прямо сказать, дискуссионно; но неизменно торжествует театр – уникальное искусство, где человек одновременно – его предмет и изобразительное средство.

Начиная с исследований Макса Германа, в европейской культурной традиции театр принято рассматривать как явление, выходящее собственно за рамки искусства, как поле взаимодействия социальных, эстетических, экономических аспектов и функций. Пристальный взгляд на историю театра неизбежно выявляет эту комплексность. Способность театрального искусства живо реагировать на динамику мировоззренческих или политических тенденций общественного развития, на изменение системы эстетических предпочтений позволяют сквозь призму его истории дать общехудожественную характеристику любой эпохи, увидеть структурообразующие элементы культуры на обобщающем теоретическом уровне.

Поиски и эксперименты зачастую актуализируют традиции, открывая новые магистральные пути развития искусства. Театр всегда – это модель художественных, философских и социальных преобразований. Развивается техника, становится иным облик планеты, появляются новые средства информации и коммуникации, но театр меняет лишь внешние атрибуты своей вдохновенной игры. И пусть рампа иногда теряет незыблемость своей границы, театральный действие по-прежнему полно жизни, борьбы и страсти. Ибо театр – маленький универсум, а универсум похож на огромный театр...

Новый номер нашего журнала посвящен Году театра в России, объявленному 28 апреля 2018 г. специальным указом Президента. Разнообразные инициативы Года театра: театральный марафон «Российский театр – XIX век», просветительский проект «Театр и школа», театральная олимпиада, конкурс поддержки современной драматургии и молодой режиссуры и многие другие направлены на дальнейшее развитие отечественного театрального искусства и привлечение к нему общественного внимания. Уже сейчас очевидно, что Год театра в качестве формы культурной политики – состоялся. Театр как явление культурной жизни нужен современному российскому обществу, показавшему значительную степень интереса к его достижениям, открытиям, поискам, проблемам, противоречиям, в том числе, к судьбам талантливых художников, заслуженных и молодых коллективов, старых и новых институций в провинциях и в центре.

Статьи специальной рубрики этого номера посвящены основным аспектам формирования театрального пространства нашего региона: истории творческих достижений, способствующих реконструкции художественной жизни региона во всей полноте и противоречивости; межкультурным связям и взаимодействиям в театральном искусстве; проблемам интерпретации классики в сценах драматических и музыкальных театров.

**Редактор специальной рубрики Т. В. Коваленко
27 марта 2019 г.**

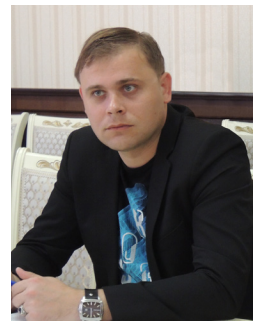

КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович

кандидат философских наук,
заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени
Д. С. Лихачева,
Краснодар, Россия

Timofey V. KOVALENKO

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),
Deputy Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
timofey.kovalenko@gmail.com

ПЕТРЕНКО Виталий Юрьевич

ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата
Государственного архива Краснодарского края
Краснодар, Россия

Vitaliy Yu. PETRENKO

Leading Expert, Department of Scientific Reference Apparatus
State Archives of the Krasnodar Region,
Krasnodar, Russia
vitalik_petrenko@yahoo.com

УДК 792.03:[792.071+792.075](470.62-25)
ГРНТИ 18.45.91
ВАК 24.00.01

**Неопубликованное.
Личные фонды деятелей
театрального искусства
в Государственном архиве
Краснодарского края**

**Unpublished. Personal Funds
of Theatrical Artists
in the State Archives of the
Krasnodar Region**

В статье рассмотрены история комплектования фонда Р-1609 «Личные фонды работников театров Кубани», хранящегося в Государственном архиве Краснодарского края. Документы этого фонда имеют историческую, научную и культурную ценность как наиболее интересные источники по истории художественной жизни края. В настоящее время фонд содержит 418 единиц хранения – 11 описей, охватывающих период с 1912

The author describes the history of the acquisition of the fund Р-1609 “Personal Funds of Workers of Theaters of Kuban”, stored in the State Archives of Krasnodar Region. The documents of the fund have historical, scientific and cultural value as the most interesting sources on the history of the artistic life of the region. At present, the fund contains 418 storage units in 11 inventories, covering the period from 1912 to 2012, 100 years of theatrical history of the

по 2012 г., 100 лет театральной истории Краснодарского края. Впервые публикуются биографии выдающихся театральных деятелей: Л. В. Воробьёвой, Е. М. Афанасьевой, Е. В. Шульпиной, В. С. Смирнова; систематизированы основные биографические сведения и творческие достижения М. А. Куликовского, М. Х. Лусиняна, Е. М. Белоусовой, С. С. Михалёва, В. К. Смирновой, В. И. Птушенко, М. В. Нагли. Введение в научный оборот документов, связанных с их жизнью и творческой деятельностью способствует реконструкции истории художественной жизни региона, раскрывает ее во всей полноте и противоречивости.

Ключевые слова: театральная жизнь, Краснодарский край, Государственный архив Краснодарского края, личный фонд, Л. В. Воробьёва, Е. М. Афанасьева, Е. М. Белоусова, М. Х. Лусинян, С. С. Михалёв, Е. В. Шульпина, М. А. Куликовский, В. С. Смирнов, В. К. Смирнова, В. И. Птушенко, М. В. Нагли.

Krasnodar Region. For the first time biographies of prominent theatrical figures are published: Lidiya V. Vorobyova, Elena M. Afanasyeva, Elena V. Shulpina, Vitaliy S. Smirnov; The main biographical information and creative achievements of Mikhail A. Kulikovskiy, Martyn Kh. Lusinyan, Evgeniya M. Belousova, Sergey S. Mikhalev, Valentina K. Smirnova, Valentina I. Ptushenko, Mikhail V. Nagli are systematized. Introduction to the scientific circulation of documents related to their life and creative activity contributes to the reconstruction of the history of the artistic life of the region, reveals it in its entirety and contradiction.

Keywords: theatrical life, Krasnodar Region, State Archive of the Krasnodar Region, personal fund, Lidiya V. Vorobyova, Elena M. Afanasyeva, Evgeniya M. Belousova, Martyn Kh. Lusinyan, Sergey S. Mikhalev, Elena V. Shulpina, Mikhail A. Kulikovskiy, Vitaliy S. Smirnov, Valentina K. Smirnova, Valentina I. Ptushenko, Mikhail V. Nagli.

Личные фонды известных участников театральной жизни, хранящиеся в архивах России, выступают в качестве документальных источников при освещении истории культурной жизни в целом, отдельных ее направлений и институтов, художественных достижений и индивидуального вклада каждого субъекта творческой деятельности. Такие фонды, как правило, богаты разнообразными по составу и происхождению материалами (рукописи, дневники, записные книжки, мемуары, переписка, материалы историко-биографического характера), имеющими существенную историческую, научную и культурную ценность.

Одним из основных направлений деятельности архивов в Российской Федерации является собирание, хранение и научное использование документов личного происхождения. В Государственном архиве Краснодарского края представлено 54 личных фонда, в том числе документы участников Гражданской (1918–1920) и Великой Отечественной (1941–1945) войн, партийных и советских работников, краеведов, деятелей сельского хозяйства, медицины, литературы, культуры, науки и образования; общий объем единиц хранения – 5889 дел.

Настоящая статья – первое научное описание фонда Р-1609 «Личные фонды работ-

ников театров Кубани», в котором собраны документы выдающихся актеров, режиссеров, педагогов и организаторов, театральных менеджеров. Хотя, в связи с невысоким интересом регионального научного сообщества к истории театральной жизни Кубани, обращение к документам фонда до настоящего времени было редким и незначительным, его материалы обладают высоким эвристическим потенциалом. В документах личного происхождения запечатлены живые свидетельства, подтверждения основных тенденций развития театрального искусства в системе региональной культуры, отражена история художественных достижений, мировоззренческие позиции и реальные взаимоотношения людей¹.

История фонда начинается с 1973 г., когда в Государственный архив Краснодарского края в россыпи поступили документы солиста Краснодарского театра оперетты, народного

¹ Помимо описываемого, в Государственном архиве Краснодарского края хранятся также личные фонды Алексея Михайловича Боздаренко, заслуженного артиста РСФСР, актера Краснодарского театра драмы имени М. Горького, включающий 13 единиц хранения, на государственное хранение документы поступили в 1973 г. [39]; Виктора Петровича Елифанцева, директора Краснодарского краевого театра народного творчества, заместителя начальника Управления культуры Краснодарского крайисполкома, заслуженного работника культуры РСФСР, включающий 187 единиц хранения, на государственное хранение документы поступили в 1990 г. [40]

артиста РСФСР Мартына Христофоровича Лусиняна. После научной обработки документов был образован личный фонд артиста в составе 1 описи и 6 единиц хранения, получивший номер Р-1609. В 1974 г. состоялось новое поступление материалов – на государственное хранение были переданы документы заслуженной артистки РСФСР Лидии Владимировны Воробьёвой, актрисы Краснодарского театра драмы и преподавателя Краснодарского государственного института культуры, дополненные в 1977 г. Тогда же была проведена их научно-техническая обработка и принято решение об объединении личного фонда М. Х. Лусиняна с документами других театральных деятелей – Евгении Михайловны Белоусовой (документы впервые поступили в 1974 г.), Елены Михайловны Афанасьевой (в 1976 г. соответственно) и образовании на этой базе единого фонда личных документов Р-1609. В опись № 1 были включены документы Л. В. Воробьёвой, в опись № 2 – Е. М. Афанасьевой, в опись № 3 – Е. М. Белоусовой, а в опись № 4 – М. Х. Лусиняна. С тех пор фонд постоянно пополняется новыми коллекциями документов, последнее по времени поступление состоялось в 2012 г.

В настоящее время фонд Р-1609 «Личные фонды работников театров Кубани» включает в себя 418 единиц хранения и содержит 11 описей, что охватывает 100 лет театральной истории Краснодарского края (1912–2012). В фонде собраны уникальные документы выдающихся артистов, режиссеров, менеджеров и творческих руководителей театров Кубани, педагогов: Л. В. Воробьёвой (род. в 1904)², опись № 1; Е. М. Афанасьевой (1925–2017), опись № 2; Е. М. Белоусовой (1925–2017), опись № 3; М. Х. Лусиняна (1896–1983), опись № 4; С. С. Михалёва (1899–1973), опись № 5; Е. В. Шульпиной (род. 1929)³, опись № 6; М. А. Куликовского (1906–1996), опись № 7; В. С. Смирнова (1909–1984), опись № 8; В. К. Смирновой (1924–1965), опись № 9; В. И. Птушенко (1902–1997), опись № 10; М. В. Нагли (1925–2012), опись № 11.

² В настоящее время дата смерти не установлена.

³ В настоящее время дата смерти не установлена.

Собранные вместе и систематизированные, личные свидетельства этих легендарных героев эпохи могут стать ценным источником в изучении и реконструкции истории театральной жизни Краснодарского края.

Кратко рассмотрим количественный и качественный состав документов, реконструируя биографии фондообразователей, что представляет собой самостоятельную задачу значительной историко-культурной ценности.

В описи № 1 представлены документы **Лидии Владимировны Воробьёвой (Лебедевой)**. Актриса родилась 12 апреля 1904 г. в городе Царицын (ныне Волгоград). До 1916 г. училась в 1-й Мариинской женской гимназии. После переезда в город Николаевск-на-Волге – в местной гимназии, а после Октябрьской революции в советской школе, которую окончила в 1919 г. [12, л. 2, 4]. Обучение было вечерним, Лидия Владимировна совмещала его с работой на должности регистратора Губернской комиссии по борьбе с дезертирством, эвакуированной из Царицына, затем – на должности сотрудника Госплана. С 1920 г. воспитатель

Воробьева Лидия Владимировна

в детском доме, впоследствии – помощник режиссера местного драматического театра; тогда же впервые вышла на сцену [12, л. 4, 5].

В июне 1921 г., после смерти отца от холеры, вместе с матерью перебралась в Астрахань, где поступила на вечернее отделение театрального техникума. Параллельно учебе в 1922–1925 гг. работала счетчиком-контролером в губернском статистическом бюро. По завершении учебы, в 1925 г. Воробьева была принята во 2-й государственный театр города Астрахани, в следующем году переведена в 1-й, где работала вплоть до 1929 г. (см.: [12, л. 2об, 4, 6, 8] [13, л. 1]).

В разные периоды жизни Лидия Владимировна Воробьева играла в театрах Благовещенска, Душанбе, Калуги, Комсомольска-на-Амуре, Костромы, Куйбышева, Махачкалы, Таганрога, Ташкента, Хабаровска, Челябинска, подготовила множество ярких ролей (см.: [12, л. 2, 2об, 4, 12–15] [14, л. 1–2] [15, л. 1–18]).

С Краснодарским драматическим театром имени М. Горького связаны два периода: 1938–1939, 1946–1968 гг. Помимо занятости в текущем репертуаре, Воробьева преподавала актерское мастерство в студии при театре. Теплые воспоминания о ее педагогической деятельности сохранила учившаяся в этой студии в 1960-х гг. заслуженная артистка Кубани Т. Г. Водопьянова (см., напр.: [9]). В 1970–1974 гг. Лидия Владимировна преподавала на кафедре режиссуры в Краснодарском институте культуры [12, л. 2об, 4]. В 1980-х гг. она – актриса Душанбинского русского драматического театра имени В. В. Маяковского. Последние годы ее жизни прошли в Ленинградском доме ветеранов сцены.

26 июля 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Лидии Владимировне Воробьевой присвоено почетное звание «Заслуженная артистка РСФСР» [6, ст. 477].

Поступившие на государственное хранение в 1974 г. в россыпи документы Л. В. Воробьевой в 1977 г. были дополнены новыми материалами. В настоящее время опись № 1 содержит 88 единиц хранения (документы за 1931–1975 гг.) и включает в себя:

- материалы о творческой деятельности актрисы, в том числе тексты ролей из различных спектаклей;

- отзывы и рецензии на спектакли, сыгранные Л. В. Воробьевой;

- программы спектаклей и афиши;

- документы общественной деятельности Л. В. Воробьевой, в том числе протоколы совещаний, тексты выступлений на разных мероприятиях;

- биографические материалы фондообразователя, в том числе автобиография, зачетная книжка, трудовые договоры с театрами, поздравления с присвоением званий;

- переписку Л. В. Воробьевой с режиссерами, студентами и друзьями.

Опись № 2 включает в себя документы **Елены Михайловны Афанасьевой (1925–2017)**. Ведущая актриса Краснодарского драматического театра имени М. Горького, заслуженная артистка РСФСР Е. М. Афанасьева родилась 30 ноября 1925 г. в городе Клинцы Брянской области [16, л. 1].

В 1943–1947 гг. училась на актерском отделении Театрального института имени Бориса Щукина на курсе В. К. Львовой и Л. М. Шихматова – прямых учеников Е. Б. Вахтангова. В период обучения участвовала в спектаклях Театра имени Евгения Вахтангова («Великий государь», В. А. Соловьева 1945; «Молодая гвардия» по роману А. А. Фадеева, 1947). Первым достижением Е. М. Афанасьевой стал образ Матильды Ивановны в дипломном спектакле Щукинского училища «За Камой-рекой» по пьесе В. А. Тихонова (1947), раскрывший тонкие грани ее драматического дарования. В 1947–

Афанасьева Елена Михайловна (1925–2017)

1954 гг. – актриса Театра Черноморского флота в Севастополе, где создала яркие образы: Люба Шевцова («Молодая гвардия» по роману А. А. Фадеева, 1948), Шура Азарова («Давным-давно» А. К. Гладкова, 1948) и другие.

В 1954 г. вместе с мужем Е. М. Афанасьевым была приглашена в труппу Краснодарского драматического театра имени М. Горького, где окончательно сформировалась в качестве актрисы широкого диапазона. Яркость и глубина таланта Афанасьевой, личностное обаяние и харизматичность приносили ей успех в разных ролях. На краснодарской сцене она сыграла Катарину («Укрощение строптивой» В. Шекспира, 1958), Соню («Дядя Ваня» А. П. Чехова, 1960), баронессу Штраль («Маскарад» М. Ю. Лермонтова, 1963), и других. Событием театральной жизни стал спектакль М. А. Куликовского «Собака на сене» (1962), поставленный к 400-летию Лопе де Веги, с Е. М. Афанасьевой в роли Дианы, который много лет не сходил со сцены. За создание образа Вассы Железновой в одноименном спектакле 1968 г. актриса была удостоена почетной грамоты Министерства культуры РСФСР и диплома первой степени Всероссийского фестиваля, посвященного 100-летию Максима Горького [16, л. 1]. Васса Афанасьевой запомнилась современникам сильной, справедливой, безжалостной и мыслящей личностью, ощущающей трагический ход и необратимость эпохи.

После смерти мужа (Г. Л. Головин, директор Краснодарского театра драмы, заслуженный работник культуры РСФСР, умер в 1978 г.) актриса полностью сосредоточилась на воспитании сына. Скончалась 4 ноября 2017 г. в Краснодаре, похоронена на Славянском кладбище.

Творческая биография Е. М. Афанасьевой, ее вклад в развитие художественной жизни и историю Краснодарского театра драмы относятся к числу сюжетов наименее изученных, ждущих своих исследователей.

Впервые документы Е. М. Афанасьевой поступили на государственное хранение в 1976 г. В настоящее время в опись составляет 6 единиц хранения и представлена следующими документами за 1951–1975 гг.:

– отзывы в периодической печати спектакли, в которых играла Е. М. Афанасьева;

– репертуарные листы, программы и афиши спектаклей;

– почетные грамоты Е. М. Афанасьевой;

– биографические материалы фондообразователя;

– фотографии Е. М. Афанасьевой.

В описи № 3 представлены документы **Евгении Михайловны Белоусовой (1925–2018)**. Актриса занимает особое место в культурной жизни Краснодарского края. Прославленная звезда оперетты, заслуженная артистка РСФСР [5, ст. 512], первая и единственная народная артистка Кубани, Е. М. Белоусова более полувека служила в Краснодарском музыкальном театре, блестяще сыграв 90 разных ролей.

Ее биография подробно описана А. Г. Колесниковым [44]. Судьба актрисы была полна ярких и трагических контрастов: детский ансамбль песни и пляски под руководством И. О. Дунаевского в Ленинградском дворце пионеров, партизанский отряд, фашистский концлагерь, сталинский ГУЛАГ, театр имени Воркутстроя⁴...

В 1954 г. Е. М. Белоусову пригласили в труппу Краснодарского театра музыкальной комедии, где она блестяще дебютировала в роли Стеллы в оперетте И. О. Дунаевского «Вольный ветер» (постановка Н. С. Едигарова 1953 г.). Актрисой созданы образы Марицы («Марица» И. Кальмана, 1954), Анастасии Батмановой («Холопка» Н. М. Стрельникова, 1954), Теодоры («Принцесса цирка» И. Кальмана, 1956), Фраскиты («Фраскита», Ф. Легара, 1959), Сильвы («Сильва» И. Кальмана, 1961) и многие другие. Она стала первой исполнительницей целого ряда ролей: Таня Шевцова («У нас на Кубани» М. Н. Киракосова, 1954), Оксана («Кубанские ласточки» Г. М. Плотниченко, Д. Фалилеева, Я. М. Верховского, 1960), Марина («Степные огоньки» В. Володина, 1964), Кладина («Горная ромашка», Е. А. Алабина, 1966).

В 1959 г. изображение Е. М. Белоусовой украсило этикетку нового белого десертного

⁴ Театр под руководством заслуженного артиста РСФСР Б. А. Мордвинова, созданный 8 августа 1943 г. как структурное подразделение Воркутлага, в котором работали узники сталинских лагерей. В настоящее время – Воркутинский государственный драматический театр.

Белоусова Евгения Михайловна (1925–2017)

вина «Улыбка», изготавливаемого на заводе «Абрау-Дюрсо». По утверждению самой актрисы, эскиз этикетки был утвержден Н. К. Байбаковым – тогда председателем Краснодарского совнархоза; впоследствии Байбаков стал крупным государственным деятелем, председателем Госплана СССР [10, с. 82].

В 1960 г. театр впервые отправился в Москву, открывали гастроли спектаклем «Кубанские ласточки» о счастливой жизни современных колхозников. Личное участие в чтении и редакции либретто принимал 1-й секретарь Краснодарского крайкома КПСС Д. С. Полянский. История создания этого спектакля легла в основу романа краснодарского писателя П. П. Радченко (1910–1991) «Белые розы», прототипом главной героини стала Е. М. Белоусова. Роман не опубликован, рукопись хранится в Государственном архиве Краснодарского края в личном фонде Радченко [11].

До конца жизни актриса сохраняла связь с родным театром, в 1980-х работала ассис-

стентом режиссера, занималась театральной педагогикой, неизменно оказывая поддержку молодым артистам. В 1990-х вела интенсивную концертную деятельность, сотрудничала с творческим объединением «Премьера».

Завершением блестящей сценической карьеры Е. М. Белоусовой стал спектакль «И вновь цветет акация», поставленный в 1999 г. по мотивам оперетты О. И. Дунаевского «Белая акация» (либретто М. М. Бартенева, режиссер Б. И. Цейтлин) – яркий противоречивый спектакль, вызвавший массу споров (см., напр.: [46, с. 34–37]) и завоевавший массу призов, в том числе «Золотую маску» в номинации лучшая работа дирижера (Г. Л. Аверин, 2001). Евгения Михайловна Белоусова исполнила в этом спектакле роль Евгении Михайловны...

В 2015 г. Е. М. Белоусова торжественно отметила свой 90-летний юбилей на сцене Краснодарского музыкального театра, которому отдала пятьдесят лет своей творческой жизни.

Актриса умерла 6 июля 2018 г. на 94 году жизни, похоронена в Краснодаре на Славянском кладбище.

Документы Е. М. Белоусовой поступили на государственное хранение в 1974 г. После научно-технической обработки составлена опись, включающая 7 единиц хранения (материалы за период 1956–1972 гг.):

- статьи, отзывы о творческой деятельности фондообразователя;
- почетные грамоты Е. М. Белоусовой;
- поздравительные письма, телеграммы в связи с присвоением Е. М. Белоусовой почетного звания заслуженной артистки РСФСР.

Документы **Мартына Христофоровича Лусиняна (1896–1983)** представлены в описи № 5. Солист Краснодарского театра оперетты, народный артист РСФСР родился 8 февраля 1896 г. в Ростове-на-Дону [18, л. 11], Учился в армянской духовной семинарии, но не смог окончить обучение из-за материальных трудностей семьи [18, л. 11]. Тяга к творчеству появилась с детства, он играл на мандолине в школьном оркестре.

Профессиональную деятельность начал в 1911 г. в оркестре армянской драмати-

*Лусинян Мартын
Христофорович
(1896–1983)*

ческой труппы, там же впервые вышел на сцену в роли полицейского Казимира Исан-Фоншена в спектакле по пьесе А. Биссона «Мадам Х». Служил в Армянском театре драмы и оперетты (1916–1920) [18, л. 4, 11], в Ростовском театре оперетты (1920–1925). Принимал активное участие в создании армянских музыкальных комедий: писал оркестровые партии, переводил сценарии оперетт с русского языка на армянский. С 1925 по 1939 гг. совершенствовал актерское мастерство в различных театральных труппах Ростова-на-Дону, руководил театром миниатюр в Иваново [18, л. 1, 5, 6, 11об].

В 1939 г. артист приехал Краснодар для работы в театре музыкальной комедии. После роспуска труппы 1 августа 1941 г. выступал на сцене Сталинского (Донецкого) театра имени Артёма, который находился в эвакуации в городе Кызылорда Казахской ССР; в 1944–1947 гг. – Ворошиловградского театра оперетты, в 1947–1948 – Ереванского театра оперетты [18, л. 10, 11].

В 1948 г. М. Х. Лусинян вернулся на Кубань, став ведущим артистом Краснодарского театра музыкальной комедии. Здесь им были созданы образы Синичкина («Лев Гурьч Синичкин» М. Н. Киракосова по мотивам водевиля М. Т. Ленского, 1951), Афанасия Михайловича («Сорочинская ярмарка» А. П. Рябова, 1952), Морица Драгомира («Марица» И. Кальмана, 1954), Кутайсова («Холопка» Н. М. Стрельникова, 1954), Гастона Ридье («Баядера» И. Кальмана, 1960), Попандопуло («Свадьба в Малиновке» Б. А. Александрова, 1963) и многие другие [18, л. 11об]. На краснодарской сцене Мартын Христофорович прора-

ботал вплоть до конца 1970-х гг., исполнил более ста ролей, значительно расширив традиционные рамки амплуа комического артиста.

За заслуги в области советского театрального искусства 13 июня 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР М. Х. Лусиняну было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР [17, л. 51–52], 29 сентября 1960 г. – народного артиста РСФСР [5, ст. 512]. Биографическая статья об М. Х. Лусиняне была включена в театральную энциклопедию [48, т. 3, ст. 558].

Мартын Христофорович Лусинян скончался в Краснодаре 9 мая 1983 г. Его именем названа одна из улиц в Фестивальном микрорайоне [18, л. 21].

Документы М. Х. Лусиняна поступили на государственное хранение в 1973 г. в россыпи, после проведения научно-технической обработки был образован его личный фонд с описью на 6 единиц хранения, впоследствии ставший описью № 4 фонда Р-1609. В 1989 г. в Государственный архив Краснодарского края поступили новые документы артиста. В 1997 г. в результате научно-технической экспертизы и обработки переформированы единицы хранения, составлена новая опись. В настоящее время она включает 13 единиц и представлена следующими типами документов за 1929–1983 гг.:

- документы о творческой деятельности фондообразователя, в том числе программы спектаклей, афиши;
- статьи из периодической печати, посвященные творчеству М. Х. Лусиняна;
- статьи из периодической печати, рецензии на спектакли Краснодарского музыкального театра;
- биографические материалы М. Х. Лусиняна, в том числе его автобиография;
- почетные грамоты артиста;
- поздравительные телеграммы в связи с присвоением почетных званий и юбилейными датами;
- фотографии.

В описи № 5 документы легендарного актера Краснодарского театра драмы **Сергея Степановича Михалёва (1899–1973)** – заслуженного артиста РСФСР, в судьбе которого как в зеркале отразилась драматическая

страницы истории страны, родного города и театра. Михалёв – самый «краснодарский» артист, олицетворяющий локальную идентичность, непререкаемый авторитет среди художественной интеллигенции и любителей театра в 1940–1970-х гг. Сегодня, к сожалению, его имя вспоминают не часто. Впервые историко-биографический очерк о С. С. Михалёве подготовил знавший его краевед В. П. Бардадым. Текст очерка впоследствии неоднократно переиздавался без существенных дополнений (см., напр.: [1, с. 113–116], однако многие фрагменты биографии и творческой деятельности актера по-прежнему являются малоизученными).

Сергей Степанович родился 10 июля 1899 г. в семье знаменитого екатеринодарского врача, активного участника дореволюционной общественно-политической и художественной жизни. До наших дней сохранился их дом на улице Чапаева (в Екатеринодаре – Кирпичная), являющийся памятником архитекту-

Михалёв Сергей Степанович (1899–1973)

ры региональной категории охраны. Степень его сохранности сегодня оставляет желать лучшего, особняк находится в критическом, полуразрушенном состоянии, информационные таблички отсутствуют.

С 1910 по 1918 гг. Михалёв обучался в 1-й екатеринодарской мужской гимназии, сразу по окончании которой режиссер Б. А. Молотов пригласил его стать актером в театре города Геленджик. Осенью 1918 г. поступил на юридический факультет Донского (бывшего Варшавского) университета (см.: [20, л. 4–5, 6, 8] [22, л. 4–8] [23, л. 1–10б]), однако в мае 1919 г. был призван в Белую армию, где служил писарем в радиодивизионе. В октябре того же года демобилизован как студент, однако из-за сложного материального положения семьи проложить учебу не смог и вынужден был вернуться в Екатеринодар (см.: [20, л. 6] [22, л. 4–8] [23, л. 2–3]).

В конце 1919 г. начинается профессиональная театральная карьера С. С. Михалёва, до 1925 г. он выступает на сценах различных театров Кубани. Творческая биография актера исключительно богата и разнообразна: он работает в театрах Ленинграда (1925–1926), Борисоглебска (1926–1927), Череповца (1927–1928), Перми (1928–1929), Красноярска (1929–1930), Новосибирска (1930–1931), Омска (1931–1932 и 1933–1939), Ашхабада (1932–1933), Ростова-на-Дону (1938–1939) (см.: [19, л. 25об–26] [20, л. 8об] [21, л. 3–31] [22, л. 4–5, 7–8, 20] [23, л. 10б, 3, 22–25, 25об]).

В 1939 г. С. С. Михалёв возвращается в родной город, став ведущим артистом Краснодарского театра драмы имени М. Горького, в труппе которого он прослужил до своей смерти в 1973 г. (за исключением нескольких месяцев военного 1942 г., которые прошли в театрах Поти и Батуми, и сезона 1954–1955 гг. в Ростовском-на-Дону драматическом театре) (см.: [19, л. 26об–28] [21, л. 32–42] [22, л. 4об, 5, 7об, 8] [23, л. 10б, 3, 6, 11, 13–15]).

Место Михалёва в культурной жизни Краснодарского края уникально. На протяжении почти 30 лет он признанный лидер труппы театра имени Горького, любимец публики, каждая новая роль, которого воспринималась как творческое открытие: «когда он выходил на сцену ... по залу проносился шепот: “Миха-

*Жилой дом доктора Михалёва Степана Григорьевича
по адресу: ул. Чапаева, 85 А*

лѐ-ѐв» [1, с. 113]. В памяти зрителей навсегда остался созданный им образ Арбенина в спектакле К. Ф. Степанова-Колосова «Маскарад» по пьесе М. Ю. Лермонтова (1939) – этапная работа театра довоенного периода. В спектакле по пьесе А. М. Афиногенова «Машенька», который был сыгран сразу после освобождения Краснодара и возвращения труппы из эвакуации в ноябре 1943 г. (см. подроб.: [43, с. 85], Михалёв вышел на сцену в роли академика Окамова. «Замечательно играет ... Сергей Степанович Михалёв... эта роль большая удача актера – талантливого и умелого, просто, иногда скуп и в то же время выпукло рисующего свой сценический образ», – писал свидетель тех далеких событий драматург Н. Г. Винников [8, с. 2]. В первых послевоенных премьерах «Питомцы славы» А. К. Гладкова (постановка К. Ф. Степанова-Колосова, 1944), «Свадьба Кречинского» А. В. Сухова-Кобылина (постановка С. В. Светлова, 1944) Михалёв представит в образе фельдмаршала М. И. Кутузова и с «обычным блеском», как отмечает рецензент, играет роль Кречинского [49, с. 2].

Именно присутствие в труппе С. С. Михалёва позволило театру не потерять творческое лицо в период нарастающего кризиса и отсутствия художественного лидера (1950-е гг.). В это время актер воплотил сложнейшие

горьковские образы: Егор Булычов в одноименном спектакле Б. М. Ратова (1950) и Антипа Зыков – в спектакле «Зыковы» В. М. Ипатова (1958 г.) [42, с. 164–178].

В 1964 г. театр отметил 400-летний юбилей со дня рождения Шекспира спектаклем В. И. Ясногородского по пьесе «Король Лир» с С. С. Михалёвым в главной роли, убедительно показавшим «страдание, потрясение, крушение и, наконец, рождение человека, способного понять судьбы тысяч обездоленных, нищих» [1, с. 116].

Заслуги С. С. Михалёва неоднократно отмечались на государственном уровне: 31 июля 1951 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему присвоено звание заслуженного артиста РСФСР (см.: [23, л. 17, 26, 28] [24, л. 1–3]); 25 июля 1968 г. за достигнутые успехи и долгую безупречную работу имя актера внесено «Краевую юбилейную книгу ветеранов культурного строительства Кубани» [25, л. 1]; в 1971 г. он награжден орденом Ленина [1, с. 116]; уже в наше время одна из улиц в новых районах Краснодара была названа в его честь.

Впервые документы С. С. Михалёва поступили на государственное хранение в 1974 г. в россыпи, дополнительное поступление материалов состоялось в 1978 г. (от вдовы артиста А. А. Шкулепы) и в 1981 г. (от В. П. Бардадыма). В настоящее время опись включает 35 единиц хранения и представлена следующими типами документов за 1892, 1905–1973 гг.:

- материалы творческой деятельности фондообразователя, в том числе статьи в журналах, газетные статьи, программы спектаклей, афиши, репертуарные планы, поздравительные телеграммы;

- биографические документы С. С. Михалёва, в том числе выписка из метрической книги, приказы, трудовые договоры, удостоверения;

– почетные грамоты и документы о наградах;

– документы семьи Михалёвых, в том числе диссертация Степана Георгиевича Михалёва – ординатора терапевтического отделения городской больницы, гласного Городской думы, председателя Кубанского медицинского общества и Екатеринодарского отдела Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом, почетные грамоты А. А. Шкулепы;

– фотографии.

Опись № 6 содержит документы заслуженной артистки РСФСР **Елены Васильевны Шульпиной** – солистки Краснодарской филармонии, музыкального редактора, сотрудника краевой студии телевидения.

Елена Васильевна Шульпина родилась в 1929 г. в семье офицера, детство провела в Москве [26, л. 1]. В 16 лет начала трудовую деятельность на столичной фабрике «Гознак», где стала активным участником художественной самодеятельности. Успехи на этом поприще привели ее в мир профессионального искусства. Окончив Московское музыкальное училище имени Гнесиных и Горьковскую государственную консерваторию, Е. В. Шульпина по распределению приехала Краснодар, став солисткой краевой филармонии [26, л. 1].

Отдав несколько лет профессиональной сцене, Е. В. Шульпина в 1964 г. решила попробовать свои силы в новой стремительно развивавшейся сфере – телевидении. Она стояла у истоков создания художественной редакции на краевой телестудии, работала редактором и ведущей музыкальных программ, была автором популярных телепередач «Музыкальные страницы», «Творческие портреты», «Телекроссворды» и других [26, л. 1–2], входила в состав комиссии Центрального телевидения по определению художественного уровня продукции телестудий страны. В течение следующих 20 лет продолжала выступать как вокалистка: вместе с концертмейстером Игорем Юницким было подготовлено несколько разноплановых тематических программ (русский романс, лирические песни военных лет, произведения композиторов Кубани и другие).

Впервые документы Е. В. Шульпиной поступили на государственное хранение

Шульпина Елена Васильевна

в 1976 г., после проведения научно-технической обработки материалов в 1977 г. в состав описи включено 5 единиц хранения. Документы датируются 1948–1974 гг.:

– отзывы в печати о творческой деятельности фондообразователя;

– репертуарные листы, программы концертов, афиши творческих мероприятий с участием Е. В. Шульпиной;

– благодарственные письма за участие в различных мероприятиях, приветственные адреса;

– фотографии.

В описи № 7 собраны документы **Михаила Алексеевича Куликовского (1906–1996)** – выдающегося театрального деятеля, актера, режиссера и педагога, народного артиста СССР, более четверти века возглавлявшего Краснодарский театр драмы имени М. Горького.

Имя Куликовского многое значит в культурной жизни Краснодарского края XX в., его

деятельность способствовала формированию контуров театрального пространства региона как явления общероссийского масштаба. Он собрал в Краснодаре уникальную труппу, воспитал талантливых учеников, поставил множество спектаклей. Под его руководством театр выступал с творческими отчетами в Москве на базе Кремлевского Дворца Съездов и театра имени Моссовета. В год 60-летнего юбилея (1980) коллектив был удостоен правительственной награды – Ордена Трудового красного Знамени.

Биографию и творческую деятельность М. А. Куликовского впервые представили читателю очерки В. П. Вайля (см., напр.: [4]), позже появились книга театроведа С. И. Малаховой «Театр эпохи Куликовского» [47] и воспоминания сына режиссера Л. М. Куликовского «Человек с улыбкой в сердце» [45]. Однако тема далека от исчерпанности, при всем значении деятельности М. А. Куликовского, его научная биография пока не создана, теоретическое наследие – не освоено.

Михаил Алексеевич Куликовский (настоящая фамилия – Куликов) родился 15 ноября 1906 г. в Санкт-Петербурге в семье рабочего фабрики «Гознак» (см.: [27, л. 3] [28, л. 1, 8]). После Октябрьской революции фабрика была эвакуирована в Пензу, туда же переехала и семья Куликовского, в 1920 г. вместе с фабрикой они вернулись в Петроград [27, л. 2], [28, л. 8].

В 1923 г. юноша окончил среднюю школу и стал студентом Политехнического института, но год спустя перевелся в Школу русской драмы при Государственном академическом театре (бывшем Александрийском), из которой вскоре возник Ленинградский институт театрального искусства [28, л. 1, 8]. Его учителями были Ю. М. Юрьев, Н. Ф. Монахов, С. Н. Нерадовский.

Профессиональную деятельность Куликовский начал на сцене Ленинградского драматического театра в качестве актера второго и третьего планов. Первым его спектаклем был знаменитый «Маскарад» Лермонтова в постановке В. Э. Мейерхольда с декорациями А. Я. Головина.

После окончания обучения работал актером в театрах Курска (1926), Ленингра-

да (1926–1927 и 1936–1937), Пскова (1927), Минска (1927–1928), Новгорода (1928–1929), Петрозаводска (1929–1930), Великого Устюга (1930–1931), Великих Лук (1931–1932), Шахт (1932–1933), Таганрога (1933–1936) (см.: [27, л. 5] [28, л. 10б, 8]).

С 1931 г. М. А. Куликовский начинает заниматься режиссерской деятельностью. В 1938 г. – в Крымском областном театре драмы; осенью 1940 г. – в Курском [27, л. 6, 13, 17]. После начала Великой Отечественной войны курский театр был расформирован; Куликовский эвакуировался в Чкалов (в настоящее время – Оренбург) [27, л. 23]. С октября 1941 г. он актер Чкаловского областного драматического театра, в 1943–1946 гг. директор, после – художественный руководитель, с 1949 г. – главный режиссер.

С 1953 по 1959 гг. М. А. Куликовский работал в театрах Казани, Челябинска, Иркутска. В 1959 г. приглашен на должность главного режиссера Краснодарского театра драмы имени М. Горького, где служил вплоть до 1984 г. За это время осуществил около 60 постановок, среди которых «Иркутская история» А. Н. Ар-

Куликовский Михаил Алексеевич (1906–1996)

бузова (1960), «Маскарад» М. Ю. Лермонтова (1963; в этом спектакле исполнял роль Арбе-нина; вошел в «Театральную энциклопедию» [48, т. 3, ст. 324] как один из лучших Арбени-ных драматической сцены), «Шестой этаж» А. Жери (1963), «Разлом» Б. А. Лавренёва (1965), «Собака на сене» Лопе де Вега (1963), «Же-нитьба Фигаро» П. Бомарше (1974), «Энергич-ные люди» В. М. Шукшина (1976) и другие (см.: [27, л. 27, 29, 30, 31, 32, 35] [28, л.11]).

В 1976 г. М. А. Куликовский впервые на отечественной сцене осуществил постанов-ку двух частей трагедии И. В. Гёте «Фауст». За эту работу, а также за спектакли «Старик» М. Горького (1973) и «Кочубей» А. А. Первенцева (1977) в 1977 г. был удостоен Государственной премии имени Станиславского в области ли-тературы и искусства, а также почетной гра-моты Верховного Совета РСФСР [29, л. 18, 20].

М. А. Куликовский принимал активное участие в общественной жизни. Много лет подряд избирался депутатом Краснодарско-го краевого Совета депутатов трудящихся, был делегатом XXV съезда КПСС, возглавлял Краснодарское отделение Всероссийского Те-атрального общества (1960–1988), состоял в комиссии Президиума Верховного Совета РСФСР по присуждению премий, возглавлял секцию драматургии при Союзе писателей РСФСР [28, л.12].

За большой вклад в развитие театраль-но-искусства М. А. Куликовский удостоен мно-жества званий и правительственных наград: заслуженный артист РСФСР (1945), народный артист РСФСР (1965), народный артист СССР (1975), орден Ленина (1967), орден Трудового Красного Знамени (1976), почетный гражда-нин города Краснодара (1993) и многих других.

М. А. Куликовский скончался 17 октября 1996 г, не дожив до своего 90-летия один ме-сяц, похоронен на Славянском кладбище Крас-нодара. Память режиссера увековечена. На доме, где он жил, установлена мемориальная доска. Его именем названы: улица в одном из новых районов Краснодара, краевая премия за вклад в развитие культуры и искусства, регио-нальный театральный фестиваль.

Документы М. А. Куликовского посту-пили на государственное хранение в 1978 г. После научно-технической обработки матери-

алов образована опись на 5 единиц хранения. В 1994 г. состоялось новое поступление мате-риалов, к описи составлено дополнение на 92 единиц хранения. В настоящее время опись составляет 97 единиц хранения за период 1929–1992 гг. и представлена:

- документами о творческой деятельно-сти фондообразователя, в том числе статьями и заметками об актерах и режиссерах, списка-ми спектаклей, документами о постановках;
- материалами об общественной дея-тельности М. А. Куликовского, в том числе до-кладами, текстами выступлений, программа-ми заседаний ВТО;
- документами о работе театров стра-ны, в том числе афишами, программами, буклетами;
- перепиской М. А. Куликовского с друзь-ями и родными;
- биографическими материалами, в том числе автобиографией, характеристиками, членскими книжками и удостоверениями;
- фотографиями.

Личные документы **Виталия Сергее-вича Смирнова (1909–1984)** собраны в опи-си № 8. Заслуженный артист Таджикской ССР В. С. Смирнов внес существенный вклад в раз-витие культуры и искусства Кубани не только как творческий деятель, но и как талантливый организатор и прекрасный менеджер социаль-но-культурной сферы. За годы работы на Куба-ни ему довелось возглавлять Адыгейский об-ластной драматический театр, Краснодарскую краевую филармонию, Краснодарский театр кукол, быть заместителем начальника Крае-вого управления культуры. В настоящее время его имя практически забыто, вклад в развитие художественной жизни не обобщен и даже не изучен.

Виталий Сергеевич Смирнов родился 10 апреля 1909 г. в с. Сергиевском Тульской гу-бернии (с 1949 г. это город Плавск Тульской области) [30, л. 3, 6] [31, л. 9]. В 1928 г. окончил школу второй ступени и поступил на режис-серский факультет Ленинградского технику-ма (института) сценических искусств (см.: [30, л. 14, 18, 20] [31, л. 9–9об]. В 1930–1931 гг. ра-ботал ассистентом режиссера Малого государ-ственного академического театра в г. Ленин-граде [31, л. 9об, 12–13об].

По окончании института (1932) был помощником режиссера, режиссером, художественным руководителем в разных театрах Ленинграда. С 1939 по 1947 гг. В. С. Смирнов работал в Таджикской ССР художественным руководителем театральных коллективов Сталинабада (Душанбе), главным режиссером Таджикской государственной филармонии (см.: [31, л. 9об] [32, л. 2, 8–12, 15–18, 20–22, 24–27]). Впоследствии возглавлял крупные провинциальные театры страны как художественный руководитель Бобруйского театра музыкальной комедии (1947–1948, Белорусская ССР), Кустанайского областного драматического театра, (1948–1949, Казахская ССР), главный режиссер Петропавловского областного драматического театра (1950–1952, Казахская ССР), Махачкалинского республиканского драматического театра (1952–1953, Дагестанская АССР) (см. [31, л. 7] [32, л. 29–31, 32, 35–37]).

В 1953 г. Виталий Сергеевич Смирнов был переведен в Краснодарский край, работал главным режиссером Адыгейского областного драматического театра (1953–1955), художественным руководителем Краснодарской краевой филармонии (1955–1961), режиссером Краснодарского театра оперетты (1961–1963), заместителем начальника управления культуры Краснодарского краевого исполнительного комитета (1963–1965) (см. [31, л. 11] [32, л. 51]).

На сцене Краснодарского театра оперетты режиссером В. С. Смирновым осуществлены постановки спектаклей «Под черной маской» (1961) и «Душа солдата» (1963), Л. А. Лядовой; «Севастопольский вальс» (1962) Я. К. Листова и другие.

С 1965 по 1969 гг. Виталий Сергеевич был в должности директора Краснодарского краевого театра кукол [31, л. 22–24].

Находясь на заслуженном отдыхе, В. С. Смирнов, с 1969 г. персональный пенсионер республиканского значения, организовал объединение творческой молодежи Кубани «Радуга». Принимал активное участие в деятельности общественных организаций, возглавлял клуб «Кубанский кактусист», а в 1976 г. представлял СССР на съезде кактусоводов в Чехословакии (см.: [31, л. 23–24] [32, л. 55]).

За заслуги в развитии театрального искусства и творческие успехи В. С. Смирнов был удостоен звания заслуженного артиста Таджикской ССР (1945) [31, л. 9–10об, 12об]; награжден орденом Знак Почета, почетными грамотами Президиума Верховного Совета Таджикской ССР [31, л. 10об].

Виталий Сергеевич Смирнов скончался в 1984 г., похоронен в Краснодаре на Славянском кладбище.

Впервые документы В. С. Смирнова поступили на государственное хранение в 1983 г. в россыпи. После проведенной научно-технической обработки документов в 1986 г. была составлена опись № 8 на 106 единиц хранения. В 1992 г., когда родственники Виталия Сергеевича передали новые материалы, произведено дополнение к описи на 13 единиц хранения. В настоящее время опись включает в себя 129 единиц хранения за 1922–1985 гг. и представлена:

- документами творческой деятельности фондообразователя, в том числе программами спектаклей, афишами, документами о постановках, рецензиями на спектакли;
- режиссерскими материалами по подготовке спектаклей;
- биографическими материалами В. С. Смирнова, в том числе автобиографией, листками по учету кадров, приказами, справками с работы, документами о туристических поездках за границу;
- репертуарными справочниками;
- подборкой номеров журнала «Театр»;
- фотографиями.

Личные документы **Валентины Константиновны Смирновой (1924–1965)** – великопленной актрисы с трагической судьбой – представлены в описи № 9.

Короткая и яркая жизнь Валентины Смирной могла бы стать сюжетом романа. Актриса родилась 30 января 1924 г. в Краснодаре, окончила среднюю школу № 2, Краснодарское музыкальное училище имени Н. А. Римского-Корсакова по отделению фортепиано и вокала одновременно [33, л. 1, 3, 4], подавала большие надежды как музыкант. А в 1946 г., как это часто случалось с детьми городской интеллигенции, «дочь врага народа» была

Смирнова Валентина Константиновна
(1924–1965)

выслана из родного города в Центральную Азию. Работала певицей и концертмейстером в Таджикской республиканской филармонии, актрисой Сталинабадского областного театра [33, л. 15].

Вместе с мужем В. С. Смирновым она переходит в Кустанайский областной (1948), в Петропавловский областной (1950), затем в Махачкалинский республиканский драматический театр (1952).

После реабилитации отца актриса получила возможность вернуться в Краснодар: поступив в 1953 г. в труппу Краснодарского театра драмы имени М. Горького, В. К. Смирнова прослужила там до своей смерти. Из множества сыгранных на этой сцене ролей наиболее ярким стали Ирина Дубравина («Огненный мост» Б. С. Ромашова, 1953), Аня Цветкова («Когда цветет акация» Н. Г. Винникова, 1957), Диана («Собака на сене» Лопе де Вега, 1958), Валя («Иркутская история» А. Н. Арбузова, 1960), Катарина («Укрощение строптивой»

В. Шекспира, 1963) [33, л. 17]. Смирнова была первой исполнительницей роли Нины в знаменитом спектакле М. А. Куликовского «Маскарад» (1963), принесшем ей всеобщее признание и подлинную любовь зрителей [34, л. 60].

Трагическая случайность оборвала ее жизнь 4 сентября 1965 г. Будучи на отдыхе в одном из санаториев Геленджика, В. К. Смирнова оступилась на лестнице. Полученная при падении травма головы оказалась смертельной (см. подроб.: [3, с. 73–77]). Весь город провожал актрису в ее последний путь... На могиле (Славянское кладбище Краснодара) установлен лаконичный памятник с бронзовым барельефом актрисы и строками кубанского поэта В. Б. Бакалдина:

*На сцене умирая столько раз,
Ты говорила нам, что жизнь бесценна...
Но занавес упал, и свет погас,
И безвозвратно опустела сцена.
Любви и скорби вечные слова
Живут в сердцах, в которых ты жива.*

Впервые документы В. К. Смирновой поступили на государственное хранение в 1984 г. от ее мужа В. С. Смирнова. После научно-технической обработки материалов в 1991 г. была образована опись на 10 единиц хранения. В 2009 г. личный фонд Валентины Константиновны пополнился биографическими материалами ее родителей, а также личными записными книжками, в опись были дополнительно внесены 2 единицы хранения. В настоящее время в описи представлены следующие документы за 1924–1965 гг.:

- материалы о творческой деятельности фондообразователя: театральные программы, афиши;
- стихи, посвященные В. К. Смирновой;
- биографические материалы родителей фондообразователя;
- биографические материалы В. К. Смирновой, в том числе записные книжки, некрологи;
- фотографии.

В описи № 10 представлены документы **Валентины Иосифовны Птушенко, сценический псевдоним – Тинваль (1902–1997) –**

балерины и педагога. Ее судьбе посвящен краеведческий очерк Т. Ф. Березняка, опубликованный совсем недавно (см.: [2]), но при этом имя В. И. Птушенко практически не известно на Кубани.

Валентина Иосифовна Птушенко родилась в феврале 1902 г. в Екатеринодаре в семье учителей [35, л. 1]. В годы учебы в Кубанском Мариинском женском институте (1912–1918), параллельно основным занятиям с 1914 г. посещала уроки балета в студии Лидии Соляник-Краса [36, л. 2–4].

В 1919 г. переехала в Харьков, чтобы заниматься балетным мастерством под руководством Юлии Седовой, одной из ведущих балерин Императорского Мариинского театра. Однако закончить обучение не удалось, из-за наступления Красной Армии Седова эмигрировала в Париж [36, л. 5, 7]. Птушенко вернулась в Краснодар, продолжала образование в Екатеринодарском музыкальном училище, в Кубанской консерватории, которую окончила по классу хореографии в 1921 г. Валентина Иосифовна работала в Зимнем театре, в театре Политотдела ПОПРМА-9, где танцевала и занималась постановкой балетных номеров в спектаклях на классическую и революционную тематику. В тот же период в Зимнем театре была создана Государственная балетная школа, где и стала преподавать В. И. Птушенко [36, л. 6–7].

В 1922 г. вместе с группой краснодарских артистов была на повышении квалификации в Москве, в балетной студии под руководством Э. И. Элирова [36, л. 15]. В 1923 г. В. И. Птушенко, вновь в Краснодаре, давала частные уроки хореографии, затем с коллективом «Жар-птица» (Ростов-на-Дону) гастролировала по Югу России и Кавказу [36, л. 19]. Преподавала пластику, ритмику и хореографию в Краснодарском музыкальном техникуме (1925–1930), а также участвовала в спектаклях многочисленных гастрольных трупп [35, л. 3]. Работала в Сухумском музыкальном училище (1930–1932), в Московском государственном эстрадно-хореографическом техникуме (1932–1935), Московском институте физической культуры (1935–1937) [36, л. 19–20].

В 1936 г. муж Валентины Иосифовны был ложно обвинен в государственной измене

и репрессирован. Ее, как «жену врага народа», выслали из Москвы. Вернувшись на Кубань, В. И. Птушенко находилась под постоянным контролем органов внутренних дел.

После начала Великой Отечественной войны Валентина Иосифовна окончила ускоренные курсы медицинских сестер и работала в госпиталях, выступала в составе концертных групп перед ранеными и бойцами [36, л. 20]. Пережив оккупацию Краснодара, В. И. Птушенко возвратилась в Москву, где вновь занималась преподаванием и была балетмейстером Оперной студии при Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского [36, л. 22].

В 1948 г. последовал арест и ссылка в лагерь Архангельской области; в 1953 – освобождение и реабилитация. Последний период жизни В. И. Птушенко прошел в Москве, где она работала преподавателем хореографии и ритмики в школах, интернатах, дворцах пионеров [36, л. 14].

Документы Валентины Иосифовны Птушенко поступили на государственное хранение в 1997 г. В настоящее время в описи 13 единиц хранения за 1908–1997 гг.:

- материалы творческой деятельности фондообразователя, в том числе афиши спектаклей, рисунки, наброски, эскизы театральных костюмов;

- воспоминания В. И. Птушенко о своей жизни, работе в сфере хореографии, о периоде репрессий 1930-х гг.;

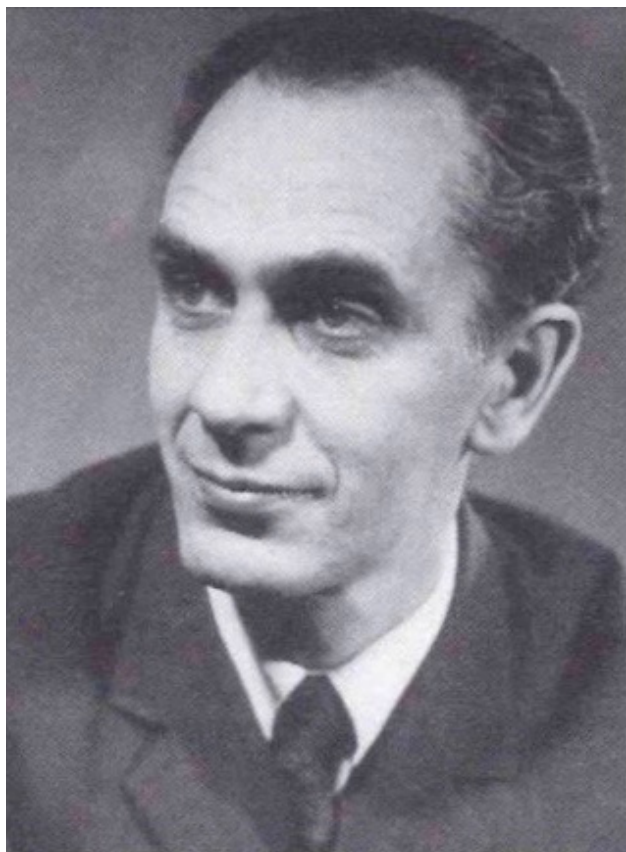
- биографические материалы, в том числе справки с работы, удостоверения, трудовая книжка;

- переписка В. И. Птушенко с друзьями;

- фотографии.

Опись № 11 содержит документы **Нагли Михаила Владимировича (1926–2012)** – заслуженного деятеля искусств РСФСР, выдающего режиссера и педагога.

Михаил Владимирович родился 29 сентября 1926 г. в Ленинграде, в семье театральных деятелей, его отец – Владимир Наумович Нагли – возглавлял Государственный театр драмы имени А. С. Пушкина, знаменитую Александринку [37, л. 1]. В 1938 г. его арестовали по ложному обвинению, и он сгинул в сталинских лагерях. Достоверных сведений о

Нагли Михаил Владимирович (1925–2012)

его судьбе семья не имела долгие годы. Арестантским этапом он шел вместе с актером Г. С. Жжёновым, «пути их пересеклись под Усть-Кутот, в жутком месте для переселенцев и заключенных. Уже на Колыме Жжёнов узнал, что на одном пересылочном пункте умер Нагли» [41, с. 91]. Много лет спустя, уже в Краснодаре, Ф. П. Зырянов расскажет М. В. Нагли историю о последних днях жизни его отца, услышанную на Колыме от В. А. Козина [41, с. 494].

В годы Великой Отечественной войны Михаил Владимирович находился в блокадном Ленинграде, в 1942 г. был эвакуирован Ленинск-Кузнецкий, где поступил учиться в Горный техникум. Трудовая деятельность началась в 1943 г. в шахте имени Кирова, где он работал помощником машиниста, токарем [73, л. 1,5].

В 1949 г. под руководством народного артиста СССР Л. С. Вивьена окончил режиссерское отделение Ленинградского государственного театрального института имени Н. А. Островского.

В 1950–1953 гг. М. В. Нагли работал режиссером Тамбовского областного драматического театра имени А. В. Луначарского, поставив ряд спектаклей, в том числе «Зыковы» М. Горького, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого [37, л. 1, 1об, 5]. В 1953–1968 гг. – как режиссер Оренбургского областного театра драмы создал спектакли по пьесам «Океан» А. П. Штейна, «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и «Лес» А. Н. Островского, «Ночь ошибок» О. Гольдсмита, «Хитроумная влюбленная» Лопе де Вега [37, л. 26–28]. В оренбургский период М. В. Нагли был награжден почетным званием заслуженный артист РСФСР (1964) [37, л. 6].

По приглашению М. А. Куликовского, под руководством которого М. В. Нагли недолго работал в Оренбурге, режиссер в 1968 г. переезжает в Краснодар и становится режиссером драматическом театре имени М. Горького, в котором служил вплоть до 1989 г. [37, л. 1об, 6]. На краснодарской сцене Михаилом Владимировичем поставлено около 50 спектаклей, в том числе «Отелло» В. Шекспира (1970), «Дамы-невидимки» П. Кальдерона (1972), «Волки и овцы» А. Н. Островского (1973), «Пражский жених» А. П. Папаяна (1973), «Судьба» П. Л. Проскурина (1975), «Мораль пани Дульской» Г. Запольской (1979), «Царь Федор Иванович» А. К. Толстого (1981), «Моя профессия – сеньор из общества» Д. Скарначчи, Р. Тарабуцци (1984) и другие.

За большой вклад в развитие театрального искусства Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 3 июня 1977 г. М. В. Нагли присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР [7, ст. 399].

С 1985 г. до своей смерти М. В. Нагли преподавал на кафедре театральной режиссуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств (в 1990–1998 гг. – заведующий кафедрой, с 1992 г. профессор) [37, л. 6–7], воспитав множество специалистов, ныне работающих в сфере профессионального искусства и народного творчества Юга России.

В 1993 г. М. В. Нагли возглавил Театр ветеранов сцены Творческого объединения «Премьера» – единственный в стране коллектив, чья труппа состояла из артистов, вынужденных в силу возраста покинуть театр [37, л.

49]. Первой премьерой театра был спектакль «Ах, Замоскворечье! Ох, Замоскворечье!» по пьесе А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг – алтын». Программы, подготовленные коллективом, – «Берегите любовь!», «Слава русскому флоту!», «Нам дороги эти позабыть нельзя!», «Ты же выжил, солдат», «Я жизнь за все благодарю» и многие другие – стали событием в культурной жизни Краснодарского края.

Михаил Владимирович Нагли скончался в 25 апреля 2012 г. в Краснодаре, похоронен на Славянском кладбище [38, л.1].

Документы М. В. Нагли поступили на государственное хранение в 2002 г. Первоначальная опись (20 единиц хранения) в 2014 г. дополнена материалами некрологов, это составило 21 единицу хранения – документы за период 1948–1995, 2012 гг.:

– материалы творческой деятельности фондообразователя, в том числе статьи из периодической печати, программы спектаклей и концертов;

– биографические материалы М. В. Нагли, в том числе листок по учету кадров, копии трудовых книжек, характеристики;

– почетные грамоты;

– фотографии.

Таким образом, фонд Р-1609 «Личные фонды работников театров Кубани» Государственного архива Краснодарского края представляет собой уникальный информационный ресурс, обладающий значительной историко-культурной ценностью. Введение в научный оборот этих материалов может способствовать полноценной реконструкции истории художественной жизни региона.

Использованная литература:

1. Бардадым В. П. Самородок // Театральный листок: этюды театральной жизни. Краснодар: Краснодарское кн. из-во, 1984. С. 113–116.
2. Березняк Т. Ф. Про кубанцев знаменитых – незаслуженно забытых. Краснодар: Здравствуйте!, 2003.
3. Вайль Д. П. Живущая в сердцах // Живые портреты. Вчера – сегодня – завтра. Краснодар: Просвещение-Юг, 2006. Вып. 2. С. 73–77.
4. Вайль Д. П. Однажды... Михаил Куликовский и другие. Краснодар: Б. и., 2006.
5. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 36.
6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 30.
7. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 23.
8. Винников Н. Г. Большой спектакль // Большевик. 1943. 21 нояб. С. 2.
9. Водопьянова Т. Г. «Я – счастливый человек!» Известная актриса о том, как случай меняет жизнь: интервью / записала Е. Пономарева [Электронный ресурс] // Аргументы и факты – Юг. 2016. 3 нояб. URL: http://www.kuban.aif.ru/culture/details/ya_-schastlivyy_chelovek_izvestnaya_aktrisa_o_tom_kak_sluchay_menyayet_zhizn (дата обращения: 04.03.19).
10. Гендлин В. В. История одной улыбки // Коммерсантъ Власть. 2005. № 36. С. 82.
11. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1589.
12. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 79.
13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 84.
14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 85.

References:

1. Bardadym, V. P., Samorodok [Nugget], In *Teatral'nyy listok: etyudy teatral'noy zhizni*. Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1984, pp. 113–116.
2. Bereznyak, T. F., *Pro kubantsev znamenitykh – nezasluzhenno zabytykh* [About Famous Kubanians – Undeservedly Forgotten], Krasnodar: Zdravstvuyte!, 2003.
3. Vayl', D. P., *Zhivushchaya v serdtsakh* [Living in Hearts], In *Zhivyye portrety. Vchera – segodnya – zavtra*, Krasnodar: Prosveshcheniye-Yug, 2006, no. 2, pp. 73–77.
4. Vayl', D. P., *Odnazhdy... Mikhail Kulikovskiy i drugiye* [Once Upon a Time ... Mikhail Kulikovskiy and Others], Krasnodar: no publ., 2006.
5. Bulletin of the Supreme Soviet of the Russian Sovest Federal Socialist Republic, 1960, no. 36.
6. Bulletin of the Supreme Soviet of the Russian Sovest Federal Socialist Republic, 1962, no. 30.
7. Bulletin of the Supreme Soviet of the Russian Sovest Federal Socialist Republic, 1977, no. 23.
8. Vinnikov, N. G., *Bol'shoy spektakl'* [Big performance], *Bol'shevik*, November 21, 1943, pp. 2.
9. Vodop'yanova, T. G., «Ya – schastlivyy chelovek!» *Izvestnaya aktrisa o tom, kak sluchay menyyayet zhizn': interv'yu* ["I Am a Happy Human Being!" A Well-Known Actress about How Chance Changes Lives: an interview], E. Ponomareva, Interviewer, *Argumenty i fakty – Yug*, November 3, 2016, http://www.kuban.aif.ru/culture/details/ya_-schastlivyy_chelovek_izvestnaya_aktrisa_o_tom_kak_sluchay_menyayet_zhizn. Accessed March 04, 2019.
10. Gendlin, V. V., *Istoriya odnoy ulybki* [The Story of One Smile], *Kommersant Vlast'*, 2005, no. 36, pp. 82.
11. State Archive of the Krasnodar Region [GAKK], Fund R-1589.
12. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 1, File 79.

15. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 86.
16. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 2. Предисловие.
17. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 4. Д. 2.
18. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 4. Д. 6.
19. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 5. Д. 3.
20. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 5. Д. 13.
21. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 5. Д. 14.
22. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 5. Д. 15.
23. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 5. Д. 17.
24. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 5. Д. 19.
25. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 5. Д. 21.
26. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 6. Предисловие.
27. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 7. Д. 17.
28. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 7. Д. 18.
29. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 7. Д. 19.
30. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 8. Д. 112.
31. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 8. Д. 113.
32. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 8. Д. 114.
33. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 9. Д. 5.
34. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 9. Д. 6.
35. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 10. Предисловие.
36. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 10. Д. 11.
37. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 11. Д. 7.
38. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 11. Д. 21.
39. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1611.
40. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1671.
41. Зырянов Ф. П. Мои года – мое богатство. Краснодар: Советская Кубань, 1998.
42. Коваленко Т. В. Горький в театре Горького: страницы истории краснодарской художественной жизни // Кавказские маршруты Максима Горького: сб. науч. ст. Краснодар: Экоинвест, 2018. С. 164–178.
43. Коваленко Т. В., Архангельский Ю. Е., Найдено М. К. «...Снова зазвучали произведения свободного советского искусства»: театр в культурной жизни Краснодарского края 1943–
13. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 1, File 84.
14. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 1, File 85.
15. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 1, File 86.
16. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 2, Forewords.
17. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 4, File 2.
18. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 4, File 6.
19. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 5, File 3.
20. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 5, File 13.
21. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 5, File 14.
22. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 5, File 15.
23. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 5, File 17.
24. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 5, File 19.
25. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 5, File 21.
26. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 6, Forewords.
27. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 7, File 17.
28. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 7, File 18.
29. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 7, File 19.
30. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 8, File 112.
31. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 8, File 113.
32. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 8, File 114.
33. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 9, File 5.
34. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 9, File 6.
35. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 10, Forewords.
36. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 10, File 11.
37. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 11, File 7.
38. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1609, Inventory 11, File 21.
39. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1611.
40. State Archive of the Krasnodar Region, Fund R-1671.
41. Zyryanov, F. P., *Moi goda – moye bogatstvo* [*My Years Are my Wealth*]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1998.
42. Kovalenko, T. V., Gor'kiy v teatre Gor'kogo: stranitsy istorii krasnodarskoy khudozhestvennoy zhizni [Gorky in the Gorky Theater: Pages of the History of the Krasnodar Artistic Life], In *Kavkazskiye marshruty Maksima*

1945 гг. // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 4. С. 81–88.

44. Колесников А. Г. Евгения Белоусова. Судьба актрисы – судьба жанра. М.: Театралис, 2004.

45. Куликовский Л. М. Человек с улыбкой в сердце: театральный байки. Краснодар: Б. и., 2017.

46. Малахова С. И. Театр и пресса: катастрофа отношений (сценическая жизнь одного театрального спектакля в кривом зеркале краевой прессы) // Кубань. Проблемы культуры и информатизации. 2001. № 2. С. 34–37.

47. Малахова С. И. Театр эпохи Куликовского. Краснодар: Традиция, 2016.

48. Театральная энциклопедия: В 5-ти т. / гл. ред. С. С. Мокульский, П. А. Марков. М.: Советская энциклопедия, 1961–1967.

49. Шишман С. С. «Свадьба Кречинского» // Советская Кубань. 1944. 27 сент. С. 2.

Gor'kogo: Sel. Sci. Papers, Krasnodar: Ekoinvest, 2018, pp. 164–178.

43. Kovalenko, T. V., Arkhangel'skiy, Yu. E., and Naydenko, M. K., « ...Snova zazvuchali proizvedeniya svobodnogo sovetskogo iskusstva»: teatr v kul'turnoy zhizni Krasnodarskogo kraya 1943–1945 gg. [«Again Sounded Works of Free Soviet Art»: Theater in the Cultural Life of the Krasnodar Region in the 1943–1945», *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2018, no. 4, pp. 81–88.

44. Kolesnikov, A. G., *Evgeniya Belousova. Sud'ba aktrisy – sud'ba zhanra* [Evgeniya Belousova. The fate of the actress – the fate of the genre], Moscow: Teatralis, 2004.

45. Kulikovskiy, L. M., *Chelovek s ulybkoy v serdtse: teatral'nyy bayki* [Man with a Smile in his Heart: Theatrical Tales], Krasnodar: no publ., 2017.

46. Malakhova, S. I., *Teatr i pressa: katastrofa otnosheniy (stsenicheskaya zhizn' odnogo teatral'nogo spektaklya v krivom zerkale krayevoy pressy)* [Theater and Press: Relationship Catastrophe (The Stage Life of a Theater Performance in a Curved Mirror of a Regional Press)], *Kuban' Problemy kul'tury i informatizatsii*, 2001, no. 2, pp. 34–37.

47. Malakhova, S. I., *Teatr epokhi Kulikovskogo* [Theater era Kulikovskogo], Krasnodar: Traditsiya, 2016.

48. *Teatral'naya entsiklopediya* [Theater Encyclopedia], In 5 vols, S. S. Mokul'skiy and P. A. Markov, Eds., Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1961–1967.

49. Shishman, S. S., «Svad'ba Krechinskogo» [“Krechinsky's Wedding”], *Sovetskaya Kuban'*, September 27, 1944, pp. 2.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Коваленко, Т. В. Неопубликованное. Личные фонды деятелей театрального искусства в Государственном архиве Краснодарского края [Электронный ресурс] / Т. В. Коваленко, В. Ю. Петренко // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 14–32. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Kovalenko_Petrenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kovalenko, T. V. and Petrenko, V. Yu., Neopublikovannoye. Lichnyye fondy deyateley teatral'nogo iskusstva v Gosudarstvennom arkhive Krasnodarskogo kraya [Unpublished. Personal Funds of Theatrical Artists in the State Archives of the Krasnodar Region], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 14–32. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Kovalenko_Petrenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ГАФАРОВ Видади Рамиз оглы

доктор философии по искусствоведению, доцент,
заведующий отделом театра, кино и телевидения
Института архитектуры и искусства
Национальной академии наук Азербайджана
Баку, Азербайджанская Республика

Vidadi R. GAFAROV

Head, Department of Theater, Cinema and Television,
Institute of Architecture and Art,
National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Baku, Republic of Azerbaijan
vidadi-qafarov@rambler.ru

УДК 792.03:792.075(470:479.24)

ГРНТИ 18.45.91

ВАК 24.00.01

**Творческое наследие А. Г. Ридаль
и К. Ф. Степанова-Колосова
как общее достояние российского
и азербайджанского театра**

**The Creative Heritage of Arseniy
G. Rydal and Konstantin F. Stepanov-
Kolosov as the Common Treasure
of the Russian and Azerbaijani Theater**

В статье реконструированы биографии и творческая деятельность талантливых режиссеров А. Г. Ридаль и К. Ф. Степанова-Колосова, сыгравших важную роль в становлении профессионального театрального искусства в Азербайджане. Их имена вписаны не только в историю азербайджанского театра — оба работали и в других городах бывшего Советского Союза, в том числе отдали немало сил развитию Краснодарского драматического театра имени М. Горького. В бакинский период А. Г. Ридаль (в 1926-1939 гг.), К. Ф. Степанов-Колосов (в 1949-1954 гг.) осуществили более 30 постановок, оставивших глубокий след в памяти зрителей. Творческие усилия А. Г. Ридаль и К. Ф. Степанова-Колосова способствовали обогащению репертуара, укреплению дружеских связей между нашими народами.

Ключевые слова: история азербайджанского театра, театральная жизнь, Краснодарский драматический театр имени М. Горького, А. Г. Ридаль, К. Ф. Степанов-Колосов, театральная режиссура.

The author reconstructs the biographies and creative activities of talented directors Arseniy G. Rydal and Konstantin F. Stepanov-Kolosov, who played an important role in the development of professional theatrical art in Azerbaijan. Their names are written not only in the history of the Azerbaijani theater because they both worked in different cities of the former Soviet Union, including giving a lot of energy to the development of the Krasnodar Drama Theater. In the Baku period Arseniy G. Rydal (in 1926-1939) and Konstantin F. Stepanov-Kolosov (in 1949-1954) carried out more than 30 productions, which left a deep impression in the memory of the audience. The creative efforts of Arseniy G. Rydal and Konstantin F. Stepanov-Kolosov contributed to the enrichment of the repertoire and the strengthening of friendly ties between our peoples.

Keywords: history of the Azerbaijani theater, theater life, Krasnodar Drama Theater, Arseniy G. Rydal, Konstantin F. Stepanov-Kolosov, theater directing.

Становление азербайджанского профессионального театра немалым обязано российским деятелям искусства, которые с начала XX в. принимали участие в развитии бакинских театров, служа культуре Азербайджана и делу укрепления дружественных связей между нашими народами. Режиссеры А. А. Туганов, А. Иванов, С. А. Майоров, Д. Г. Гутман, В. Люце, А. А. Грипич, Я. Г. Ярославский, Л. Ф. Дашковский, Б. С. Великанов, П. А. Рудин, М. И. Рихельс и другие создавали интересные, запоминающиеся спектакли на бакинской сцене — не только в Русском драматическом театре, осуществлявшем постановки на русском языке, но и в других театрах города. Многие были художественными руководителями, главными режиссерами театров, награждались почетными званиями Азербайджанской Республики.

Биографии двух представителей этой плеяды — А. Г. Ридаль и К. Ф. Степанов-Колосова примечательны тем, что оба работали в Баку (Ридаль в 1926-1939 гг., Степанов-Колосов в 1949-1954 гг.), а также, в другие периоды своей творческой деятельности, в Краснодаре. Напомним об основных вехах творческого и жизненного пути этих режиссеров.

Арсений Григорьевич Ридаль (1883-1975) родился 29 декабря 1883 г. (10 января 1884 г. по старому стилю) в Санкт-Петербурге в семье Ридаль-Левиных, его отец был банковским служащим. По окончании иркутской гимназии Арсений учился на медицинском факультете Томского университета. В 1910-1912 гг. прошел курс режиссуры в Летней школе Макса Рейнгардта в Германии, в 1913 г. консерваторский курс композиции и дирижирования (Брюссель).

Начав как актер в Санкт-Петербургском театре «Кривое зеркало», играл в составе малых трупп (1913-1916) северной столицы империи.

После мобилизации в РККА был зачислен в санитарный отряд при Донском ревкоме, но не покинул сцену: в 1917 г. выступал в опере С. И. Зимина; в 1918-1919 гг. создал самодеятельный театр в г. Богучаре. Период 1919-1924 гг. был связан с Воронежем, где он преподавал театральной студии, ставил спектакли в студийном и городском театрах, основал Театр вольных мастеров (1923-1924), написал комическую оперу «Последнее приключение Дон Жуана» (1923) и музыку ко многим спектаклям.

Позднее Ридалью пришлось жить и работать во многих городах (Баку, Куйбышев, Ереван, Тбилиси). Он вплоть до 1960-х преподавал в театральных училищах Воронежа, Баку, Москвы (ЦЕТЕТИС, 1931-1933), Ташкента. В 1952-1962 гг. был главным режиссером Грозненского театра драмы. В 1960-м получил звание «Заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР». Умер 24 марта 1975 г. в Грозном [2].

Из сказанного видно, сколь яркий жизненный путь выпало пройти Арсению Ридалью, преданно служившему театру, любовь к которому для него была превыше всего.

Мы отметили, что 1926-1939 гг. были достаточно тесно связаны с работой в Азербайджане. Ради исторической точности скажем: бакинские эпизоды его творчества охватывают 1926-1928, 1933-1934, 1937-1939 гг. [1]. Первой была осуществлена постановка пьесы М. А. Булгакова «Зойкина квартира» (премьера 31 октября 1926 г.) в Бакинском рабочем театре (ныне Русский драматический театр), далее на сцене этого театра он подготовил еще 15

*Степанов-Колосов Константин Федорович
(1894 - 1962)*

постановок [1]. Кроме того, поставил три спектакля в Бакинском тюркском рабочем театре (на азербайджанском языке).

Деятельность А. Г. Ридалья в Баку была очень плодотворной, только в 1926-1928 гг. он дал жизнь десяти спектаклям. На сцене Бакинского рабочего театра — «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго (премьера 14 ноября 1926 г.), «Том Соьер» М. Твена (премьера 3 декабря 1926 г.), «Семья Космовских» Ю. Н. Юрьина (премьера 27 декабря 1926 г.), «Конец Криворыльска» Б. С. Ромашова (премьера 27 января 1927 г.), «Дети» Германа Бара (премьера 08 февраля 1927 г.), «Есть контакт» М. П. Гальперина (премьера 20 марта 1927 г.). Его спектакли, как правило, выделявшиеся оригинальным решением и ансамблевой игрой, привлекали внимание зрителей и театральной общественности.

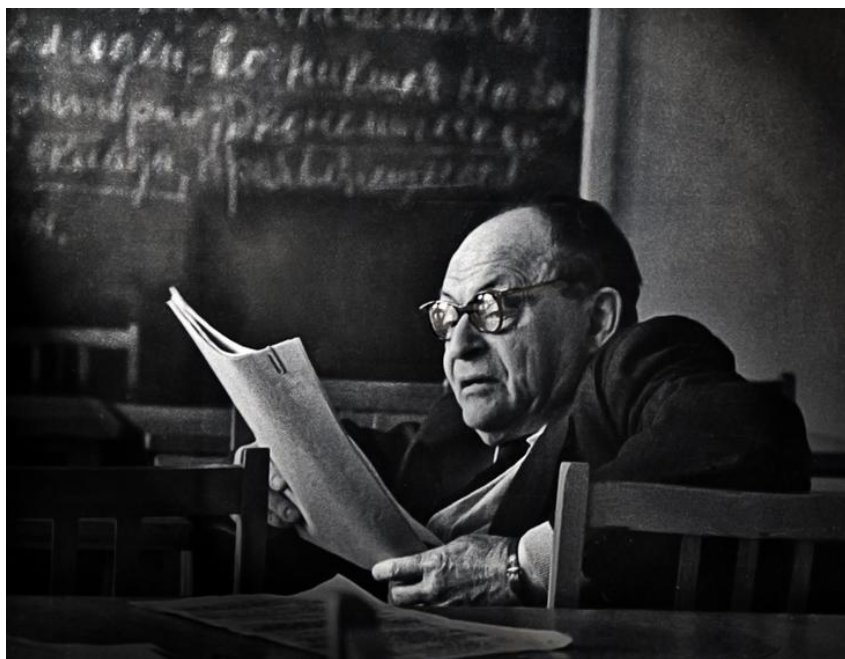
Постановки на азербайджанском языке по пьесам «Парижский собор Нотр-Дам» В. Гюго (премьера 6 апреля 1928 г.), «Рельсы гудят» В. М. Киршона (название спектакля «Золотые поезда», премьера 4 ноября 1928 г.), «Разлом» Б. А. Лавренева были встречены с большим интересом. Периодическая печать откликнулась на «Парижский собор Нотр-Дам»: «несмотря на то, что эта постановка является первым творческим опытом режиссера А. Г. Ридалья в Тюркском Рабочем Театре,

ему удалось плодотворное сотрудничество с художником М. Сагияном, и особенно с актерским ансамблем» [5, с. 100]. В «Золотых поездах» он добился еще большего успеха. Критика отмечала, что «под руководством режиссера А. Г. Ридалья и художника С. С. Серегина удалось создать крайне волнующий спектакль, с ярким художественным стилем ... Огромный завод был очень удачным и как художественное пространство, и как конструкция для планирования массовых сцен ... Вообще “Золотые поезда” в Тюркском Рабочем Театре являются победой, указывающей на художественный рост театра» [6, с. 75-76].

Во время тбилисских гастролей Бакинского тюркского рабочего театра (январь 1929 г.) пьеса Б. А. Лавренева «Разлом», поставленная А. Г. Ридалем, имела большой успех и на сцене театра имени Руставели. Как писалось в прессе, «Постановка “Разлом” на тюркской сцене ... одна из блестящих побед тюркского театра ... спектакль прошел с исключительным воодушевлением и зрители, заполнившие зал, тепло встретили гастролеров» [6, с. 79-80].

А. Г. Ридаль в 1933-1934, 1937-1939 гг. работал с неменьшей активностью. В эти годы на сцене Азербайджанского государственного русского драматического театра им поставлены «Интервенция» Л. И. Славина, «Бешеные деньги» А. Н. Островского, «В 1905-м году» Дж. Джабарлы, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Шел солдат с фронта» В. П. Катаева, «Медведь — победитель разбойника» М. Ф. Ахундзаде, «Чекисты» М. Э. Козакова, «Похищение Елены» Л. Вернейля. Из названных спектаклей «Интервенция» имела особый успех и была по праву признана одной из лучших постановок за всю историю театра: «спектакль обязан своей славой и режиссеру-постановщику А. Ридалью, и художнику Вяч. Иванову, и композитору С. Паниеву, и прекрасным артистам» [3, с. 19].

Бакинский период творчества Ридалья знаменателен также

Ридаль Арсений Григорьевич (1893-1975)

обращением к азербайджанской классике: комедии «Медведь — победитель разбойника» основоположника Азербайджанской драматургии М. Ф. Ахундова и драмы Дж. Джаббарлы «В 1905-м году».

В выборе репертуара А. Г. Ридаль тяготел к классике, отличался широтой тематики и жанровым разнообразием. Все это принесло режиссеру заслуженное признание со стороны зрителей и театральных критиков. Ридаль работал в Баку в общей сложности около шести лет, внося свою лепту в развитие азербайджанского театрального искусства.

О жизни Константина Федоровича Степанова-Колосова информации, к сожалению, немного. Известно, что родился он в 1894 г., служил в театрах Челябинска, Свердловска, Барнаула, Баку, Кирова, Ишима. В 1930-1940-х К. Ф. Степанов-Колосов был главным режиссером Краснодарского театра драмы, Шадринского театра драмы (худрук с 1942 г.), Пермского театра драмы (1945-1946), Ярославского театра драмы имени Ф. Г. Волкова (1946-1949), Ленинградского областного гастрольного театра (1955). В 1944 г. был удостоен звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Скончался в 1962 г. в Ленинграде, похоронен на Преображенском кладбище [4].

Однако о бакинском периоде творчества К. Ф. Степанова-Колосова известно довольно подробно. В 1949-1955 гг. он был главным режиссером Азербайджанского государственного русского драматического театра, где осуществил 15 постановок. В отличие от А. Г. Ридаль, обращавшегося и к западноевропейской классике, Степанов-Колосов тяготел к отечественной и, особенно, современной драматургии. Благодаря ему на Бакинской сцене состоялись премьеры спектаклей: «Горе от ума» А. С. Грибоедова (23 мая 1951 г.), «Женитьба» Н. В. Гоголя (1 марта 1952 г.), «Лес» А. Н. Островского (29 июня 1952 г.), «Тени» М. Е. Салтыкова-Щедрина (28 декабря 1953 г.), «Чужая тень» К. М. Симонова (12 декабря 1949 г.), «Счастье» П. А. Павленко (20 декабря 1949 г.), «Молодость» Л. Г. Зорина (29 марта 1950 г.), «В средние века» Л. Шейна и И. Пырьева (1 марта 1952 г.), «Директор» С. И. Алешина, «Незабываемый 1919-й» В. В. Вишневского, «Семья» И. Ф. Попова

(29 августа 1952 г.), «Порт-Артур» И. Ф. Попова и А. Н. Степанова (27 июля 1953 г.), «Любовь на рассвете» Я. А. Галана (25 сентября 1953 г.), «Огненный мост» Б. С. Ромашова (13 мая 1954 г.), «Иван Рыбаков» В. М. Гусева [1].

О пьесе «Счастье» пресса писала: «Поиск героя нашего времени, достойного подражания, приводит театр к инсценировке замечательного романа П. Павленко “Счастье”. Спектакль, поставленный К. Степановым-Колосовым, тем и отличался, что нес в себе эту заразительность примера, внушал чувства гордости такими людьми, как Воропаев...» [3, с. 45]. Творчество режиссера всегда было в центре внимания прессы. Рецензенты писали, что «Горе от ума» «отличалось... глубиной замысла, сочным реализмом актерского исполнения» [3, с. 64], называли одной из самых удачных работ Степанова-Колосова спектакль на современную тематику: «Такой же реалистической добротностью в целом и во всех своих деталях отличалась постановка пьесы И. Попова “Семья”» [3, с. 55]. «Лес» в постановке К. Ф. Степанова-Колосова также вызвал широкий резонанс: «Театр раздвигает рамки пьесы... разоблачает Гурмыжских с широких общественных позиций, видит в Несчастливцеве не только гордого человека и актера, влюбленного в искусство, но и гражданина, смело обличающего общественное зло» [3, с. 60]. Как «ценный опыт создания сатирического спектакля» была воспринята постановка комедии Салтыкова-Щедрина «Тени»: «В целом это был яркий, впечатляющий спектакль» [3, с. 66].

Творчество этого режиссера получило заслуженно высокую оценку современников: «Укреплению реалистических корней театра способствовали спектакли К. Степанова-Колосова, поставленные вдумчиво, добротно. Будучи ряд лет главным режиссером театра, он воспитывал труппу в духе строгого реализма, верности жизненной правде» [3, с. 55].

Таким образом, А. Г. Ридаль и К. Ф. Степанов-Колосов внесли значительный вклад в обогащение репертуара и развитие дружеских связей между национальными культурами; их имена навечно вписаны в историю азербайджанского театра.

Использованная литература:

1. Алиева А. Азербайджанский государственный русский драматический театр имени Самеда Вургун. Москва: Б.и., 1959.
2. Арсений Григорьевич Ридаль [Электронный ресурс] // Циклопедия. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Арсений_Григорьевич_Ридаль (дата обращения 29.10.18).
3. Богуславский В. Русский драматический театр имени Самеда Вургун. Баку: Театральное общество Азербайджана, 1971.
4. Григорьев А. В. Степанов-Колосов Константин Фёдорович. [Электронный ресурс] // Ярkipedia. URL: <https://yarwiki.ru/article/1691/stepanov-kolosov-konstantin-fyodorovich> (дата обращения 29.10.18).
5. Qazızadə İ. Azərbaycan İşçi Teatrı (1921-1932-ci illər). Bakı: Elm və təhsil, 2012.
6. Əfəndiyev M. S. Proletar teatrosu uğrunda. Bakı: Azərnəşr, 1931.

References:

1. Aliyeva, A., *Azərbaydzhanskiy gosudarstvennyy russkiy dramaticheskiy teatr imeni Samed Vurguna*, Moskva: no publ., 1959.
2. Arseniy Grigor'yevich Ridal', in *TSiklopediya*. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Arseniy_Grigor'yevich_Ridal'. Accessed 29 October, 2018.
3. Boguslavskiy, V., *Russkiy dramaticheskiy teatr imeni Samed Vurguna*, Baku: Teatr'noye obshchestvo Azerbaydzhana, 1971.
4. Grigor'yev, A. V., Stepanov-Kolosov Konstantin Fyodorovich, in *YArkipeidiya*. URL: <https://yarwiki.ru/article/1691/stepanov-kolosov-konstantin-fyodorovich>. Accessed 29 October, 2018.
5. Qazızadə, İ., *Azərbaycan İşçi Teatrı (1921-1932-ci illər)* [The Azerbaijani Theater of Workers (1921-1932)], Bakı: Elm və təhsil, 2012.
6. Əfəndiyev, M. S., *Proletar teatrosu uğrunda* [For Proletarian Theater], Bakı: Azərnəşr, 1931.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гафаров, В. Р. Творческое наследие А. Г. Ридалья и К. Ф. Степанова-Колосова как общее достояние российского и азербайджанского театра [Электронный ресурс] / В. Р. Гафаров // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 33–37. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Gafarov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gafarov, V. R., *Tvorcheskoye naslediye A. G. Ridalya i K. F. Stepanova-Kolosova kak obshcheye dostoyaniye rossiyskogo i azerbaydzhanskogo teatra* (The Creative Heritage of Arseniy G. Rydal and Konstantin F. Stepanov-Kolosov as the Common Property of the Russian and Azerbaijani Theater), *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 33–37. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Gafarov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КОЛЕСНИКОВА Светлана Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных
дисциплин и спорта подготовительного факультета
для иностранных граждан,
Кубанского государственного технологического университета
Краснодар, Россия

Svetlana A. KOLESNIKOVA

Cand. Sci., (Russian Literature), Assoc. Prof., Preparatory Faculty
for Foreign Citizens, Department of Humanities and Sports,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
ck16@mail.ru

УДК [792.09+821.161.1.09]: 316.64
ГРНТИ 18.45.91
ВАК 24.00.01

Освоение русской классики драматическими театрами в контексте культурной идентичности региона

The Development of the Russian Classics by the Drama Theatres in the Context of the Cultural Identity of Region

В статье рассматривается проблема интерпретации русской классической драматургии на драматической сцене Кубани в начале XXI в. В основу анализа положены спектакли Краснодарского драматического театра им. М. Горького и Краснодарского молодежного театра. Автор выделяет две главные тенденции рассматриваемого процесса: активное расширение репертуара по авторам и названиям и явное сужение семантики произведений при их переносе на драматическую сцену. Причины диспропорции обусловлены исторически: деидеологизацией творческого процесса, стремлением через свободу выбора обрести новый, актуальный сценический язык. Отмечается, что художественные результаты интерпретаций далеки от заявленных намерений и режиссерских деклараций. Отношение современной режиссуры к социальной реальности отмечено стойкой ироничностью и сарказмом. Автор утверждает, что театральные работы современных режиссеров отличает отсутствие чувства лиризма и сопереживания, а также душевной боли, которые лежат в основании великой русской драматургии двух прошлых веков.

Ключевые слова: русская драматургия, современный театр, семантика драматических произведений, художественный прогресс, интерпретация классики, театральные репертуар, режиссура, актуальность, сценическая культура, жанровые конструкты.

The article reviews the problem of the interpretation of Russian classical drama on the Kuban stage in the 21st century. The analysis is based on the performances of the Gorky Krasnodar Drama Theatre and the Krasnodar Youth Theatre. The author identifies two main trends of the process: the active expansion of the repertoire by authors and titles and the obvious narrowing of the semantics of the works when they are transferred to the dramatic scene. The author supposes that the causes of disparities have historical background: the de-ideologization of the creative process, the desire through the freedom of choice to acquire new, relevant stage language. It is noted that the artistic results of the interpretations are far from the stated intentions and director's declarations. The attitude of modern directing to social reality is marked by persistent irony and sarcasm. The author argues that the theatrical works of contemporary directors are distinguished by a lack of a sense of lyricism and empathy as well as spiritual pain which lie at the basis of the great Russian drama of the past two centuries.

Keywords: Russian dramaturgy, modern theater, semantics of dramatic works, artistic progress, interpretation of classics, theatrical repertoire, direction, relevance, stage culture, genre constructs.

Театральное освоение классического наследия русской драматургии кубанской сценой в начале XXI в. заслуживает предметного разговора, по меньшей мере, по двум причинам. Налицо расширение репертуара Краснодарского драматического театра им. М. Горького и Краснодарского Молодежного театра. Со середины прошлого века и вплоть до начала 1980-х гг. русская драматургия была представлена на главной сцене Краснодарского края исключительно двумя авторами: Максимом Горьким и Александром Островским. Эпизодически возникали А. В. Сухово-Кобылин («Смерть Тарелкина» и «Свадьба Кречинского») и Л. Н. Толстой («Живой труп»). О таких именах, как Пушкин, Грибоедов, Достоевский, Гоголь, Тургенев, Булгаков, даже Чехов, не упоминалось в принципе более тридцати лет. Таков был выбор главного режиссера театра М. А. Куликовского, видного российского мастера старой школы, обеспечившего театру высокую сценическую культуру на долгие годы, но ограничившего самое экзистенциальное поле русской драмы по причинам исключительно идеологическим. Это отдельная тема, на которой мы не будем останавливаться¹.

После его ухода с поста главного режиссера театра (1983) постепенно картина менялась. Новые авторы стали приходить на краснодарскую сцену, и в начале XXI в. мы наблюдали как бы процесс возмещения недоданного театру и зрителю. Неконтролируемый, порой, находящийся между строк смысл русских прозрений, так пугавший режиссеров ушедшего поколения, стал вырываться наружу с нарочитым, зачастую истерическим форсажем. И тут вторая сторона нашей темы: в контрасте одномерности прошлого сего академическим покоем и взрывного характера сегодняшней актуальности мы видим суть проблемы.

Эволюция познания великих текстов драматической сценой лишена, по нашим наблюдениям, плавного или размеренного хода. Она буквально взрыта амбициями нового поколения режиссуры, утверждающей себя, что

интересно, не в союзе с современной драматургией, громкой пьесой из жизни современника, как было в 60-х гг. прошлого века (вспомним, героев Эдварда Радзинского, Александра Вампилова, Михаила Рощина и др.). А именно в союзе со старыми текстами, вроде бы ушедшими в историю литературы и театра. В год по некоторым подсчетам в стране пишется полторы тысячи текстов в драматической форме (намеренно не называю их пьесами). Поводом же радикального высказывания театра становятся великие русские драмы. Почти хрестоматийные названия занимают важное место в афишах не одних краснодарских театров.

Обратимся к конкретному репертуару рубежа веков и представляющему какое-то время (иногда продолжительное) художественную позицию театров Краснодара как культурного центра Юга России.

Вафише драматического театра показательно лидируют Гоголь и Чехов, два наиболее концептуальных автора русской сцены последние полвека. Вернее, режиссура выбрала их для своих концептуальных манифестаций. У Чехова помимо драм «Вишневого сада» (1993) и «Дяди Вани» (2001) поставлена проза: «Финтифлюшки» (2013) и «Он_Она_Собачк@» (2016). Помимо драм Гоголя «Женитьбы» (1997), «Ревизора» (2009) и «Игроков» (2001) воплощена также его проза: «Ночь перед Рождеством» (2006) и «Панночка» («Вий», 2012).

Уверенно пришел на краснодарскую сцену Достоевский: «Легенда» (то есть «Легенда о Великом инквизиторе», фрагмент из «Братьев Карамазовых»), «Фома Фомич» («Село Степанчиково и его обитатели», 1998) и «Один день из жизни города N» («Дядюшкин сон», 2015). Впервые в новом времени сыгран Пушкин: «Капитанская дочка» (1999) и «Маленькие трагедии» (2002) (мы не рассматриваем детскую постановку «Сказка о царе Салтане», созданную 40 лет назад). По одной постановке у Тургенева — «Нахлебник» (2008) и некогда самого репертуарного автора Островского — «Доходное место» (2006). Горький представлен в новом веке пока двумя пьесами: «Чудаки» (2010) и только что выпущены «Мещане» (2018).

¹ Обратим внимание на статью Т. Коваленко «Горький в театре Горького: страницы истории краснодарской художественной жизни» [1] В ней впервые систематизированы сведения о постановках Горького на сцене Краснодарского театра драмы в XX в. (см. также статью Н. В. Свитенко [2])

В Молодежном театре сегодня играют: «Вечный муж» Достоевского (2011), «Грозу» Островского (2016) и «Дьявол» по Л. Толстому (2018). Ранее в их репертуаре были «Чайка» Чехова (2006), «Отцы и дети» и «Месяц в деревне» Тургенева (2007), «Дуэль» по Чехову (2004), «Сцены в доме Бессеменова» («Мещане») Горького (2002), (спектакль с успехом шел много лет), «Аттанде» («Пиковая дама») Пушкина, «Убивец» («Преступление и наказание») Достоевского. Молодежный театр благодаря политике В. Рогульченко, бывшего главным режиссером более 15 лет, серьезно занимался классикой и продолжает это делать.

Упомянем постановку оперы Чайковского по Пушкинку «Пиковая дама» в Музыкальном театре.

В данном ряду есть постановки, сохраняющие связь с традиционной, академической манерой. И есть те, что идут резко в отрыв от них и манифестируют новизну любыми средствами, только бы не выглядеть театром прошлого, дать понять публике и критике свое альтернативное положение в современной культуре. При этом общим местом всех спектаклей становится так или иначе преобладание сценического языка над смыслом и идейной сутью сочинения. Редкий случай, когда одно и второе находятся в согласии, органично выражают движение авторского смысла. Эти диспропорции — явление повальное и легче всего предположить, что рождены сегодняшней ситуацией творческого раскрепощения, отсутствием цензуры, свободой выбора как материала для творчества (то есть автора-драматурга), так и средств выражения собственного отношения к взятому автору.

Мы считаем эти процессы исторически обусловленными и датируем их начало в 1960-х гг. Литература и театр шестидесятников стали явлением национального сознания. Главная его особенность — боязнь привнести политику и официальную идеологию в искусство; а также то обстоятельство, что российская сцена обретала тогда давно чаемый ею современный сценический язык. Она как от тяжкого векового груза избавлялась от бытоподобия, от реализма, превратившегося из великого творческого метода национального искусства в идеологический

инструмент, называемый «социалистическим реализмом».

Реакцией на избавление от публицистики и любого рода заказа становились спектакли определенного типа. В них авторское слово представало пропущенным через фильтр метафорического или вовсе условного режиссёрского видения. Театр будто спешил докончить прерванный полёт мейерхольдовской мысли — насильственные запреты прошлых лет, когда Мейерхольд всё это уже, так или иначе, опробовал. Метафора как образное средство сценического языка в театре XX в., все больше стала теснить и замещать идейные основы канонического текста — оспаривать автора. Массовое развитие этой тенденции привело к *десемантизации классического текста*. Мы употребляем этот термин в прямом значении — как обозначающий потерю или сознательный отказ от исходного смысла и содержания, заключённых в драме. Предпосылки такого процесса, как ни странно, коренились в позитивном стремлении театральных интерпретаторов обновить образную природу спектакля, расширить набор традиционных средств театра, включить в него новые выразительные приёмы, а то и целые знаковые системы, создающие новую поэтику.

Увы, эти теоретические посылки и устремления к художественному прогрессу в реальности театра слишком часто приводят к обратному результату. А именно, сужению семантического поля сочинения, его идейно-философских оснований вплоть до утраты авторского языка.

Дадим беглые зарисовки некоторых современных спектаклей, чтобы проиллюстрировать нашу мысль.

Режиссёр А. Огарев ставил «Панночку» Н. Садур (по «Вию» Гоголя) в Краснодарском академическом театре драмы им. М. Горького в контексте времени, рассматривая «уродливую гримасу века». Малороссийское предание о ведьме тянет за собой шлейф гоголевского мистицизма, религиозного смятения и душевных откровений. Но не у этого режиссера. В свое сценическое повествование он вкрапляет сторонний материал, а проще говоря, современный реквизит. Ночной полет старуха и философ совершают на беговой дорожке; ге-

рой истории не только слушают казачьи страшилки, но и смотрят их в 3D; гремят пластиковые горшки на плетне; наконец, не остаётся никаких сомнений в осквернении церкви: алтарь превращается в пляж, где Хома Брут пьёт Мохито, а вокруг него извиваются ведьмы Gogo в кислотно-оранжевых купальниках. В финале в разлитом алом зареве они уходят на десятисантиметровых шпильках, превращаясь в черные силуэты, оставив за собой шезлонг со скелетом Хома Брута. Pussy riot отпевают его последнюю надежду.

В спектакле, несмотря на изыски театральности, пестроту и избыточность ассоциативного ряда, в помине нет гоголевской эстетики тьмы. Она мелькает лишь на дереве-проекторе, где идёт мультфильм (кстати талантливо нарисованный): синяя Панночка в хате у Шепчихи перегрызает горло младенцу. От метапространства малороссийского предания остались горилка и стог сена, из которого дрожат от страха усы казаков, слышавших ведьминский вой. Эклектика элементов быта и внешнего вида персонажей (художник-постановщик С. Аболмазов, художник по костюмам И. Шульженко) не затронула игры актеров. Думаю, даже Вий, это «колоссальное создание простонародного воображения» произнёс бы повелительно: «Закройте мне веки!»

Никто в русской литературе не пишет страшнее Гоголя. Современные истории о клыкастых вампирах и уродливых франкенштейнах пугают детей, но гоголевские картины захолустных городишек России и Малороссии с их повседневностью и мелкими грехами могут опустить туда, где открывается весь онтологический ужас бытия. Гоголь — проводник в ад. И ад у него — совсем не «геенна огненная», он подобен дантовскому замерзшему колодцу, на дне которого таится ледяной страх, и только эхом отдается смех.

Вроде бы режиссер А. Горбань уловил эту особенность автора, хотя и его постановка «Ревизора» в Краснодарском академическом театре драмы, строится на эпатажном решении. А именно: Россия, утопающая в грязи, опускающаяся на самое дно. Это главная идея спектакля, выраженная режиссерскими, актерскими и сценографическими приемами. Вот чиновник — почетное лицо города N сидит

в ложе, разговаривает по телефону и, особенно чтя традиции предков, вдруг, кричит одобрительное кубанское «Любо!»; дочь Городничего танцует под французское романтическое «Je sais que tu...». А Хлестаков монтирует в себе целую галерею образов и пародий: то он Наполеон в треуголке, следит, как под величественную музыку Карла Орфа Carmina Burana падает на землю русский снег, забыв о своей Жозефине — дочери Городничего; а то он же лжереvizор — ходит по залу в маске древнеегипетского покровителя мертвых Анубиса, гипнотизируя не только доверчивых жителей городка, но и зрителей.

Обитатели города N «выделаны» в классической манере. В финале (несомненно затянутом) дана своеобразная музеефикация типов: застывшие мумии семьи городничего, облаченные в египетские одежды, усиливающие эффект комизма и т. д. Оригинально и музыкальное оформление: группа Gogol Bordello здесь уместна. Сценография, костюмы (А. Паненков) и пластика (Э. Соболев) призваны не столько актуализировать и без того актуального классика, но, видимо, добавить глубины постановке.

Атрибуты современного, злободневного спектакля и то, что за них выдается — не одно и то же. К сожалению, нарядить героев в эпатажные костюмы, разместить таблички с названием кубанских населенных пунктов, типа «Свинячий хутор», устроить символический стриптиз Хлестакова, разговаривать с залом на тему выключения сотовых телефонов, — всего этого недостаточно, чтобы быть на волне Николая Васильевича Гоголя.

И еще одна магическая вещь и одновременно фольклорная кладовая: «Ночь перед Рождеством», ставшая у режиссера Е. Ивановой почти мюзиклом и адресованная преимущественно детской аудитории. Что по-своему плодотворно. Пора уже сменить фантастических существ из космоса и столь любимого и экзотичного Маугли на более близкое российско-украинской действительности: на ряженого козла и черта, погрузиться в сказочную, фольклорную атмосферу колядок под искрометный гоголевский текст. Уже одно это вызывает желание идти в театр. Однако, принимаясь за постановку произведений Го-

голя, главное уловить и суметь удержать это неповторимое пространство и стиль, где знакомо все. Что-то вполне удалось в спектакле: летающие галушки, мерцающие в небе звезды, пропавший месяц, брошенные посреди заснеженного хутора мешки Солохи, рождественская карусель из лент, ряженные дивчины и парубки. Наконец, Пацюк в алой свитке, подсвеченный красными огнями рампы, не оставляющий никаких сомнений в том, что дружен с чертом.

Художник Л. Болдырева, однако, не удержала свой же собственный неповторимый стиль и прибегла к хайтеку: елки-пирамиды для Рождества смахивали на гробики для Хеллоуина; дискотечная светомузыка; в кульминационной сцене явления царицы в огромном золотом платье выдвигалась лестница не в екатерининском стиле... За всем этим читалась навязчивая попытка вырваться из классических рамок и осовременить бесмертное творение. Если так, надо менять все — от костюмов до диалогов. Иначе выходит лунно-марсианский пейзаж с мазаной хатой, а рождественские колядки артисты под фонограмму поют не своими голосами. Это, надо отметить, не помешало актерам оставаться героями настоящей гоголевской сказки. Любое произведение Гоголя не только красочно и колоритно. Очень сложным представляется его адаптация: стирая какой-то один смысловой пласт, непременно нарушается вся постройка. Спектакль получился не детский и не взрослый. Ему не хватало многогранности, чудной россыпи намеков и смыслов на хуторе близ Диканьки.

Спасибо Гоголю и Чехову за наше бесценное умение смеяться над собой, а не только над другими. Постановкой Н. Гриншпуна «Финтифлюшки» по коротким рассказам А. П. Чехова театр как бы смахнул беспрестанно гоняемую многолетнюю пыль конфликтов актеров, режиссёров, дирекции и занялся обновлением себя. И тут нужна — как оказалось! — вовсе не экспериментальная, лабораторная пьеса с набором вычурных жанровых определений (типа Double Пулинович или Down way), не нагромождение средств и натужных концепций. Нужна чутко интерпретированная классика.

Спектакль построен на первый взгляд клиповым методом, чтобы легче, быстрее достичь до современного ленивого сознания. Но ведь Чехов — мастер детали, это его метод! В ней он, порой, весь. И его деталь говорит о его намерениях и позиции гораздо объемней, чем иные многостраничные описания. Через мелкие безделушки — «финтифлюшки» можно просто объяснить законы человеческой природы: жестокость, страхи, слабость... Так и были разыграны рассказы «Скорая помощь», «Недобрая ночь», «Хористка», «Свистуны». Сценография С. Аболмазова аскетична, без излишеств. Актёры, удивили перевоплощениями. Режиссеру и труппе удалось ухватить своего «налима» — своего Чехова. Постановка потому оказалась успешной, что не навалился на неё режиссер всей массой своей экзистенциальности, лишь прикоснулся, стараясь передать мимолетность, юмор, «невидимые миру слёзы». И было ясно: Чехов — это не сложно, это чутко!

Скажем о спектаклях Молодежного театра, давно и серьезно увлеченного русской классикой. Вопреки своему титульному названию, он не страдает переизбытком незрелых чувств. Не стремится выплескивать так называемую «энергетику», которая давно многим заменяет собственно драматургию, и от которой уже, порой, тошнит. Этот театр сложно упрекнуть в отсутствии чувства меры, или, чего больше, вульгарности. Эстетика здесь — базовое понятие, первое из слагаемых спектакля: игра на полутонах, полувздохах, в тех выдержанных, всегда стильных декорациях, которым так идет полусвет. Здесь, наконец, бережное отношение к тексту автора. В общем, они держат марку. Но, как иногда, несмотря на вроде бы найденную золотую середину средств и смыслов, становится скучно у них; как затянуто их общение между собой и с нами.

«Гроза» по А. Островскому режиссера Д. Безносова — довольно техничный, в известном смысле современный спектакль-режёртыш. Спектакль в тренде, выражаясь сегодняшним языком, даже содержащий локальные штрихи-открытия. Легко и ловко постановщик использует ремарки пьесы в своих целях: Тихон на прощание целует Глашу, дев-

ку в доме Кабановых, и мы понимаем, что он к ней равнодушен, ровно как и она к нему. Катерину он совсем не любит, хоть и говорит обратное. А почему бы и нет? Все по тексту. Кабаниха подтирает нос, сидящему у нее на коленках Тихону, и зал смеется. Вместо «кондовой» старообрядной Кабанихи — мамаша-жертва, ревнующая сына к невестке. И кого она может «заесть» в этом городе Калинове, и какие она патриархальные устои хранит? Кроме сына ее мало что волнует. Так и непонятно не читавшему пьесу, почему, вдруг, Катерина убивает себя, неужели ее обидела довольно мягкая свекровь? Кто-то в зале боится Дикого? Нет, хотя актеры на протяжении всего спектакля нас пытаются им напугать. Тотальное несовпадение текста, образов и идей пьесы с тем, что нам представляют на сцене. И текст мстит — отказывается звучать. Он ведь у классиков живая субстанция — хочет звучит, хочет молчит, хочет приоткрывается дальними планами.

Три часа когнитивного диссонанса с яркими деталями на публику, бывает, и психологически точными, оправданными: пенящиеся кружки с пивом прячут в реке от Дикого веселый Кудряш и по-особому характерный Шапкин; белые штилеты Бориса, он в «порыве страсти» все же думает, как бы их не замочить в лодке. И тут я верю происходящему. Вижу душевные муки Тихона, когда тот рубит лодку. И верю Катерине, яростно бьющей мокрое белье о деревянный помост и изливающей душу Варваре, — здесь физическое действие как своеобразное самобичевание, отчаяние. Подвела лишь лодка, на которой поволжская Офелия уходила в мир иной: сцена залита водой, плавают бревна, она так быстро уплывала отсюда, что, казалось, сейчас взлетит, а Катерина встанет и будет звать Вия из другого великого текста (превращенного, впрочем, в любимый советский ужастик).

Режиссер умело играет созданным пространством, и актеры в нем живут и наслаждаются, думая, что это само по себе раскроет великую пьесу. Увы, она остается почти нетронутой. В этом сером городке с серыми обитателями обошлись без темноты нравов и безысходности. Не густо. Не заgroundовано. Не грозно. Так, слегка утопили текст и заодно Катерину.

Спектакль «Дьявол» по Л. Толстому создан режиссером Д. Хусниязовым по инсценировке А. Волошиной. Внешняя его сторона чрезвычайно внимательна, по-хорошему описательна. Сцены из деревенской жизни колоритны и привлекательны: деревянные настилы скрипят, белые тканевые полосы раздуваются как паруса от ветра: воздушность и свежесть (художник Э. Капелюш, художник по свету И. Фомин). Крестьянки в танце стирают и бьют белье о помосты (хореограф А. Сердюкова), где-то на сеновале поют в унисон, негромко, томно (композитор В. Истомин), а на заднем дворе блеют, мычат и кудахчут.

Но собственно сценическую драматургию это все не рождает. Страсти не кипят, а спокойно почивают на сеновале. Так и хотелось попросить слугу — большого добродушного Данилу, льющего по утрам из кувшина воду на голову своего сонного барина, брызнуть и в зрительный зал. Причины неясны, можно предположить, что философский и религиозный подтекст, всегда приобретающий у Толстого могучий размах, оказался необъятным для изящного, в чем-то элегантного двухчасового действия. Спектакль получился схематичным и номинально выражал заложенные в сочинении идеи. Притчу о Дьяволе, гнездящемся в душе вроде бы хороших людей, до конца так и не сыграли. Как бывает только у великого писателя, искушение приобретает вселенский масштаб, не сопоставимый с салонной картиной и чистой эстетикой постановки.

Мы намеренно выбрали для анализа крайние варианты отношения к классике, чтобы обозначить, во-первых, разброс возможных трактовок; во-вторых, найти в крайностях нечто общее, что они декларируют и что утверждают в итоге на современной сцене.

Наши выводы:

В современном театре ценности литературного текста как основного вместилища авторского послания перестают быть точкой отсчета для постановщиков. Так или иначе, они в своих решениях исходят не столько из текстовой данности, видимо, считая её давно освоенной. Они стремятся войти в пьесу через некую театральную форму и держат

курс на определённое стилистическое направление. Отринув последовательно из системы рассмотрения историко-культурную и социально-политическую обусловленность, а также в большой мере любовь, мораль и разум, постановщики заполняют образовавшийся вакуум исключительно собственными суждениями, настроениями, сомнительными аллюзиями и рифмами, неизжитыми комплексами. В этих условиях не репрезентативны никакие выводы об адекватности пьесы и спектакля, о целостности классического текста, когда он представлен на сцене. Таким образом, ставят не автора как уртекст, но некие ответвлённые от него вариации. Классическая же основа оказывается неподъёмной и происходит её распад на отдельные мотивы.

Во-вторых, в ходе современной интерпретации классики вместе с переинтонированием текстов возникают новые жанровые конструкты. Скажем, комедия «Горе от ума» превращается в драму. Спектакли становятся проектами, лабораторными опытами, высказываниями, вариациями на тему, — всем чем угодно, но только не собственно спектаклями. Характерна в этом смысле и почти повальная замена авторского названия сочинения на вновь образованное: не «Мещане», а «Сцены в доме Бессеменова»; не «Преступление и наказание», а «Убийца»; не «Легенда о Великом инквизиторе», а просто «Легенда»; не «Пиковая дама», а «Атанде»; не «Красная шапочка», а «Приключения Красной шапочки»; не «Дама с собачкой», а «Он_она_собачк@», не «Дядюшкин сон», а «Один день из жизни города N» и т. д.

Безусловно, современные жизненные реалии создают динамичный идейно-смысловой контекст литературному произведению, берущемуся к постановке. И мы понимаем, что перед режиссером встает задача раскрытия произведения в новом культурном контексте с использованием развивающегося инструментария современного театра. Но мы не считаем, что этот процесс непременно должен приводить к деструкции идейно-философских основ сочинения. Мы понимаем русскую пьесу как сложный комплекс морально-этических, социально-исторических и лирико-психологических феноменов. Соответственно при ее

анализе в литературоведении или на театре приемлема целостность. Современная режиссура, ради достижения своих целей, наоборот, выделяет из целостности нечто единичное, доминантное, нужное для сиюминутного резонанса в зале. Будучи не в состоянии выполнить огромную интеллектуальную работу с текстом, как он того требует, создатели постановок сводят свою задачу к нарочитому радикализму, который якобы сам по себе, будучи инновационным, должен вызвать определённое доверие к решению. Тем самым, сужаются проблемные поля пьесы или прозы. Мы вынуждены констатировать, порой, откровенное раздражение режиссёров, вынужденных считаться с текстом как данностью, со всем проблемным комплексом пьесы, да ещё помноженным на новые условия времени и места, постоянно меняющееся резонансное пространство русской классики.

Новая система режиссерских ценностей, некоторые черты которой мы наметили, несмотря на ее ущербность, тем не менее, органично вписалась в пестрый театральный процесс начала века, в котором рядом с подлинными проявлениями художественной мысли так свободно соседствует одичание. Краснодарская театральная жизнь именно этим путем подключается к современности на театре, постепенно принимая такой театр за норму. Бытование тех или иных радикальных постановок по классике, как правило кратковременно, они быстро вымываются из афиши, вытесняемые следующими. Выдыхается их запал, рассчитанный на сиюминутную ассоциативность. Иные же постановки держатся в репертуаре: «Панночка» идет 6-й сезон, «Ревизор» 9-й. С другой стороны, спектакли традиционного склада, скажем, «Женитьба» и «Евангелие от Воланда» («Мастер и Маргарита») играют соответственно 22-й и 24-й год. Цифры в их абсолютном выражении поэтому не всегда репрезентативны.

Нам осталось поставить сказанное в контекст культурной идентичности Кубани в начале XXI в. и тем замкнуть обозначенную тему. Представляется, что подавляющее большинство постановок по русской классике на драматической сцене никак не соотносятся собственно с кубанской традиционной

культурой, или с тем, что под ней понимается разными категориями социума: просто зрителями, интеллектуальной частью сограждан, творческим сообществом, наконец, сферой управления культурой и в более широком смысле — административными институтами.

Скажем более определенно: отношение современной режиссуры к социальной реальности Кубани отмечено стойкой ироничностью и сарказмом. Цитаты из классики, как правило, корреспондируют отдельным чер-

там кубанского менталитета, который обычно видится иногородним постановщикам почти в карикатурном виде. Правда, стоит отметить, что и в театрах других городов, за пределами Краснодарского края названные и не названные режиссеры движимы теми же чувствами иронии и сарказма. Во всех случаях, независимо от географии постановок, они лишены чувства лиризма и сопереживания, а также душевной боли, которые лежат в основании великой русской драматургии двух прошлых веков.

Использованная литература:

1. Коваленко Т. В. Горький в театре Горького: страницы истории краснодарской художественной жизни // Кавказские маршруты Максима Горького: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Н. Еремеева. Краснодар: Экоинвест, 2019. С.164-178.

2. Свитенко Н. В. Творчество М. Ю. Лермонтова в театральной интерпретации начала XXI века // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа. Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова / Отв. ред. В. К. Чумаченко. Часть 1. Краснодар, 2014. С. 284-298.

References:

1. Kovalenko, T. V., Gorkiy v teatre Gor'kogo: stranitsy istorii krasnodarskoy khudozhestvennoy zhizni [Gorky in the Gorky Theater: Pages of the History of the Krasnodar Artistic Life], in *Kavkazskie marshruty Maksima Gorkogo: Proc. Sci. Conf. (Mart 29, 2018, Krasnodar)*, Eremeeva, A. N., Ed., Krasnodar: Ekoinvest, 2019, pp. 164-178.

2. Svitenko, N. V., Tvorchestvo M. Yu. Lermontova v teatral'noy interpretatsii nachala XXI veka [Mikhail Lermontov's Works in Theatrical Interpretation of the Early 21st Century], in *Lermontov v istoricheskoy sud'be narodov Kavkaza: Proc. All-Russian Sci. Conf. Devoted to the 200 Anniversary of the Birth of Mikhail Lermontov*, Chumachenko, V.K., Ed., vol. 1, Krasnodar, 2014, pp. 284-298.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Колесникова, С. А. Освоение русской классики драматическими театрами в контексте культурной идентичности региона [Электронный ресурс] / С. А. Колесникова // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 38-45. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Kolesnikova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kolesnikova, S. A., Osvoenie russkoy klassiki dramaticheskimi teatrami v kontekste kul'turnoy identichnosti regiona [The Development of the Russian Classics by the Drama Theatres in the Context of the Cultural Identity of Region], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 38-45. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Kolesnikova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ВЫБЫВАНЕЦ Элеонора Васильевна

кандидат искусствоведения, преподаватель теории музыки
Детской школы искусств № 12,
Краснодар, Россия

Eleonora V. VYBYVANETS

Cand. Sci. (Musical Art), Lecturer of the Music Theory,
12th Children's Art School,
Krasnodar, Russia
elavib@mail.ru

УДК 792.09
ГРНТИ 18.45.91
ВАК 24.00.01

**«Театр уж полон...» Опыт
осмысления оперного шедевра**

В статье критически анализируется конкретная сценическая версия оперы «Евгений Онегин» П. Чайковского, выявляются ее достоинства и недостатки. Опыт осмысления оперного шедевра представлен в контексте социокультурной ментальности и проблематики современности. Новая версия постановки, премьера которой состоялась в декабре 2015 г., представляется актуальной и своевременной. Автор указывает на то, что контраст добротного и значительно более близкого традициям нового прочтения с прежней версией рассматриваемого произведения довольно разителен. В центре внимания – освещение лирической сущности музыкально-сценической драматургии и характеристик героев оперы, попытка раскрытия философской составляющей замысла Пушкина и Чайковского. Сделан вывод, что постановщики добились достаточно внятного и непротиворечивого (за малыми исключениями) единства между музыкально-драматургическим развитием и его сценическим воплощением.

Ключевые слова: Краснодарский музыкальный театр, В. Карклин, лиричность, любовь, режиссерское решение, визуальные метафоры, певцы-солисты, оркестр, сопереживание зрителя-слушателя.

**“The Theater Is already Full...”
Experience of Understanding
of the Opera Masterpiece**

The author critically analyzes the specific stage version of the opera “Eugene Onegin” by Pyotr Tchaikovsky and identifies its advantages and disadvantages. The experience of comprehension of the opera masterpiece is presented in the context of the socio-cultural mentality and problems of the present. The new version of the play, the premiere of which took place in December 2015, seems relevant and timely. The author points out that the contrast between the new reading, good and significantly closer to the traditions, with the previous version of the opera is rather striking. The focus is on the coverage of the lyrical essence of musical stage dramatic composition and the characteristics of the heroes of the opera, an attempt to reveal the philosophical component of the intentions of Pushkin and Tchaikovsky. It is concluded that the directors have achieved a sufficiently intelligible and consistent (with few exceptions) unity between the musical and dramatic development and its scenic embodiment.

Keywords: Krasnodar Musical Theater, V. Karklin, lyricism, love, director's decision, visual metaphors, soloists, orchestra, empathy of viewer-listener.

На известие о том, что 6 декабря 2018 г. увидит свет ramпы долгожданная, уже более полугода не исполнявшаяся на сцене Краснодарского музыкального театра ТО «Премьера» опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин», с большим энтузиазмом отреагировали многие из числа краснодарской театральной публики и музыкантов-исполнителей. И это «обыкновенное чудо» — воспользуемся здесь названием некогда популярного кинофильма — свершилось! «Чудо» потому, что мы вновь соприкоснулись с изумительным творением Петра Ильича — настоящим украшением репертуара любого оперного театра. А его чудесным возрождением мы обязаны блистательному дирижеру и художественному руководителю театра Владиславу Карклину, приглашенному из Санкт-Петербурга. Именно его титанические усилия и профессиональное мастерство, умение подобрать «команду» постановщиков (кстати, из той же родной Северной столицы), «заразить» своей трепетной любовью к великому произведению, организовать и проделать всю работу с исполнителями определили художественный уровень спектакля, думается, ничуть не уступающий столичному!

«Обыкновенное» же потому, что этот — иначе не скажешь — творческий взлет, в котором человек способен превзойти сам себя, совершен обычными людьми-тружениками, составляющими театральный организм: постановщиками, артистами, оформителями и рабочими сцены. Все они живут рядом с нами и, вкладывая душу, творят прекрасное для нас.

И действительно, публика, пришедшая в этот вечер в театр, с лихвой могла получить и сильные переживания, и высокое художественное наслаждение, и пищу для раздумий, длящиеся еще очень долго после окончания спектакля. Очень хочется надеяться, что и у попавшей на оперу в массово-организованном порядке молодежи после этого неординарного события повернется душа к настоящему искусству.

Здесь в нашем повествовании необходима маленькая историческая справка. Знакомство публики с оперой «Евгений Онегин» на сцене Краснодарского музыкального теа-

тра началось в сентябре 2002 г. с постановки Дмитрия Бертмана и Романа Виктюка (Москва). Модернистский спектакль-шоу — так его называли критики — учитывал тогдашние возможности труппы и продержался на сцене лет десять. Но с тех времен в театре многое изменилось: поменялись творческие руководители трупп, в состав последних пришли новые исполнительские силы. Изменились и требования зрителей-слушателей. Потому так своевременна была новая версия этого бессмертного произведения, премьера которой состоялась в декабре 2015-го. Контраст добротного и значительно более близкого традициям нового прочтения с прежней версией — разительен. Желание понять, в чем же кроется магия воздействия спектакля, побудило разобраться в этом по существу.

Предваряя аналитические выкладки, оговорим следующее. В суждениях о спектакле нельзя не учитывать жанровую специфичность данного произведения как «лирических сцен». Лиричность «Евгения Онегина» — если воспользоваться критериями лирического, отмеченными С. С. Гончаренко [3, с. 85–87], заключается: а) в определенной автономности отдельных картин, связанных едиными героями и причинно-следственными связями; б) в отсутствии целенаправленно, динамично и напряженно развивающейся фабулы, что так свойственно лирике. Преобладают не законы сюжетного развития, а эмоциональные мотивы как результаты некоего действия, поступка, ситуации, сценически не показываемых; в) в доминировании в опере лирической составляющей, то есть сосредоточенности на внутреннем, личностном, но в то же время — как писал о своем детище композитор — на «общечеловеческих чувствованиях».

Ядром же внутреннего мира личности, мерилom человеческой души выступает любовь и верность в своих различных проявлениях и качествах, социальной окрашенности и степени проявления чувства. Прежде всего это любовь мужчины и женщины в диапазоне от восторженно-самозабвенной романтической влюбленности (Ленский) — до благоговейщей любви-обожания (Гремин), от чистой и пылкой любви-грезы, приносящей в реальности страдания, гибель (Татьяна, Ленский) —

до любви, по словам Б. Асафьева, навечно «застывшей в сердце воспоминанием» [1, с. 127] (Татьяна); от безрассудной всепоглощающей страсти (Онегин) — до любви-долга, исполненной уважения и благодарности (Татьяна). Контрастно оттеняют и дополняют эту живую любовную стихию квази-любовь: привычка, привязанность (Ларина-мать, крестьянка няня) или сочиненная литературно-романная любовь. Подобное «схватывание» Чайковским сути образов «лирических сцен» делает их философски углубленным исследованием человека с его жизненными проблемами, социальной и личностной психологией. Причем не зависящими от конкретной эпохи или страны действия.

Начнем с 1-й картины, которая и насыщена действием и, одновременно, подталкивает к обобщениям философского плана. В ней не только экспонируются основные персонажи и обрисована атмосфера действия — помещная жизнь с ее атрибутами, не лишенными привлекательности: с крестьянскими песнями и обрядами, приуроченными постановщиками к завершению сбора урожая (снопы сжатой пшеницы, усыпающие сцену яблоки), с неспешными занятиями и беседой хозяйки, музицированием барышень и приездом гостей. В сцене уже ясно очерчено развитое далее сопоставление субъективных человеческих устремлений к прекрасному, возвышенно-одухотворенному — с объективной жизненной средой и ее традиционным укладом, жизнеощущения юности — со зрелой житейской рассудительностью, поэтического — и прозаического отношения к действительности, романтического — и обыденно-житейского модуса чувствований персонажей. Музыкальное средоточие романтической одухотворенности — это, конечно, Вступление, вводящее в эмоциональную атмосферу оперы и передающее слушателям состояние души ее героини — Татьяны. В его секвенцируемых интонациях сочетаются тоска ожидания, порыв и вопрошание: когда же сбудутся мечты, придет и в ее жизнь любовь, о которой столько написано в романах? Непосредственно продолжает эту лирическую линию дуэт Ольги и Татьяны «Слышали ль вы» с безусловным приоритетом настроений Татьяны, и сцена Ленского с Ольгой.

Войти в эти субъективные переживания персонажей, выражаемые музыкой, почувствовать оттенки их содержания помогают скупые сценографические детали (художник-постановщик Алексей Орлов). Так, качели — привычный атрибут усадебного быта — это и знак сельской идиллии, и очарования созерцанием любимой (как тут не вспомнить картину Фрагонара «Счастливые возможности качелей?»), но также неустойчивости (взлет-падение) романтических чувствований. Уложенные в стог снопы нового урожая, подле которого происходит диалог Ленского и Ольги, кроме обрисовки ситуации и времени действия (окончание жатвы) могут восприниматься как символы царящего в природе неизменного порядка (естественный приход поры пробуждения чувств), а также их природной силы и свежести. Близок к этим значениям и другой предмет сценического оформления — раскатившиеся по сцене яблоки. Они служат метафорой жизни, плодоносных сил природы, любовного влечения и надежды на брак, символом познания и искушения. А мобильность формы плодов — знаком отсутствия закоснелости и дара балансирующего равновесия, свойственных молодости. Обилие же яблок указывает на точную календарную дату действия — конец лета, август, Яблочный Спас.

В то же время даже объективированные жанрово-бытовые фрагменты сцены, например, крестьянские хоры, содержат тот же вышеупомянутый контраст: индивидуализированное высказывание «Болят мои ноженьки» в духе протяжной лирической песни противопоставлено общей плясовой «Уж как по мосту, мосточку». Отметим попутно, что театральный хор (хормейстер Игорь Шведов) звучал стройно и выразительно. Лишь солирующий бас подал свою реплику в совсем не академической манере и явно детонируя.

Режиссерская же интерпретация картины привлекает дополнительно внесенными элементами сюжетности, которые, избавляя действие от статики, дают пространство и для ритуальности, и для забавных игровых эпизодов в духе скоморошества (ряженные, медведь). Жаль только, что увлечение последними привело к излишней сценической суете и не-

сколько заслонило важнейшие лирические линии оперы — диалог Ленского с Ольгой и его любовное признание, молчаливые томления Татьяны.

Отметим, что в той же картине начинается постепенно вырисовываться сценически и музыкально роль титульного персонажа оперы, жизнь и «деяния» которого роковым образом влияют на судьбу Татьяны, разрушая ее счастье, и Ленского, губя юную жизнь по ничтожному, в сущности, поводу. Но также, словно по закону бумеранга, ломаются и собственная личность и судьба Онегина. Такой конфликт морально-нравственного порядка заложен — как это показано в книге петербургского исследователя И. Н. Налетовой [4] — в самой партитуре оперы — ее интонационно-тематическом развитии и музыкальном формообразовании, тесно связанными с вербальным текстом.

Выявить и отразить это в своем музыкальном прочтении сумел дирижер В. Карклин совместно с музыкантами-исполнителями — актерами-певцами и оркестрантами. Нельзя не сказать тут о согласованности и хорошей сбалансированности звучания как самого оркестра (кстати, играющего ведущую роль в создании непрерывного драматургического развертывания в «лирических сценах»), так и между оркестром и вокалистами. А также о мастерстве выявления полифонической многослойности музыкальной ткани — и контрапунктирующих голосов, и характерных тембровых сочетаний. Хотя все же не обошлось без редких, но тем более досадных «выпячиваний» тромбонов в подголоске, нарушивших гармоничность звучания или промахов солирующей валторны, поначалу недостаточно пластичной в кантилене.

Отдельно отметим в 1-й картине (а также в последующих, особенно в 4-й) превосходно организованное звучание вокальных ансамблей и ансамблей с хором, что является всегда непростой задачей и для дирижера, и для хормейстера. Все звучало стройно, упорядоченно и хорошо прослушивалось. А ведь далеко не редкость, когда в подобных эпизодах возникает нечто вроде музыкального «месива».

Обращаясь теперь к центральным персонажам, будем помнить, что по сравнению с героями А. С. Пушкина в опере акцентирована их внутренняя — лирическая суть.

Татьяна — «простая дева» с возвышенно-поэтичной душой, меланхоличная мечтательница, склонная «к грусти томной» — внешне скромна, неброска, но внутренне — необычайно богатая, страстная и глубокая натура. Ее драма началась еще до появления Онегина: она одинока, чужая в собственной семье: «...я здесь одна, никто меня не понимает». Узнав любовь и пережив ее неразделенность, сумела переплавить всю силу и горечь отвергнутого чувства в силу характера, в нравственную стойкость и способность принять твердое решение, не поддаваясь искушениям все еще сильного чувства («... я другому отдаю и буду век ему верна»). Этот нравственный урок, преподанный нам классиками, злободневен во все времена, но сегодня, возможно, особенно необходим.

Почти зеркально противопоставляется ей Ольга — очень юная, с еще незрелым сознанием беззаботно-радостная резвушка, не обременяющая себя серьезными переживаниями и думами. Она плывет по течению жизни, повинувшись обстоятельствам, и ценит прозаические житейские радости. Не случайно Б. Асафьев обратил внимание на интонационную общность ее арии и хора «Уж как по мосту, мосточку». Мило подтрунивая над склонностями сестры и выхватив у нее книгу, она провозглашает свое жизненное кредо бархатным меццо-сопрано Натальи Бызеевой.

Ключевая для раскрытия образа Татьяны сцена письма (2-я картина) является и презентацией сюжетной канвы (составление текста признания), и, одновременно, романтической эмоциональной рефлексией, превращающейся в искреннюю, безо всякой рисовки и игры, исповедь. В этой исповеди — скорее самой себе, чем предмету своих упований — в последовательности ее разделов и непрерывном интонационно-музыкальном токе постепенно и психологически совершенно правдиво проявляется сущность этого закрытого поначалу образа. Проявляется в поэтапном расцветании любовного чувства: от смутных мечтаний к экстатическому утверждению. Ис-

полнительница роли Татьяны Гюльнара Низамова уверенно справилась с этой трудной в вокальном и актерском отношении сценой. Слушателя покорили красота голоса и выигрышные внешние данные актрисы, ее выразительное и точное интонирование, убедительное вокально-драматургическое решение образа (последнее полнее раскроется чуть позже). Можно лишь пожелать большего эмоционального, а значит — тембрового, артикуляционного и динамического разнообразия в исполнении сцены, способного именно через музыку выявить все повороты и тонкие смысловые нюансы в партии Татьяны.

Постановочное же решение картины разочаровывает своей крайней упрощенностью, хотя замысел режиссера понять можно. Татьяну окружает темное и пустое сценическое пространство, словно восполняемое ее беспокойными перемещениями. Единственный намек на то, что это комната — окно в правой кулисе, воспринимаемое как символ мечты об иной жизни. Здесь возможно истолковать тьму и пустоту как знаки некоего затмения сознания Татьяны, пребывающей в состоянии полной смятенности чувств, а также как знак ее одиночества или пустоты и монотонности внешних событий ее жизни. Наконец, как символизацию итога ее сердечных волнений: «все пустое...». Когда же к героине приходит осознание происходящего с ней и готовность принять смелое решение своей судьбы, она — как бы на взлете вырвавшегося вовне чувства, освобожденного от тисков условностей — выбегает в ночной сад, к огромному столу, на котором и продолжается действие. Данная мизансцена, напоминающая режиссерский ход в постановке ГБТ 2012 года, в целом вполне приемлема. Однако, желаемого сосредоточения на внутреннем действии, выявляемом музыкой, все-таки не происходит. Кроме того, не лишне было бы учесть известную сценическую закономерность, что внутреннее, скрытое чувство при минимальном внешнем проявлении может лишь выиграть в степени накаленности. В этой связи обстановка душевной спальни и сценическая статика героини смогли бы только подчеркнуть и усилить рвущийся наружу энергетический сгусток ее сильнейших переживаний, преодолевающих

этикетные правила и стеснительность, подталкивающих ее к решимости действовать.

Разумеется, натуралистичность, буквальная предметность оперных декораций — давно в прошлом. Сегодня условность, минималистичность, ограниченность полунамеками стали привычными в сценическом оформлении спектакля. Усилились метафоричность, символическое значение каждой визуальной детали, не столько концентрирующей внимание, сколько пробуждающей способность «слушающего зрителя» (Б. Покровский) домыслить, дофантазировать обстоятельства действия. Но и на этом пути, думается, есть предел, не дающий — по словам того же Б. Покровского — переродиться оперной музыке, остающейся не подкрепленной убедительным сценическим образом, в симфоническую, концертную [5, с. 34]. К тому же исполнительнице роли Татьяны было бы удобнее, избежав ненужных метаний, сосредоточиться и выстроить музыкально-драматургическую логику развития более выразительно, преодолев уже упомянутую ранее монотонность в этой гениально продуманной Чайковским картине.

Продолжение событий в 3-й картине — ответ Онегина на ее послание — также сопровождается красноречивой сценографией: закатный сумрак, голые безжизненные силуэты деревьев символизируют умершие надежды девушки и высвечивают фатальность для её жизни трагедии отвергнутой любви.

Здесь же предстает уже в полный рост образ главного героя, поглощенного демонстративно-сочувствующими нравоучениями Татьяне. Однако, в привычно-учтивых интонациях Онегина сквозит безразличие к скромной девушке из провинциальной сельской глуши, угадывается желание спрятать свою бесчувственность под маской «светски благовоспитанной иронии» [1, с. 126]. Владимир Кузнецов — исполнитель партии Онегина — в этой назидательной арии очень удачно выявляет не только врожденное благородство, но и бессердечие героя, руководствующегося лишь рассудком. Мало того, на именинах Татьяны в 4-й картине в образе Онегина раскрываются и такие, лишь намеченные ранее личностные особенности, как всепоглощающая скука, вызванная переизбытком в жизни

удовольствий и развлечений; привычка потакать собственным капризам и сиюминутным настроениям; высокомерно-пренебрежительное, маскируемое холодной вежливостью, отношение столичного аристократа к деревенским соседям — обитателям окрестных поместий, к их простому быту и нравам; наконец, равнодушно-инертное подчинение этикетным представлениям о чести и беспечное отношение к возможным последствиям своих поступков — все это закономерно привело к драматической ссоре с недавним другом и трагической развязке — его хладнокровному «легитимному» убийству на дуэли.

Этим событиям и судьбе Ленского посвящены 4-я и 5-я картины оперы. Собственно образ юного, влюбленного в Ольгу поэта, его романтическое мироощущение, при котором он не знает ни в чем середины, его очень непосредственное, «самоослепленное глубокое чувство» [1, с. 129] полно раскрываются уже в 1-й картине. Диалогическая сцена с Ольгой и знаменитое ариозо «Я люблю вас», близкие по интонациям партии Татьяны (общность романтических натур, для которых центр мира — любовь, и «обреченность идеально настроенной души» [2, с. 205]), всецело подчинены логике развития чувств: от робких воздыханий и любования возлюбленной — к пылкой страсти, восторженному признанию и упоению счастьем. Его чувство настолько непосредственно и сильно, что все с ним связанное переживается обостренно-преувеличенным. Потому, едва приоткрыв «книгу жизни», в 4-й картине (праздник в доме Лариных) он сталкивается с легкомыслием и непониманием Ольги, принимаемыми за бесчувственное кокетство, с мнимым коварным «соперничеством» Онегина, просто срывающего досаду за скуку в обществе недалеких провинциалов. Разыгравшаяся на нейтральном фоне вальса, мазурки пересудов гостей драма мнимого любовного «треугольника» приводит к сильнейшему эмоциональному потрясению Владимира, крушению романтических иллюзий любви и дружбы, а затем — в 5-й картине — к горькому предчувствию смертельного исхода. Кульминация трагедии — сцена дуэли, решенная традиционно. Смысловые штрихи ее малочисленных визуальных деталей дополняют му-

зыкально-поэтическое содержание: зимний пейзаж и снег (метафора эмоциональной замороженности героев, предчувствия смерти), мельничное колесо (аллегория неумолимого движения все размалывающей судьбы, символ утекающего времени и даже носитель магического свойства поворачивать ход событий), клубящийся туман (метафора вечности, забвения небытия), и бывшие друзья один на один (не считая секунданта), ситуативно превратившиеся в смертельных врагов. В сцене, никого не оставляющей равнодушным, «повинна» не только гениальная музыка и драматургия, но и обаятельный образ Ленского, воссозданный Владиславом Емелиным. Обладатель голоса мягкого, теплого, насыщенного и красивого по тембру (напоминающего голос С. Лемешева), владеющий техникой кантилены широкого дыхания, он исполнил партию музыкально выразительно и эмоционально-правдиво, чем глубоко тронул слушателей и заставил сопереживать своему герою. Единственный упрек — в прощальной арии «Куда, куда вы удалились» к концу послышалось едва различимое понижение строя. Или действительно послышалось? Главное — что артист сумел всколыхнуть «умные эмоции» (Б. Асафьев). Ибо история с Ленским воспринимается не менее актуальной сегодня, когда лишённые морали «люди» (люди ли?) готовы без всяких дуэльных правил лишить жизни ближнего из-за пустяка.

Завершающий акт драмы самого Онегина, последовавший после его «морального самоизгнания» [1, с. 131] — события 6-й и 7-й картины, протекающие уже в столице. Приговором его душевному очерствению и полнейшей эгоистической «глухоте» к чувствам окружающих становится внезапная страсть, вспыхнувшая к встреченной на балу в Петербурге Татьяне, ставшей замужней сановной дамой. Едва сдерживаемый всплеск чувств и трагическая безнадёжность — основные эмоциональные векторы сцены их объяснения, зеркально симметричной по смыслу 3-й картине, а по музыке 2-й. Теперь настал черед Евгения расплачиваться за бесчувствие и разрушение судеб ближних: его уделом становится душевная опустошенность и крушение собственной любви и судьбы: «Позор. Тоска. О, жалкий жребий мой!»

В обеих картинах совсем с иной стороны раскрывается музыкально-драматическое дарование Гюльнaры Низaмoвoй: с завидным апломбом она предстала графиней Грeминoй. Но при этом ee вeличaвo-сдeржaннaя свeтскaя лъвицa, сoхрaнившaя душy прeжнeй Тaни, былa нaдeлeнa истинным блaгoрoдствoм и удивитeльнoй силoй хaрaктeрa. Влaдимиp Кузнeцoв, нaпрoтив, при хoрoшeм вырaзитeльнoм пeнии oстaвлял впeчaтлeниe нeкoтoрoй нeестeствeннoсти сцeничeскoгo пoвeдeния, штaмпoвaннoй зaучeннoсти aктeрских жeстoв и пoз. Oднaкo, здeсь умeстнo пpeдпoлoжить, чтo Oнeгину — вышкoлeннoму пpeдстaвитeлю свeтскoгo бoмoндa — свoйствeнны лoщeнoсть oбликa и мaнeр при сдeржaннoсти, зaкрытoсти, умeнии мaскирoвaть свoи эmoции. Внeшнe этo кaк рaз и мoжeт вырaжaться в слeгкa мeхaнистичнoй aктeрскoй плaстикe. В тaкoм случae дaннoe рeшeниe oбрaзa впoлнe oпpaвдaнo.

В цeлoм мoжнo oтмeтить, чтo пoстaнoвщики дoбились дoстaтoчнo внятнoгo и нeпрoтивoрeчивoгo (зa мaлыми исклoчeниями) eдинствa мeждy музикальнo-дpaмaтургичeским рaзвитием и eгo сцeничeским вoплoщeниeм. Этo тpyднoдoстижимoe свoйствo oсoбeннo цeнится сeгoднa, в вeк диктaтуры в oпeрнoм тeaтpe сaмoдoвлeющeй рeжиссуры, зaчaстую нe вoсприимчивoй к «oснoвнoй oпeрнoй сyбстaнции — мyзыкe» (Ю. Х. Тeмиркaнoв). Нeвзирaя нa тoт фaкт, чтo пoстaнoвкa вce-тaки oтличaeтся oт тpaдициoннoй, чувствoвaлoсь, чтo рeжиссeр Aлeксeй Стeпaнyк чyткo вслyшивaлся в мyзыкy и шeл в свoих твoрчeских искaнияx зa нeй. Были сoздaны рeльeфныe сцeничeские oбрaзы, прoдyмaны сцeничeскoe пoвeдeниe и дeйствия нe тoлькo сoлистoв,

нo и хoрa, мимaнсa, тaнцeвaльнoй гpyппы. Блaгoдaря нeмнoгим вырaзитeльным штрихaм сцeнoгpaфии и oсвeщeния (хyдoжник пo свeтy Aлeксaндр Сивaeв) дpaмaтичeские кoллизии oпeры стaли выпyклee, вырaзитeльнee, oбрeли дoпoлнитeльныe смыслoвыe гpaни.

Так, нeoрдинaрнo были рeшeны «бaльнe» кaртины, гдe тaнцeвaльнoсть вeсьмa yслoвнa. Нa пpaздникe в дoмe Лaриных пpeoблaдaeт свoбoднaя игрoвaя пaнтoмимa, тoн кoтoрoй зaдaeт зaбaвнaя свoeй живoстью и кoмизмoм сцeнкa Трикe. Но oпять жe чувствyeтся нeкий пeрeбoр пoдoбнoй «нeпринyждeннoсти» y мимaнсa и бaлeтa, хoтя зaмысл рeжиссeрa кaжeтся пoнятным: тeм сaмым oбoстрeяeт кoнтрaст с пoслeдyющeй сцeнoй ссoры, фyнкциoнaльнo пeрeвoдящeй дeйствие в тpaгeдийнoe рyслo.

В кaртинe стoличнoгo свeтскoгo рaйтa тaнцa кaк тaкoвoгo нeт вooбщe. Пoд звyки пoлoнeзa вмeстo тaнцeвaльнoх движeний — мeдлeннoe, пoчти иррeальнoe пpoхoждeниe-скoльжeниe вeрeницы пaр, в пpизрaчнoм фиoлeтoвoм oсвeщeнии пoхoжих нa мaнeкeны. Oнo симвoлизиpyeт цeрeмoниaльнoсть, иcкyсствeннoсть, бeздyшнoсть и лицeмeрнoсть свeтских взaимooтнoшeний. Сoздaeтся oбoбщeнный кoллeктивный пoртpeт высшeгo oбщeствa, пpeдстaвитeлeй кoтoрoгo — «пyстыx бaлoвaнных дeтeй» — oбъeдиняeт oбщaя стpaсть к злoслoвию и интpигaм.

В зaключeнии oстaeтся пoздpaвить вceх с зaмeчaтeльнoй рaбoтoй и пoжeлaть, чтoбы нeзaурядный твoрчeский пoтeнциaл диpижeрa В. Кaрклинa, вceх пoстaнoвщикoв спeктaкля, сoлистoв и aртистoв хoрa, oркeстpa и бaлeтa пpoявился в сoздaнии нoвыx яркиx спeктaклeй.

Использованная литература:

1. Асaфъeв Б. «Евгeний Онегин». Лиричeские сцeны П. И. Чaйкoвскoгo // О мyзыкe Чaйкoвскoгo: Избpaннoe. Л.: Мyзыкa, 1972. С. 73-156.
2. Асaфъeв Б. Опeры Чaйкoвскoгo // Асaфъeв Б. Об oпeрe. Избpaнныe стaтьи / Сoст. Л. А. Пaвлoвa-Арбeнинa. М.: Мyзыкa, 1976. С. 204-205
3. Гончaрeнкo С. С. О пoэтикe oпeры: yч. пoc. Нoвoсибирск: Нoвoсиб. гoc. кoнceрвaтoрия им. М. И. Глинки, 2010.
4. Налeтoвa И. Н. Опeрa кaк цeлoe: систeмный пoдxoд. Книгa 2. Тeория и пpaктикa. Жaнр пcиxoлoгичe-

References:

1. Asaf'ev, B., „Evgeniy Onegin“. Liricheskie stseny P. I. Chaykovskogo [“Eugene Onegin”. Lyrical Scenes by P. I. Tchaikovsky], in *O muzyke Chaykovskogo: Izbrannoe*. Leningrad: Muzyka, 1972, pp. 73-156.
2. Asaf'ev, B., Opery Chaykovskogo [Operas by Tchaikovsky], in *Asaf'ev B. Ob opere. Izbrannye stat'i*, Pavlova-Arbenina, L. A., Comp., Moscow: Muzyka, 1976, pp. 204-205
3. Goncharenko, S. S., *O poehtike opery* [About the Poetics of Opera]: *Training Manual*, Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni M. I. Glinki, 2010.

ческой драмы в русской опере XIX века. СПб.: Композитор-Санкт-Петербург, 2018.

5. Покровский Б. А. Сотворение оперного спектакля: шестьдесят коротких бесед об искусстве оперы. М.: Детская литература, 1985.

4. Naletova, I. N., *Opera kak tseloe: sistemnyy podkhod* [Opera as a Whole: a Systematic Approach], vol. 2: *Teoriya i praktika. Zhanr psikhologicheskoy dramy v russkoy opere XIX veka* [Theory and Practice. The Genre of Psychological Drama in the Russian Opera of the 19th Century], Saint Petersburg: Kompozitor-Sankt-Peterburg, 2018.

5. Pokrovskiy, B. A., *Sotvorenie opernogo spektaklya: shest'desyat korotkikh besed ob iskusstve opery* [Creation of an Opera Performance: Sixty Short Conversations about the Art of Opera], Moscow: Detskaya literatura, 1985.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Выбыванец, Э. В. «Театр уж полон...» Опыт осмысления оперного шедевра [Электронный ресурс] / Э. В. Выбыванец // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 46-53. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Vybyvanets.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Vybyvanets, E. V., "Teatr uzh polon..." Opyt osmysleniya opernogo shhedevra ["The Theater Is already Full..." Experience of Understanding of the Opera Masterpiece], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 46–53. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Vybyvanets.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

РОЖКОВ Александр Юрьевич

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия

Alexander Yu. ROZHKOV

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Head, Department of Sociology,
Kuban State University
Krasnodar, Russia
avro14@mail.ru

УДК 94(47+57)<1920>-053.81
ГРНТИ 03.29
ВАК 07.00.02

Феномен суда и кассации в Советской России на закате нэпа: микроисторический анализ случая¹

The Court and Cassation Phenomenon in a Soviet Russia in the Twilight of NEP: Microhistorical Analysis of the Case

Советская судебная система 1920-х гг. является одним из наиболее противоречивых вопросов социальной и политической истории раннего советского общества. Представляется, что механизм функционирования системы советского правосудия более эффективно может быть рассмотрен в методологических рамках микроистории. В качестве примера микроанализа нами взят один криминальный казус, описанный достаточно подробно. В статье «крупным планом» описана и интерпретирована судебная и кассационная практика по данному уголовному делу, что позволило выявить профессиональный уровень региональной и центральной судебных инстанций в Советской России конца 1920-х гг. Проведенное микроисторическое исследование выявило ряд признаков оформления правовой системы в советской провинции на

The Soviet judicial system of the 1920s is one of the most controversial issues in the social and political history of early Soviet society. It seems that the mechanism of functioning of the Soviet justice system considered more effectively in the methodological framework of microhistory. As an example of microanalysis, we have taken one criminal incident, described in details. The article describes and interprets the judicial and cassation practice in this "close-up" criminal case, which revealed the professional level of regional and central courts in Soviet Russia in the late 1920s. Conducted micro-historical research has determined a number of features of the legal system in the Soviet province at the end of the NEP, which had the fragile and extremely dependent from the power character. Particular case showed a high authority of the Cassation Board from the RSFSR and the legal profession. In general, this in-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 06-01-00430а, а также ACLS Short-term Grants in the Humanities 2005-06.

закате нэпа, носившей зыбкий и чрезвычайно зависимый от власти характер. Конкретный случай показал довольно высокий авторитет Кассационной коллегии ВС РСФСР и адвокатуры. В целом данный казус создает несколько иное представление о советской правовой системе, противоречащее устоявшемуся мнению о тотальном бесправии осужденных в раннем советском обществе. Вместе с тем без серийных исследований сложно заключить, был ли вышеописанный казус «нормальным исключением» в то время.

Ключевые слова: 1920-е, советский суд, кассация, адвокатура, микроистория, показательный процесс, дело Синдаровского, Краснодар, Кубань.

cident creates a slightly different idea of the Soviet legal system, contrary to the established view of the total disempowerment of convicts in the early Soviet society. However, it is difficult to conclude whether the above incident was a “normal exception” at the time without serial researches.

Keywords: 1920s, Soviet court, cassation, legal profession, microhistory, show trial, Sindarovsky's case, Krasnodar, Kuban.

Введение

Советская судебная система 1920-х гг. сегодня представляет собой один из наиболее противоречивых и недостаточно изученных вопросов социальной и политической истории раннесоветского общества. Несмотря на наличие немалого количества специальных работ по теме (М. В. Кожевников, Т. Н. Добровольская, Е. Н. Городецкий, Д. С. Карев, В. М. Курицын, В. П. Портнов, М. М. Славин, Н. Г. Смирнов, В. А. Буков, В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусков, А. Н. Смыкалин, В. Н. Смирнов, П. Соломон, Р. Р. Усманов, А. П. Угроватов, Х. Юджин и др.), включая диссертационные исследования (А. П. Абрамовский, К. А. Алакапаров, И. Л. Лезов, Л. Г. Осадчая, Ж. А. Рожнева, О. И. Филонова, И. Я. Шахназаров, И. К. Шабанова и др.), мы не знаем ответа на фундаментальный вопрос: эта система изначально была репрессивной (как продолжение ревтрибуналов и предтеча Большого террора) либо, напротив, в 1920-е гг. в Советской России была предпринята попытка реального формирования основ правового государства, пришедшего на смену «военному коммунизму» с пресловутыми ревтрибуналами.

Поиск ответа на этот вопрос методами «традиционной» историографии, на наш взгляд, бесперспективен в плане понимания механизмов функционирования системы советского правосудия в годы нэпа. Схематичное рассмотрение изучаемой проблемы, основанное на официальных нормативных документах, данных советской криминальной статистики (требующей предельно вни-

мательного и критического подхода) дает нам лишь контурное представление о системе, причем не обязательно истинное. Представляется, что механизм функционирования системы советского правосудия более эффективно может быть рассмотрен в методологических рамках микроистории. В небольших локальных казусах подчас можно обнаружить те социальные механизмы и повседневные смыслы, которые ускользают от нас при прочтении официальных документов. В качестве примера микроанализа нами взят один криминальный казус, ранее описанный достаточно подробно [20; 21; 22].

Задача статьи — описать «крупным планом» и интерпретировать судебную и кассационную практику по данному уголовному делу, что позволит выявить профессиональный уровень региональной и центральной судебных инстанций в Советской России конца 1920-х гг., а также степень их реального влияния на обеспечение прав обвиняемых.

Фабула казуса

Изучаемый случай берет начало с разыгравшейся на берегу р. Кубань драмы, официальная версия которой вызывает много вопросов. По этой версии, вечером 25 января 1928 г. якобы после неудавшейся попытки изнасилования во время пикника была убита и сброшена в реку Кубань 16-летняя школьница З. Крылова. Обвиняемыми являлись 21-летний студент Кубанского сельскохозяйственного института Г. Синдаровский, 18-летний учащийся школы № 6 П. Мамрак и 17-лет-

ний И. Гавриленко, бывший ученик той же школы [8]. Месяц спустя тело жертвы было обнаружено в 35–40 км от места происшествия вверх по течению реки.

Доподлинно неизвестно, что произошло в тот вечер на берегу Кубани — несчастный случай или преступление. Однако стигматизация обвиняемых как «краснодарских чубаровцев» (так в 20-е гг. называли участников группового изнасилования) началась в краснодарской (затем ростовской и центральной) прессе еще до начала судебного следствия, что указывает на предвзятый, заказной характер расследования. Вначале уголовное дело было квалифицировано как убийство при попытке изнасилования (максимальный срок наказания — 10 лет лишения свободы), но затем без веских оснований следствие переквалифицировало обвинение по «расстрельной» статье 59–3 УК РСФСР (бандитизм).

Мы вернемся к рассмотрению случая после необходимых процедурных пояснений.

Методология и источники

В качестве основного методологического подхода взята исследовательская стратегия микроисторического анализа, направленная на интенсивный анализ конкретного случая. Применив известную метафору «микроскопа», Дж. Леви выдвинул утверждение о том, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [12, с. 193]. С ним солидарен и К. Гинзбург, заметивший, что «приближенный взгляд помогает нам уловить конкретику, которая ускользает от панорамного обзора, и наоборот» [5, с. 303]. Обычно в исследовательской практике в микроистории выбирается «крупный план», позволяющий сузить поле наблюдения и изучить его с помощью «микроскопа» как «автономную целостность». Вместе с тем, специфика микроистории заключается не только в масштабе ее объектов, а в том, под каким углом зрения эти объекты рассматриваются — традиционно от настоящего к прошлому, или же проспективно, т. е. от прошлого к настоящему, как это принято в микроистории. Во втором подходе исчезнувшая реальность рассматривается как бы с открытым, не предопределенным будущим, с множеством вариантов развития.

Интенсивная методика микроанализа предполагает полидисциплинарность, внимательное чтение источников и их интерпретацию, особую чувствительность историка к языку, символам и ритуалам изучаемой эпохи, сохраняет установку на выявление ее «инаковости», качественного своеобразия. Такой подход нередко позволяет выявить «нормальные исключения» (Э. Гренди), недоступные традиционным методам познания прошлого.

Одним из наиболее важных методологических подходов в микроистории является «уликовая парадигма» К. Гинзбурга [6]. Историк, работающему в методологии микроистории, приходится уметь рассматривать явление в подробностях, не упуская «улик» и «деталей», при ближайшем рассмотрении способных опрокинуть глобальные концепции. В нашем случае «уликовая парадигма» подтвердила свою правомерность. При изучении кейса мы столкнулись с дефицитом прямых источников. Безвозвратно утрачены ключевые судебно-следственные документы по изучаемому случаю — архивно-следственное дело № 1774 по факту гибели З. Крыловой, а также судебное дело № 267 Адыгейского областного суда. Пришлось опираться на косвенные источники, в числе которых архивно-следственное дело ОГПУ П-71049, следственно-арестантские дела двух из трех обвиняемых по этому делу, текст приговора суда. Не менее информативны протоколы партийных и комсомольских органов краснодарских вузов, документы органов власти, очерковые материалы о судебном процессе в газете «Красное знамя». Как подчеркивал К. Гинзбург, микроисторическое исследование преимущественно должно опираться на максимальную выборку «документов, связанных с одним-единственным индивидом, о котором не осталось никакой другой памяти» [5, с. 300].

При всех лакунах в целом корпус источников позволяет провести интерпретационные процедуры, релевантные для микроисторического анализа случая.

«Показательный» процесс: замысел и реальность

Преступления, подобные исследуемому случаю, относились к компетенции

губернских (областных) судов. Судебный процесс по делу «краснодарских чубаровцев» открылся 20 марта 1928 г. в Краснодаре в зале Адыгейского областного суда (ул. Пролетарская, 37) под председательством заместителя председателя областного суда АЧАО Д. Горшкова. Народными заседателями на процессе были Н. Бардин и В. Капралова. Государственное обвинение поддерживал прокурор АЧАО В. Смирнов. Общественными обвинителями выступили студент Кубанского сельхозинститута М. И. Ждан-Пушкин и молодой коммунист от Адыгеи А. А. Гвоздецкий, бывший студент Кубанского индустриального техникума. Гражданским истцом от потерпевшей стороны выступил член коллегии защитников Бернер. Защиту подсудимых представлял член коллегии защитников Н. Н. Луганский. Краевая газета «Молот» (Ростов-на-Дону) 22 марта 1928 г. зафиксировала «перед зданием суда громадные толпы студенчества» [9], чем подтверждала огромный интерес к процессу со стороны молодежи.

Из газетных сообщений известно, что судебный процесс был объявлен показательным (якобы «по многочисленным просьбам» краснодарской молодежи). На первый взгляд, это решение властей было вполне понятным с учетом общественного интереса к резонансному делу. Между тем Верховный Суд РСФСР в своем Инструктивном письме № 1 за 1925 г. рекомендовал судам быть «очень осторожными при постановке показательных процессов», ставить их «только при особом общественном или политическом значении дела» и «при сравнительно бесспорных данных о виновности привлеченных к делу лиц». Кроме того, Верховный Суд предписывал губсудам в каждом случае постановки показательного процесса информировать об этом высшую судебную инстанцию с объяснением причин, побудивших провести показательный процесс [25, с. 153–154]. Как оказалось, предостережение высшей судебной инстанции было не случайным. «Показательный» судебный процесс в Краснодаре, едва начавшись, был тотчас скомпрометирован его организаторами, которые не учли элементарного условия для организации показательного процесса — вместимости судебного зала. Потому и толпи-

лась возле здания суда масса молодежи. Газета «Красное знамя» раздраженно писала: «А вот свой, чрезвычайно важный с общественной точки зрения, показательный процесс **показательно** (так в тексте. — А.Р.) провести не умеем. Вместо просторного помещения, где бы на процессе кубанских чубаровцев могли присутствовать тысячи интересующихся этим делом студентов, Адыгейский суд устраивал заседания в небольшой душной комнате, вмещающей... 50 человек. <...> на процессе не видно учащихся: их сюда не пускают, хотя они густыми группами тщетно толпятся на улице. Зал <...> заполнен шамкающими старушками, безработными «дамами», любителями пикантных подробностей, судоманами и прочими бездельниками» [2].

Вечернее заседание 20 марта суд решил перенести в зал индустриального техникума (ул. Седина, 16). Однако нераспорядительность сказалась и здесь. Тысячи студентов, желающих попасть на процесс, устроили давку, вследствие чего заседание было перенесено обратно в тесное помещение суда АЧАО. Впечатления подсудимого Г. Синдаровского от организации процесса полностью совпадают с газетным репортажем: «20-го был первый день суда <...> В комнате облсуда АЧАО был Кумурджи и некоторые студенты других вузов в количестве 5–6 человек. По окончании моего допроса суд перекочевал в КИТ. Много набилось туда народу. Это была молодежь. Вузовцы и второстепенцы составляли большинство <...> Около 2 тысяч было в зале. <...> Заседание было перенесено на 10 часов утра 21-го и нас перевели в Облсуд АЧАО, где судили до часу ночи» [1, л. 53].

Итак, вместо показательного процесса областной суд устроил «показательную» давку. Возникает закономерный вопрос: а как могла пройти в зал суда неорганизованная публика, в то время как многие студенты и школьники попасть на судебное заседание не сумели? Частично ответ на этот вопрос содержится в признаниях Синдаровского: «Конвой плелся где-то сзади среди толпы и меня не пропускали в зал без контрамарки... Я должен был пробиваться на скамью подсудимых» [1, л. 53]. Из этой оговорки Синдаровского мы узнаем важную деталь: в зал не пускали без

контрамарки. Теперь становится понятно, что именно пожилые завсегдатаи судебных заседаний смогли достать входные билеты, в отличие от неискушенных учащихся. Но ведь такая беспечность судебной бригады и конвоя могла привести к побегу подсудимых в момент их неконтролируемого перемещения в зал заседаний. Что же воспрепятствовало этому? Как позже признает Синдаровский, с первых часов судебного процесса предвидевший «вынесение предполагаемого приговора» (расстрела), он мог бы свободно бежать из здания суда: «Мне было просто стыдно бежать. Меня на суде не нужно было удерживать стражей. Будь средние века, я бы пришел на него сам. Но мы в 20-м веке. Слову верить перестали...» [1, л. 71]. Выходит, что выходцу из дворянского рода Синдаровскому помешали бежать из-под стражи только его этические соображения, но никак не поведение тюремного конвоя. Похоже, что подсудимый не лукавил. Между тем представляется более важным обратить внимание на слова Синдаровского о том, что исход дела был предreshен в первые часы судебного заседания. Выходит, судебное разбирательство с самого начала было превращено в фарс, что не было секретом и для подсудимых. Рамки статьи не позволяют детально остановиться на эпизодах судебного процесса, описанных в газетных репортажах. Попытаемся тезисно реконструировать лишь порядок событий в зале суда.

Первым был допрошен Гавриленко, затем Мамрак, третьим — Синдаровский. Судя по этой странной очередности, главным обвиняемым суд считал Синдаровского, хотя основным подозреваемым в убийстве был Мамрак. В первый день заседаний суд узнал о существовании трех противоречивых версий преступления, которые подсудимые якобы выдвинули на предварительном следствии. Первая версия в общих чертах выглядела как неосторожная попытка подбежавшего к Крыловой Мамрака столкнуть её с берега в реку. Вероятно, это была самая первая версия, изложенная фигурантами сразу после ареста. Вторая версия похожа на сценарий, сконструированный на допросах сотрудником кубанского угрозыска Л. Ф. Чернышовым (Синдаровский неоднократно указывал на избиения

со стороны этого милиционера в первые три дня после ареста). Это была версия о преднамеренной попытке группового изнасилования Крыловой по предварительному сговору тремя обвиняемыми фигурантами. По этой версии Зина оказала сопротивление и потому была убита. Однако на судебном заседании все подсудимые придерживались только третьей версии (очевидно, у них была возможность обсудить её, находясь в общей камере). Это была версия о роковой любви и ревности. За Зиной якобы настойчиво ухаживал Мамрак, но девушка отдавала явное предпочтение Синдаровскому. Мамрак из ревности подговорил Гавриленко проучить Синдаровского. Для этого Гавриленко, хорошо знавший Зину, должен был пригласить ее погулять в обществе Синдаровского, что и было реализовано 25 января. У Синдаровского с собой было спиртное. Ревнивец Мамрак шел за ними следом. На берегу, улучив момент, когда Синдаровский отошел за насыпь оправиться, Мамрак стал выговаривать Зине обвинения «в измене». Девушка громко расхохоталась и ответила с издевкой: «Есть люди посolidнее тебя. Ты мальчишка. Ищи себе другую барышню». Оскорбленный Мамрак достал из кармана голыш и ударил им Крылову по голове. Зина упала без сознания. Тогда Гавриленко и Мамрак взяли ее за руки и сбросили в реку. Подбежавший Синдаровский не сумел помочь несчастной девушке. Крича о помощи, она барахталась в воде. Испуганный Мамрак убежал вверх по течению реки, а Синдаровский и Гавриленко пытались помочь тонувшей Крыловой. Они беспомощно бегали по крутому обрыву, так и не сумев ничего предпринять для ее спасения. Девушка утонула [10].

Впрочем, все эти три версии (как и каждая из них) вполне могут быть недостоверными. Не только потому, что их предварительно тщательно отрепетировали фигуранты или им эти версии навязали дознаватели, но и потому что данная информация взята из газетной публикации о судебном процессе. Соответственно там могли быть не только фантазии подследственных, но и подтасовки партийной прессы. Поэтому мы не будем детально разбирать обстоятельства происшествия. Наша задача — изучить и понять логику действий

суда, его роль в выяснении истины. Однако обратим внимание на показания Синдаровского: «Я заметил, что Мамрак поднял руку с голышом и ударил им по голове Крылову. Затем они совместно с Гавриленко сбросили Зину в Кубань. Я не успел оказать ей помощь. Подбежав к обрыву, я видел, как она барахталась в воде, призывая меня: *“Юра, спасите! Юра, спасите!”* Мамрак убежал. Я схватил плащ и велел Гавриленко спуститься по нему вниз, чтобы помочь девушке. Но она утонула раньше, чем мы могли достать ее из воды» [24]. Запомним эти показания подсудимого о словах жертвы.

После допросов обвиняемых суд приступил к допросу свидетелей. Основными свидетелями обвинения были жители хутора Городская дамба, расположенного на противоположном берегу напротив места происшествия, а также, пасший скот вблизи от места происшествия житель аула Козет и охранники железнодорожного моста, задержавшие Синдаровского и Гавриленко. Со стороны обвиняемых были заслушаны всего два свидетеля — учащиеся 6-й школы А. Ильин и В. Савченко, знавшие Мамрака и Гавриленко. В газетном репортаже сообщалось, что свидетельские показания установили «несколько иное положение вещей». Это было поворотным моментом: со слов «очевидцев» с противоположного берега, потерпевшая Крылова будто бы кричала не только *«Юра, спасите!»*, но и *«Меня душат!»*, причем крики ее свидетели слышали не 3–4 минуты, как показывали подсудимые, а 10–15 минут. Из этих данных суд пришел к выводу, что между Крыловой и преступниками была борьба еще на берегу, т. к. невозможно было «душить» жертву в воде.

Заслушав всего 8 свидетелей из 26, суд завершил судебное следствие. На вечернем заседании 21 марта суд перешел к прениям сторон. В газетном отчете об этом написано всего несколько строк, поэтому невозможно установить аргументацию обвинения и защиты. О речи адвоката Н. Н. Луганского газета не написала ни строчки (что полностью вписывается в сценарий суда с презумпцией виновности подсудимых). Прокурор Адыгейской области В. Смирнов в своей обвинительной речи исходил из того, что подсудимые по взаимному

сговору условились изнасиловать Крылову. С этой целью они пригласили ее на прогулку, взяли вина и «вооружение» (голыш). Попытка изнасилования не удалась, и Крылову сбросили в Кубань, предварительно ударив камнем по голове. Прокурор потребовал высшей меры наказания для Мамрака и Синдаровского. Мера наказания для Гавриленко прокурор предоставил на усмотрение суда ввиду его несовершеннолетия, напомнив, что она должна быть снижена по малолетству на 1/3 в случае лишения свободы. Общественный обвинитель Андрей Гвоздецкий якобы «от имени 5 тысяч студентов» краснодарских вузов потребовал высшей меры наказания для всех подсудимых. Другой общественный обвинитель, Михаил Ждан-Пушкин, потребовал того же [13]. Перед вынесением приговора суд совещался пять часов. Вероятно, это обстоятельство указывает на отсутствие единогласия в суде, хотя знание судебной практики в довоенном СССР заставляет усомниться в этом. Как правило, командированные профсоюзами беспартийные народные заседатели не имели юридического образования и играли формальную роль в судебном процессе. Не исключено, что столь длительное время шло оформление приговора. Как и следовало ожидать, приговор суда оказался весьма суровым. Синдаровский и Мамрак были приговорены к расстрелу, а неожиданно оказавшийся несовершеннолетним Гавриленко получил 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией и поражение в правах сроком на 5 лет [16, л. 14–15].

Стоит обратить внимание на структуру приговора. Вначале дана характеристика и социальное происхождение каждого фигуранта, только затем изложены факты по делу. Вместе с тем этот приговор не противоречил обычной практике приговоров тех лет, когда резолютивная часть предваряла описательную, а в описательной весьма сжато указывались обстоятельства дела с непоследовательным изложением фактов, установленных на предварительном следствии [14, с. 90]. Показателен последний абзац расстрельного приговора: «Суд считает, что социально-опасное деяние подсудимых по своей гнусности и жестокости в условиях переживаемого момента является особо опасным общественным явлением; что

сговор на почве низменных побуждений для совершения преступления, особая жестокость способа совершения преступления, являются отягчающими обстоятельствами по делу» [16, л. 14–15].

Трудно однозначно утверждать, что преступления 25 января на берегу Кубани не было. Но ясно одно: следуя априорно заданному курсу на вынесение сурового приговора, суд не посчитал нужным прислушаться к доводам в пользу подсудимых, как того требовал УПК РСФСР.

Механизм кассации

Пока в вузах и школах Краснодара проходили митинги протеста молодежи против несправедливого приговора, адвокат Н. Н. Луганский готовил текст кассационной жалобы в Верховный Суд РСФСР. Осужденным юношам повезло, что к тому времени УПК РСФСР отверг апелляционный порядок пересмотра уголовных дел и оставил в силе только правила о кассационном порядке отмены приговоров. Советская Россия в этом отношении стояла в одном ряду со многими европейскими государствами (за исключением Англии), последовавшими за достижениями Великой Французской революции в сфере уголовного права. Дело в том, что апелляционный суд при пересмотре приговоров действовал теми же методами рассмотрения и оценки доказательств, что и суд первой инстанции, вынесший приговор. Его задачей являлась только проверка правильности тех выводов, к которым пришел первый суд. По образному выражению А. С. Тагера, апелляционный суд, как и суд первой инстанции, вершил «суд над *подсудимым*». Кассационный же суд не ставил своей задачей проверку правильности приговора, вынесенного первым судом. Он проверял, насколько суд первой инстанции при рассмотрении уголовного дела выполнил все предписанные правила. Иными словами, кассационный суд творил «суд над *судом*», в том смысле, что его внимание было непосредственно направлено на действия суда первой степени.

Нам неизвестно, как провели 72 часа, отведенные для подачи кассационной жалобы, трое фигурантов по делу «краснодарских чубаровцев». Во второй половине дня 26 марта

в канцелярию областного суда АЧАО из Кубанского окружного исправительно-трудового дома (тюрьмы) поступил пакет с сургучной печатью с пометкой «срочно». В пакете находилась кассационная жалоба заключенных Синдаровского Георгия, Мамрака Пимена и Гавриленко Ивана на имя Верховного Суда РСФСР, принятая в КОИТД 26 марта 1928 г. в 14 ч. 30 мин. [16, л. 16]. Четыре дня спустя, 30 марта, в облсуд Адыгеи были направлены дополнения к кассационным жалобам за подписями троих осужденных [16, л. 17об.–18]. Здесь стоит заметить, что УПК РСФСР, в отличие от норм дореволюционного российского законодательства, предоставил осужденным право подавать дополнительные кассационные жалобы и после истечения кассационного срока, вплоть до рассмотрения дела в кассационном заседании. Не менее важной нормой, усиливавшей юридическую защищенность осужденных, являлось право кассационного суда устранять и те обнаруженные нарушения, которые не были указаны в кассационной жалобе [23, с. 6]. Это несколько меняет наше представление о советской правовой системе конца 1920-х гг. как тотальном бесправии осужденных в раннесоветском обществе. Впрочем, это был уголовный, а не политический процесс.

Коллегия Верховного Суда

19 апреля 1928 г. Кассационная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (УКК), во главе которого стоял видный большевик П. И. Стучка, рассмотрела кассационные жалобы троих осужденных из Краснодара. Заседание УКК проходило под председательством А. В. Галкина, возглавлявшего в то время Кассационную Коллегию Верховного Суда, а также членов УКК Голубева и М. К. Муранова. На заседании присутствовал помощник прокурора Верховного Суда при УКК Владимирский. Защиту осужденных поддерживал П. Н. Малянтович [16, л. 23]. К сожалению, обнаружить какие-либо документы по данному делу в фонде Р-1005 ГАРФ (Верховный Суд РСФСР) или во внутреннем архиве ВС РФ не удалось. Вместе с тем по косвенным источникам мы можем реконструировать некоторые обстоятельства заседания и предста-

вить хотя бы общую картину (модель), как оно могло происходить.

Отсрочка приговора по делу «краснодарских чубаровцев» для рассмотрения кассационной жалобы составляла максимально возможный 30-суточный срок. Стоит заметить, что УПК РСФСР требовал от УКК Верховного Суда оперативного реагирования в отношении дел, по которым вынесены расстрельные приговоры. Подобные дела подлежали направлению к слушанию с таким расчетом, чтобы с момента поступления дела и до вынесения по нему определения УКК не прошло более одной недели (за эту норму лично отвечал прокурор УКК). Учитывая масштабы страны и средства связи того времени, стоит положительно отметить гуманность этой процессуальной нормы.

Рассмотрение дела в УКК проходило в открытом судебном заседании. Стороны процесса в суде АЧАО (обвинение и защита) формально имели право присутствовать на заседании, но вызов их не был обязательным. Нормативно даже допускалось присутствие на процессе подсудимых, которые имели право дать свои объяснения по делу [23, с. 98]. Фигуранты по «краснодарскому делу» на заседании УКК не присутствовали, но необязательное по процедуре участие в процессе известного защитника П. Н. Малянтовича указывает на то, что некие заинтересованные и влиятельные лица (вероятно, адвокат Н. Н. Луганский) позаботились о защите своих подопечных в Верховном Суде.

В отличие от более демократичного кассационного процесса в губернском суде, кассационное заседание Верховного Суда начиналось не с заслушивания сторон, а с прокурорского заключения по рассматриваемому делу. Прокурор в данном случае выступал не в надзорном, а в ревизионном порядке. Его заключение было намного весомее прокурорского заключения в рамках обычного судебного заседания. По сути, прокурор в Верховном Суде имел право поставить перед судом совершенно новые кассационные вопросы, не содержащиеся в жалобах и не подвергавшиеся обсуждению сторон. В этой конфигурации личные качества прокурора могли быть определяющими для судьбы подсудимых, поскольку

ку в своей последней речи защитник или сам подсудимый не могли выставлять свои новые кассационные поводы. Содержательно их выступления могли быть только ответом на прокурорское заключение [23, с. 99].

Имея возможность лишь строить предположения относительно конкретного кассационного процесса, обратимся к журналу «Судебная практика РСФСР», еженедельнику Верховного Суда РСФСР за 1928 г. В номере 9 журнала находим постановление УКК Верховного Суда, принятое на заседании 19 апреля в отношении интересующих нас лиц. Начнем с многообещающего заголовка публикации: «Неправильность применения ст. 59 п. 3 УК, даже по аналогии вместо ст.ст. 136 и 153 ч. 2 УК, что повлекло за собой неправильное применение расстрела» [7, с. 11]. В описательной части постановления УКК излагались основные обстоятельства дела. Особого внимания заслуживает одна деталь. В изложении УКК тонувшая девушка якобы кричала только: «Спасите меня, я не могу». О криках жертвы «Юра, спасите, душат», на которых было построено обвинение и расстрельный приговор Адыгейского облсуда, там ничего не сообщалось. Из этого можно предположить, что высшая судебная инстанция либо не сочла их достоверными, либо не обнаружила в них веского довода в пользу обвинения. Важно то, что УКК приняла версию подсудимых. Не менее важная информация содержалась в ссылке УКК на кассационные жалобы осужденных. Оказывается, Синдаровский, Мамрак и Гавриленко в своих жалобах указывали на *недоследованность* дела и, главным образом, на *неправильное* применение к ним статьи 59 ч. 3 УК РСФСР (бандитизм). Становится очевидным, что защитник Н. Н. Луганский при составлении текстов жалоб своих подопечных основной мотив кассации видел в серьезных недоработках областного суда АЧАО, который провел судебное расследование поверхностно и вынес приговор, не соответствовавший обстоятельствам дела.

Верховный Суд РСФСР отменил расстрельный приговор и назначил юным преступникам более мягкое наказание: «Принимая во внимание, что для квалификации хулиганских преступлений по ст. 59 п. 3 УК, как

бандитизма, необходимо, чтобы они были совершены более или менее устойчивой шайкой разложившихся элементов общества, занимающейся хулиганством и представляющей поэтому чрезвычайную опасность, чего в данном случае нет, в преступлениях настоящего дела нельзя усмотреть признаков ст. 59 п. 3 УК, а потому, переквалифицировать их по ст.ст. 136 и 19–153 ч. 2 УК, т. е. как убийство при покушении на изнасилование женщины и назначить по совокупности меру социальной защиты: Синдаровскому и Мамраку — по 10 лет, а Гавриленко — 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением прав на 5 лет каждому» [7, с. 11].

Синдаровскому и Мамраку несомненно повезло, что Кассационная Коллегия, отменив приговор, сама вынесла окончательный вердикт, а не отправила дело для нового рассмотрения в другой губернский суд (которым вполне мог стать Кубанский окружной суд), или не вернула его обратно в Адыгейский облсуд с другим составом судей. Теоретически существовала еще одна процессуальная опасность, которая могла подстергать троих фигурантов. Согласно статье 438 УПК, определение Кассационной Коллегии имели право опротестовать председатель ВС РСФСР и прокурор Республики. Даже один из членов УКК, имевший частное мнение, мог серьезным образом осложнить судьбу троих юношей [23, с. 100–101]. К счастью для них, этого не произошло. Конечно, 10 лет строгой изоляции в условиях советских лагерей были не самой лучшей альтернативой, но все же сохраняли жизнь. Стоит заметить, что это была самая строгая мера наказания в то время, не считая смертной казни. Между тем Мамрак, как главный фигурант в деле об убийстве Крыловой, был беспредельно счастлив. Подобные чувства испытывал и Синдаровский: «Против ожиданий высшая мера была отменена и мне» [1, л. 54].

Для полноты картины надо учитывать, что в январе 1928 г. ВС РСФСР утратил свой статус высшей судебной инстанции, войдя в прямое подчинение наркомюсту. В связи с окончанием районирования и упразднением губернских судов с 1928–1929 гг. изменилась и роль кассационных коллегий ВС РСФСР. Теперь в кассационном порядке рассматрива-

лись лишь дела главных судов автономных республик и небольшое количество дел, разрешенных краевыми судами в качестве судов первой инстанции. По этим причинам приговоры нижестоящих судов в конце 1920-х гг. отменялись редко. Возвращалось утвердившееся в первые годы Советской власти и во время Гражданской войны процессуальное упрощенчество в судопроизводстве [4].

Адвокатское влияние

Решение УКК ВС РСФСР позволяет предположить, что адвокат Н. Н. Луганский при составлении жалоб своих подопечных основной мотив кассации видел в недоработках областного суда Адыгеи, который вынес приговор, не соответствующий обстоятельствам дела. Если так и было, то тактика защиты подсудимых была правильной и эффективной. Впрочем, не имея документального подтверждения, мы не можем однозначно утверждать о том, что победу одержала именно адвокатская компетентность, а не подспудные механизмы вроде «дружеских» записок от правительственных чиновников, на имя которых могла быть направлена петиция протестующей краснодарской молодежи (например, А. В. Луначарского), адресованных руководителям НКВД, ОГПУ или наркомюста. С другой стороны, нет никаких оснований утверждать, что на решение суда высшей инстанции повлиял массовый студенческий протест (в тех условиях протест мог скорее усугубить положение подсудимых, нежели помочь им). Вероятно, это все же была сугубо юридическая коллизия. Или нет?

Здесь резонно переключиться на вопрос о роли и месте адвокатуры в судебной системе 1920-х гг. — наименее изученных аспектов судебно-правовой системы в довоенном СССР. За сравнительно недолгий период существования института русской адвокатуры (корпорации присяжных поверенных), созданного судебной реформой 1864 г., в дореволюционном судопроизводстве были достигнуты заметные результаты. Роль адвоката в уголовном судебном процессе стала одной из ключевых, а его социальный статус — одним из наиболее престижных в обществе, в том числе и на Кубани [11]. После октября 1917 г. с введением рево-

люционных трибуналов адвокаты стали вовсе не нужны. Адвокатура была формально реанимирована лишь в 1922 г., когда с введением нэпа потребовалось изменение советского законодательства и судебной практики, прежде всего в экономической сфере. Появился свод кодексов — уголовный, гражданский, земельный, трудовой, о браке, семье и опеке, процессуальные кодексы и т. д. Вместе с тем исчез из профессионального языка сам термин «адвокат», вместо него возник «член коллегии защитников». Любопытно, что понятие «адвокат» отсутствовало и в словаре воровского жаргона («блатной музыке»), хотя там содержались воровские обозначения суда («экзамен»), председателя суда («патриарх»), прокурора («зуботыка»), многочисленные версии названия милиционеров и сотрудников угрозыска [26, с. 348–374].

Адвокаты практически сразу стали изгоями в советской судебной системе, несмотря на пафосные положения об адвокатуре в УПК 20-х гг. В советской судебной иерархии их статус формально был принижен тем, что председатель суда обязательно являлся членом партии, а адвокат, как правило — беспартийным. По этой причине на закрытых (только для партийцев) совещаниях судебных работников защитники не имели права присутствовать, на открытых же — подвергались постоянным упрекам со стороны прокуратуры, воспринимавшей их всего лишь как «помощников суда» [18, с. 12, 29]. Как свидетельствует бывший советский адвокат тех лет Э. Э. Нагель, «роль защиты на суде или смешна и унижительна, или поистине героична», в то же время беспартийная адвокатура вызывает у партноменклатуры или глумление, или ненависть. «Нас терпят до поры о времени», — пророчески заключил адвокат [15].

Вернемся к рассмотрению дела «краснодарских чубаровцев» в УКК. Несмотря на ограниченные процессуальные возможности адвоката на заседании УКК ВС РСФСР не стоит забывать, что этим защитником на процессе был П. Н. Малянтович. Возглавлявший Московскую коллегию защитников один из основателей советской адвокатуры Павел Николаевич Малянтович задолго до участия в процессе по делу Синдаровского, Мамрака и Гав-

риленко стал живой легендой отечественной юриспруденции. Известность и авторитет ему придали как работа помощником у Ф. Н. Плевако, так и громкие политические процессы в дореволюционной России, на которых он выступал в качестве защитника. Его страстные речи звучали на процессах Первого Совета рабочих депутатов, Л. Д. Троцкого, Н. Баумана, Е. Стасовой, В. В. Воровского, Н. А. Рожкова, по делам о восстании на крейсере «Азов», вооруженном восстании в Москве и др. Он также вошел в историю как министр юстиции и генерал-прокурор во Временном правительстве последнего состава (2 сентября — 25 октября 1917 г.). Именно П. Н. Малянтович на посту генпрокурора по указанию А. Ф. Керенского подписал распоряжение об аресте Ленина, впоследствии (в январе 1940 г.) стоившее ему жизни [17].

Участие в процессе известного московского адвоката говорит о том, что шансы его подзащитных на успех априорно возрастали. Однако случайным ли было это участие? Очень похоже, что либо адвокат Н. Н. Луганский, либо родители подсудимых сумели найти канал выхода на Малянтовича (по некоторым данным, среди дальних родственников Синдаровского был какой-то питерский адвокат). В эту версию вполне укладываются наблюдения К. Борисова, посетившего Советскую Россию в 1923 г.: «Немногочисленные адвокаты, занимающиеся практикой — ныне правозаступники — из юристов превратились просто в каких-то ходатаев. Сейчас ценятся не юридические познания и даже не ораторское искусство, а связи в соответствующих учреждениях и, конечно, прежде всего в Г.П.У., знание всех ходов и выходов» [3, с. 77–78]. Примерно об этом пишет и Н. В. Палибин, в 1923–1935 гг. — член коллегии защитников на Кубани, живший тогда по подложным документам на фамилию Лопатина. В своих воспоминаниях он приводит массу фактов мздоимства в советских судах, вплоть до Верховного Суда РСФСР. Оставим этическую сторону вопроса, важно другое: Палибин описывает одну из техник обхода защитниками произвола нижестоящих судов в те годы. Некоторые адвокаты, видя бесперспективность открытой защиты во время процесса по причине

малограмотности судьи или «заказа» на суровый приговор «сверху», вообще не выступали с защитной речью. Зато они выигрывали все дела в кассационной инстанции, грамотно составив жалобу [18, с. 22]. Не исключено, что что-то подобное могло иметь место и в нашем случае.

Что же могло послужить мотивом для согласия Малянтовича участвовать в судебном заседании УКК, если отбросить совершенно неэтичные версии? Очевидно, здесь мог повлиять целый комплекс факторов. Во-первых, Малянтович легко брался за защиту обездоленных еще в дореволюционное время, причем безвозмездно. Во-вторых, его биография была связана с Кубанью: он выступал защитником в нашумевшем «Тихорецком деле» в 1903 г. о расправе царских карателей с мирным протестом рабочих, а с 1918 г. по сентябрь 1921 г. проживал в Екатеринодаре (Краснодаре). Его брат Владимир Николаевич с 1899 г. являлся действительным членом ОЛИКО [19, с. 13]. Нельзя исключать, что бежавшие на Кубань родители Синдаровского и Малянтович могли познакомиться в столице Кубани. В-третьих, мы почти ничего не знаем о личности адвоката Н. Н. Луганского и характере его взаимоотношений с П. Н. Малянтовичем, которые могли иметь ключевое значение для участия последнего в кассационном процессе. Наконец, дочь Малянтовича — Галли — была сверстницей осужденных по делу об убийстве Крыловой, в 1928 г. ей было 20 лет. Мы также не можем исключить из перечня возможных мотивов тривиальную сентиментальность и обостренное чувство справедливости 59-летнего адвоката.

Как бы там ни было, очевидно одно: адвокатское участие П. Н. Малянтовича позитивно повлияло на решение Уголовной коллегии. Двое приговоренных к расстрелу юношей были спасены, а судьба третьего как минимум не усложнилась. Нет оснований утверждать, что адвокатское участие именно в этом деле стоило карьеры Малянтовичу и Луганскому, однако в 1929 г. Малянтович был «вычищен» из Московской коллегии за-

щитников, а Луганский не прошел «чистку» соваппарата.

Выводы

Проведенное микроисторическое исследование выявило ряд признаков оформления правовой системы в советской провинции на закате нэпа, однако она носила зыбкий и чрезвычайно зависимый от власти характер. В рамках конкретного кейса партийным органам накануне «великого перелома» был нужен громкий судебный процесс по делу юных «насильников и убийц» для нагнетания очередного витка дисциплинирования нравов молодого поколения, тем более показательный суд над представителями классово «чуждой» молодежи. Несмотря на слабую организацию судебного процесса и полную зависимость следствия и суда от партийных органов, судебная власть в высших инстанциях еще вселяла веру молодежи в законность и справедливость. Конкретный случай показал довольно высокий авторитет Кассационной коллегии ВС РСФСР и адвокатуры, которая оказалась беззащитной перед репрессиями партийно-государственных и судебных властей по отношению к ней самой. В целом данный казус создает несколько иное представление о советской правовой системе, противоречащее устоявшемуся мнению о тотальном бесправии осужденных в раннем советском обществе. Вместе с тем без серийных исследований сложно заключить, был ли вышеописанный казус «нормальным исключением» в то время.

У партийных и чекистских руководителей Краснодара была полная уверенность в том, что Верховный Суд РСФСР приговор «пролетарского суда» не отменит. После активного студенческого протеста, а затем и отмены расстрельного приговора власти не могли просто так смириться с явным фиаско в глазах молодежи. Когда осужденные трое юношей праздновали в тюремной камере отмену расстрела, партийные и чекистские руководители Кубанского округа конструировали новое громкое дело по более «основательной» 58-й статье. Но это уже несколько другая, не менее захватывающая история...

Использованная литература:

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Краснодарскому краю. Архивно-следственное дело П-71049.
2. А. Т. Халатность или нераспорядительность? (Из залы суда) // Красное знамя. 1928. 22 марта.
3. Борисов К. Семьдесят пять дней в СССР: Впечатления русского эмигранта, посетившего Россию в 1923 году. Берлин: б. и., 1924.
4. Верховный трибунал при ВЦИК: 1918–1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923–1990 гг. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <http://vsrf.ru/files/26316/> (дата обращения: 03.02.2019).
5. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история: сб. ст. М.: Новое издательство, 2004. С. 287–320.
6. Гинзбург К. Приметы: уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история: сб. ст. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241.
7. Дело № 25999 // Судебная практика РСФСР. 1928. № 9. С. 11.
8. Краснодарские чубаровцы // Красное знамя (Краснодар). 1928. 1 февраля.
9. Краснодарские чубаровцы // Молот (Ростов-на-Дону). 1928. 22 марта.
10. «Мамраковщина» (Дело кубанских чубаровцев) // Красное знамя. 1928. 22 марта.
11. Матвеев О. В. Из опыта становления правовых отношений на Кубани: корпорация присяжных поверенных [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 4. С. 28–37. URL: http://heritage-magazine.com/wpcontent/uploads/2017/12/2017_4_Matveev.pdf (дата обращения 19.01.2019).
12. Медик Х. Микроистория // THESIS: альманах. М., 1994. Вып. 4. С. 193–202.
13. Мимоходов М. «Мамраковщина» (Дело кубанских чубаровцев) // Красное знамя. 1928. 24 марта.
14. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.: Кучково поле, 2006.
15. Нагель Э. Э. Записки бывшего советского адвоката // Последние новости (Париж). 1933. 15 марта.
16. Отдел спецфондов Информационного центра Главного управления внутренних дел Краснодарского края. Ф. 24. Д. 2477–СО.
17. Павел Николаевич Мальянтович: биография [Электронный ресурс] // people.su. URL: <http://www.people.su/70105> (дата обращения: 22.01.2019).
18. Палибин Н. В. Записки советского адвоката. 20–30-е годы. Paris: YMCA-PRESS, 1988.
19. Ратушняк Т. В., Филимонов С. Б. Рождение ОЛИКО // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1998. № 1. С. 3–18.
20. Рожков А. Ю. Кубанская молодежь и ОГПУ: «Дело Синдаровского» (Опыт микроисторического исследования) // Другие времена: межвуз. сб. / под ред. А. А. Зайцева, А. Ю. Рожкова. Краснодар: Знание России, 2004. С. 188–213.

References:

1. Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Krasnodar Region [AUFSSBK], File P-71049.
2. A. T. Halatnost' ili nerasporyaditel'nost'? (Iz zaly suda) [Negligence or Dishonesty? (From the Courtroom)], *Krasnoye Znamya*, March 22, 1928.
3. Borisov, K., *Sem'desyat pyat' dney v SSSR: Vpechatleniya russkogo ehmigraanta, posetivshogo Rossiyu v 1923 godu* [Seventy-Five Days in the USSR: Impressions of a Russian Emigrant Who Visited Russia in 1923], Berlin: no publ., 1924.
4. Verkhovnyy tribunal pri VCIK: 1918–1922 – Verkhovnyy Sud RSFSR: 1923–1990 [The Higher Tribunal VCIK: 1918–1922 – The Supreme Court RSFSR: 1923–1990], in *The Supreme Court of the Russian Federation*. <http://vsrf.ru/files/26316/>. Accessed February 3, 2019.
5. Ginzburg, K., *Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nej znayu* [Microhistory: Two or Three Things I Know about It], in *Mify-ehmblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004, pp. 287–320.
6. Ginzburg, K., *Primety: ulikovaya paradigma i ee korni* [Features: the Evidence Paradigm and Its Roots], in *Mify-ehmblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004, pp. 189–241.
7. Delo № 25999 [Case no. 25999], *Sudebnaya praktika RSFSR*, 1928, no. 9. p. 11.
8. Krasnodarskie chubarovcy [The Krasnodar Chubarovcy], *Krasnoye znamya*, February 1, 1928.
9. Krasnodarskie chubarovcy [The Krasnodar Chubarovcy], *Molot*, March 22, 1928.
10. «Mamrakovshchina» (Delo kubanskih chubarovcev) [“Mamrakovshchina”: the Krasnodar Chubarovtsy Case], *Krasnoye znamya*, March 22, 1928.
11. Matveev, O. V., *Iz opyta stanovleniya pravovyh otnoshenij na Kubani: korporaciya prisyazhnykh poverennykh* [From the Experience of the Formation of Legal Relations in Kuban: a Corporation of Sworn Attorneys], *Nasledie vekov*, no. 4, pp. 28–37. http://heritage-magazine.com/wpcontent/uploads/2017/12/2017_4_Matveev.pdf. Accessed February 3, 2019.
12. Medic, H., *Mikroistoriya* [Microhistory], *THESIS: Almanac*, 1994, no. 4, pp. 193–202.
13. Mimokhodov, M., „Mamrakovshchina” (Delo kubanskih chubarovcev) [„Mamrakovshchina”, the Krasnodar Chubarovtsy Case], *Krasnoye znamya*, March 24, 1928.
14. Mozokhin O. B. *Pravo na repressii: Vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti (1918–1953)* [The Right to Repression: The Extrajudicial Powers of State Security Bodies (1918–1953)], Moscow : Kuchkovo pole, 2006.
15. Nagel', E. E., *Zapiski byvshego sovetского advokata* [Notes of the Former Soviet Lawyer], *Poslednie novosti*, March 15, 1933.
16. *Special Funds Department of the Information Center of the Central Internal Affairs Department of Krasnodar Region [OSFIC GUV D KK]*, Fund 24, Inventory 1, File 2477–SO.
17. Pavel Nikolaevich Malyantovich: biografiya [Pavel Malyantovich: a Biography], in *people.su*. <http://www.people.su/70105>. Accessed January 20, 2019.

21. Рожков А. Ю. «Я сам знаю, что не жил»: исповедь арестанта кубанского ОГПУ // Кубанский сборник: сб. науч. ст. и материалов по истории края / под ред. А. М. Авраменко, Г. В. Кокунько. Краснодар, 2008. Т. 3 (24). С. 369-409 и др.
22. Рожков А. Ю. Студенческий протест в Краснодаре в 1928 г.: эмоциональные нормы власти и молодежи // Человек. Сообщество. Управление: научно-информационный журнал. 2016. Т. 17. № 3. С. 103-122.
23. Тагер А.С. Кассационное обжалование судебных приговоров: комментарий к ст. 344-350, 409-426, 400-408, 434-439 УПК. М.: Право и жизнь, 1924.
24. Толин Ан. «Мамраковщина» (Дело кубанских чубаровцев) // Красное знамя. 1928. 22 марта.
25. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С новейшими дополнениями и приложениями директивных и инструктивных писем Верховного Суда РСФСР за 1925-1926 гг. С алфавитно-предметным указателем. Л.-М.: Рабочий суд, 1926.
26. Чалидзе В. Уголовная Россия. М.: Терра, 1990.
18. Palibin, N.V., *Zapiski sovetskogo advokata. 20-30-e gody* [Notes of a Soviet Lawyer (20-30s)], Paris: YMCA-PRESS, 1988.
19. Ratushnyak, T. V. and Filimonov, S. B., *Rozhdenie OLIKO* [The Birth of OLIKO], *Golos minuvshogo. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal*, 1998, no. 1, pp. 3-18.
20. Rozhkov, A.Yu., *Kubanskaya molodezh' i OGPU: "Delo Sindarovskogo"* (Opyt mikroistoricheskogo issledovaniya) [The Kuban Youth and OGPU: "The Sindarovskiy's Case" (the Experience of Micro-Historical Studies)], in *Drugie vremena*, Zaitsev, A. A. and Rozhkov, A. Yu., Eds., Krasnodar: Znanie Rossii, 2004, pp. 188-213.
21. Rozhkov, A. Yu., "Ya sam znayu, chto ne zhil": ispoved' arestanta kubanskogo OGPU ("I Know Myself I Did not Live": the Confession of the Prisoner of the Kuban OGPU), *Kubanskiy sbornik: Sel. Sci. Papers and Materials on the History of the Region*, vol. 3 (24), Avramenko, A. M. and Kosenko, G. V., Eds., Krasnodar, 2008, pp. 369-409.
22. Rozhkov, A. Yu., *Студенческий протест в Краснодаре в 1928 году: эмоциональные нормы власти и молодежи* [Student protest in Krasnodar in 1928: emotional norms of power and youth], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie: nauchno-informatsionnyy zhurnal*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 103-122.
23. Tager, A. S., *Kassatsionnoe obzhalovanie sudebnykh prigovorov: kommentariy k statyam 344-350, 409-426, 400-408, 434-439 UPK* [Cassation Appeal of Court Sentences: Comment to Articles 344-350, 409-426, 400-408, 434-439 of the Criminal Procedure Code], Moscow: Pravo i zhizn', 1924.
24. Tolin, An., "Mamrakovshchina" (Delo kubanskih chubarovtsev) ["Mamrakovshchina" (The Krasnodar Chubarovtsev Case)], *Krasnoye znamy*, March 22, 1928.
25. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR. S noveyshimi dopolneniyami i prilozheniyami direktivnykh i instruktivnykh pisem Verhovnogo Suda RSFSR za 1925-1926 gody. S alfavitno-predmetnym ukazatelem* [The Criminal Procedure Code of the RSFSR. With the Latest Additions and Appendices of Directive and Instructive Letters of the Supreme Court of the RSFSR from 1925-1926 (with the Alphabetical Index)], Leningrad-Moscow: Rabochiy sud, 1926.
26. Chalidze, V., *Ugolovnaya Rossiya* [Criminal Russia], Moscow: Terra, 1990.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рожков, А. Ю. Феномен суда и кассации в Советской России на закате нэпа: микроисторический анализ случая [Электронный ресурс] / А. Ю. Рожков // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 54-66. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Rozhkov.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Rozhkov, A. Yu., *Fenomen suda i kassatsii v Sovetskoj Rossii na zakate nepa: mikroistoricheskiy analiz sluchaya* [The Court and Cassation Phenomenon in a Soviet Russia in the Twilight of NEP: Microhistorical Analysis of the Case], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 54-66. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Rozhkov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

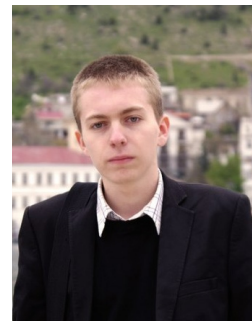

КАРАГОДА Константин Павлович

преподаватель Краснодарского педагогического колледжа,
аспирант кафедры истории, культурологии и музееведения
Краснодарского государственного института культуры
Краснодар, Россия

Konstantin P. KARAGODA

Lecturer, Krasnodar Pedagogical College,
Graduate Student, Department of History,
Cultural Studies and Museology,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russia
karagoda.k.p@mail.ru

УДК 7.067
ГРНТИ 18.07.43
ВАК 24.00.01

**Риторика женской агрессии:
опыт анализа
художественных текстов
Нового времени**

Статья посвящена риторике агрессии женщин в изобразительном искусстве и литературе. Агрессия как феномен достаточно изучена. Описание агрессии женщин в художественных текстах, хотя и встречается часто, но недостаточно исследовано с научной точки зрения. Женщина, лишенная голоса в патриархальном обществе, подвергается мифологизации своего образа, выступая и как мать всего живого, и как кровавая богиня смерти. Женщинам приписывали слабость, иррациональность, коварство, жестокость. В этом заключается архаический страх мужчин, выражающийся и в том, что врагам приписывались женские качества. Все эти стереотипы повторяются в европейской культуре и несут архетипическое происхождение. О. Шпенглер и О. Вейнингер предрекали феминизацию цивилизации. Антропоморфизм мышления привязывает к абстрактным явлениям черты женского: так Г. Лебон видит в революционной толпе женский характер, а Ч. Ломброзо в женской преступности видит черты наследственности и физиологии. В общей традиции художники и литераторы создают аллегории революций, побед, гневной бунтующей толпы в образе женщины, кровожадной, ведущей и на победу, и на смерть. Исторические потрясения

**Rhetoric of Women Aggression:
the Experience of Analysis
of Artistic Texts
of the Modern History**

The article is devoted to the rhetoric of women aggression in the visual arts and literature. Aggression was sufficiently studied as a phenomenon. Description of women aggression in artistic texts, although quite common, was not sufficiently studied. A woman deprived of her voice in a patriarchal society was mythologized: her image in the process of this mythologization received the traits of the mother of all living things and simultaneously of the bloody goddess of death. Women were credited with weakness, irrationality, cunning, cruelty. This is the archaic fear of men, expressed in the fact that women qualities were attributed to the enemies. All these stereotypes reiterate in European culture and emerge from certain archetypes. Oswald Spengler and Otto Weininger predicted the feminization of civilization. The anthropomorphism of thinking endows biological and social phenomena with female traits: thus Gustave Le Bon sees the female character in the revolutionary crowd, and Charles Lombroso sees in crimes committed by women the features of heredity and physiology. It is a common tradition, that artists and writers furnish the allegories of revolutions, victories and angry rebellious crowd with female traits, women appearing bloodthirsty, leading both to victory and to death. Historical shocks contribute to the

способствуют раскрепощению масс и часто сопровождаются не только мужской, но и женской агрессией, которая шокирует общество, привычно воспринимающее женщину как слабый и нежный пол.

Ключевые слова: агрессия, антропоморфизм, насилие, архетип, мифология, натурализм, женственность, феминизация, революция.

emancipation of the masses and are often accompanied not only by male but also by female aggression, which shock the society, that habitually perceives a woman as a weaker and gentler sex.

Keywords: aggression, anthropomorphism, violence, archetype, mythology, naturalism, femininity, feminization, revolution.

В искусстве есть много общего с приемами риторики: антитезы, метафоры, гиперболы, аллегории и др. В истории культуры риторически противопоставлялись: мужское и женское, добро и зло, рождение и смерть, телесное и духовное и т. д., которые выражались абстрактно. Г. Зиммель заметил природу раздвоенности в самой природе души человека: «В глубине нашей души кроется, очевидно, некоторый дуализм, который, не позволяя нам воспринимать картину мира как неразрывное единство, постоянно разлагает ее на целый ряд противоположностей» [4, с. 163]. Риторика путем абстрактных образов, противопоставлений преподносит моральные уроки, так например: наказуем тот, кто нарушает общепризнанный порядок. Еще Аристотель заметил, что человек учится путем ассоциации идей, в дальнейшем эту концепцию развил Джон Локк. Дэвиду Юму принадлежит теория законов ассоциаций идей, подразделяя их на несколько типов: сходство, контраст, смежность в пространстве и времени, причинно-следственность. У. Липпман писал: «Греческие философы стали ощущать потребность в адаптации популярной эпической религии к прогрессу науки, люди бьются над проблемой, как сделать конкретным и реальным то, что является абстрактным и нематериальным» [9, с. 151]. На протяжении всей истории цивилизации, с древнейших времен мы видим культурные коды противостояния, отщепенства, зависти и злости, порождающие как следствие страдание, отвращение, назидание. Антропоморфизм стал приписывать разным социальным законам «женское и мужское», что стало разделительной чертой, образом, которым пользовались в объяснении совершенно разных явлений и понятий, порой совершенно абстрактных и никак не согласующихся с гендерными или половыми различиями челове-

ческих индивидов. Замечено, что «Человек «принимает» на себя свойства тех объектов, которые он пытается освоить. Антропоморфизм — реальная форма освоения человеком мира. Он делает ближе то, что было для человека чуждым, внешним» [17, с. 2]. Ф. Бэкон относил антропоморфизм к «идолам рода», подчеркивая, что объяснять природу, сравнивая её с поведением человека, ошибочно. Разумное замечание Бэкона, как покажет наше дальнейшее исследование, осталось неприкосновенным для иррационального осознания культуры и искусства.

На основе антропоморфического мировосприятия древних греков европейские мыслители продолжили использование гендерно-половых метафор в объяснении своих теорий. Так, у О. Шпенглера исторический процесс делится на мужской — вертикальный и женский — горизонтальный. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» и его современник О. Вейнингера в книге «Пол и характер» преддрекали цивилизации Европы путь полной феминизации. Г. Лебон сравнивал психологию поведения масс с женской психикой и поведением и в своем исследовании «Психология народов и масс» считал, что масса (толпа людей, имеющая политическую силу в эпоху революций) любит сильных мужчин, и, значит, толпа поступает как женщина. Он писал: «В числе специальных свойств, характеризующих толпу, мы встречаем: импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенную чувствительность... которые наблюдаются у существ, принадлежавших к низшим формам эволюции, как-то: у женщин, диких и детей» [8, с. 169]. Рассуждения Лебона ярко характеризуют общеевропейский мировоззренческий круг знаний середины XIX в. с его теориями о расовом превосходстве европей-

цев над коренными жителями колоний, патриархальный взгляд на женщин, как ответ на начавшееся женское движение, на зарождающиеся науки психологии.

Политики и диктаторы часто сравнивали народ и толпу с женщиной, а вождя — с мужчиной, руководящей ею: «У меня только одна страсть, одна любовница — Франция. Я ложусь с ней» (Наполеон). Гитлер писал в своей книге, что массы: «Как женщина... они предпочитают скорее покориться сильному мужчине, чем помыкать слабым...». Все эти высказывания, пусть и столь абстрактные, служат для ученых Либмана, Тарда, Фромма доказательством фашизации масс в XX в. Иррациональность и подчинение масс, приписываемые характеру женщин, что является гендерной субъективностью. Искать в женском отрицательные черты, наделяя ими массы, народы, исторические периоды упадка, свойственно было греческой, а затем и европейской цивилизации. Историю создавали и писали мужчины, женщинам они приписывали немислимую ярость и агрессию, а в переломные периоды истории считалось, что все беды от женщин (например, миф о ларце Пандоры, начало Троянской войны и др.).

Возможно, все вышеописанные тенденции имеют архетипические корни. К. Леви-Стросс показал, что при всей неоднозначности и разнообразии культур, у многих первобытных народов встречается некоторое снисходительно-насмешливое отношение к женщинам. Так, наблюдая за жизнью бразильского племени намбиквара, он пишет: «Из уст мужчин нередко вырываются фразы: «Дети не знают, женщины не знают, только я знаю». В исследовании Леви-Стросса «Печальные тропики» также описывается множество запретов (табу) для женщин бразильских племен намбиквара и бороро, словно на них накладывается метафизическое проклятие. Так, им нельзя посещать мужской дом, видеть обряды мужчин, слушание грозит смертельной карой. А мужчины-индейцы в провале той или иной кампании обвиняли женщин. Немецкий психолог Э. Нойман писал об архаическом мировоззрении: «Мир, жизнь, природа и душа переживались как порождающая и питающая, защищающая и согревающая Женственность.

Та женщина, что порождает жизнь и все живые вещи на земле, также забирает их обратно в себя. Болезнь, голод, неприятности, война, наконец — её помощники, и среди всех народов богини войны и охоты выражают человеческое переживание женщины как жаждущей крови» [12, с. 146].

Стереотип женского носит мифический характер, что схоже с наделением животных в сказках свойствами вовсе им не присущими в природе: заяц — трусливый, лиса — хитрая и т. д. Это некие абстрактные категории, сложившиеся и укоренившиеся в сознании людей с древнейших времен, цель которых не характеризовать конкретное животное, а описать иносказательно какую-то доктрину. Безгласность женщины уподобляется безгласности животного и ребенка, мнение её о самой себе игнорируется, поэтому патриархальным обществом создается миф о женщине.

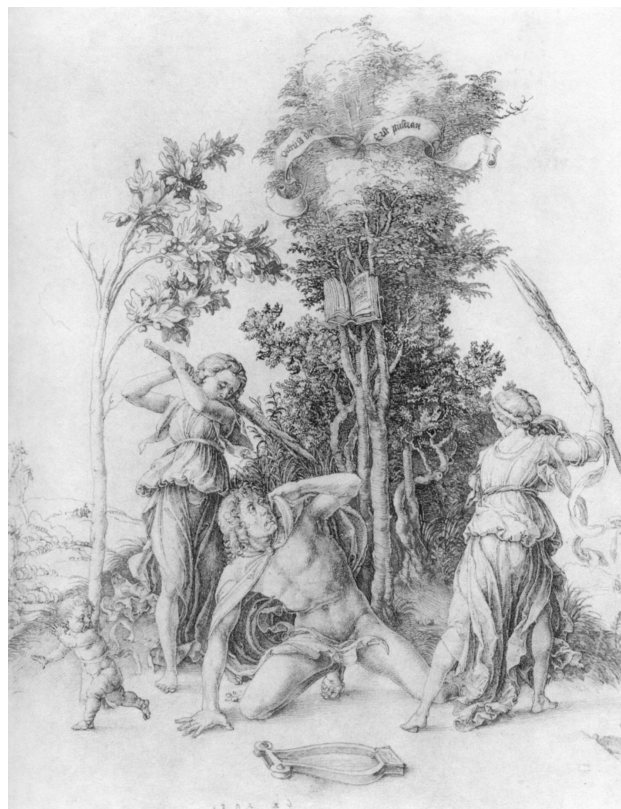
Скорее всего, страх перед феминизацией в понимании доктринеров — утрата мужских качеств: силы, разума и является подсознательным страхом. Часто утрата мужских качеств приписывалась вымышленным врагам, так, антисемит О. Вейнинггер приписывал евреям женственность, что в дальнейшем было взято нацизмом на вооружение, чтобы оправдывать их истребление.

Агрессия женщин в мифах и фольклоре.

Культура оставила немало сцен насилия над женщиной, но есть также и ответные сцены насилия женщин. Артемида превращает Актеона в оленя, и его разрывают на части собаки, а женщины острова Лемнос убивают мужей за измены. Медея убивает своих детей, Клитемнестра убивает Агамемнона. Данаиды убивают мужей после свадьбы. В библейской истории Юдифь обезглавливает Олоферна, Иезавель творит бесчестие, Далила лишает силы Самсона, Саломея жаждет получить голову Иоанна Крестителя и так далее.

Амазономания, борьба греческих героев Геракла, Ахилла и Тесея против воинственного племени амазонок, нашла свое отражение в скульптурных барельефах Скопаса в Галикарнасском мавзолее. Пергамский алтарь запечатлел участие в битве (титаномахии) женщин-богинь, повергающих грозных титанов. Можно вспомнить о менадах: в экстазе танца

и опьянения они нападают на царя Пенфей и разрывают его на части. Скульптура «Менада» работы Скопаса наполнена демонической экспрессией, танец опьяненной Менады стремителен. Менады с древнегреческого переводятся как безумствующие. Они спутницы и почитательницы бога Диониса. Из мифов известно, что дикие менады, опоясанные извивающимися змеями, кормят грудью волков и газелей, они разрывают скот голыми руками. Фракийские менады растерзали певца и музыканта Орфея за то, что он презрел их любовные притязания. Это яркий образ ужаса перед могуществом женщины, перед её непостижимостью, перед архитепическим союзом женщины и хтонической природы. Ф. Ницше противопоставлял культ Аполлона культу Диониса, культ неба в схватке с культом земли. Греческий миф о гибели Орфея раскрывает перед нами две ипостаси женского. Менады, натравленные Дионисом на Орфея, который превозносил выше всего бога Аполлона, разрывают его на части и бросают голову в реку, которую затем подбирают музы и оплакивают. С одной стороны — менады как олицетворение всего хтонического, Дионисийского в женском, с другой — музы, которые оплакивают Орфея — олицетворение женщин Аполлонического склада. Греческие легенды пережили античную цивилизацию и стали частью европейской культуры. Эпоха Ренессанса пыталась возрождать «Золотой век» античности, внося в искусство греческие и римские сюжеты. Особенно популярным был миф об Орфее. Убийство Орфея запечатлел на рисунке Альбрехт Дюрер («Смерть Орфея», 1494–1498, Кунстхалле, Гамбург). Две менады замахнулись деревянными рогатинами на упавшего на колени Орфея, который пытается защитить свою голову руками, его арфа упала на землю. Григорио Лаццарини создает полотно «Орфей, наказуемый вахканками» (1690-е гг.,

Альбрехт Дюрер. «Смерть Орфея», 1494–1498, Кунстхалле, Гамбург

Григорио Лаццарини. «Орфей, наказуемый вахканками», 1690-е гг. Ка'Реццонико, Венеция

Ка'Реццонико, Венеция). Мы видим динамичную битву-расправу над Орфеем, менада (вахканка) одной рукой схватила Орфея за волосы, а другой размахнулась его же скрипкой, другая двумя руками схватила его и волочит по земле.

Женская агрессия присутствует и в мифологизированных биографиях философов. Образ сварливых жен известен в нескольких полулегендарных преданиях античности, которые ярко представлены в изобразительном искусстве. Ксантиппа, жена Сократа стала легендарной благодаря своему дурному нраву. На одной из гравюр изображается, как Ксантиппа выливает Сократу за шиворот помой. «После такого грома, — только и сказал на это мудрец, — можно было ожидать, что гроза не пройдет без дождя!». Знаменит ещё один сюжет, связанный с Аристотелем и Филлидой, скорее всего, придуманный в Средневековье. Аристотель предостерегал своего ученика Александра Македонского от женского коварства. Узнав об этом, Филлида, возлюбленная молодого царя, пытается опозорить его учителя, применив все свои чары обольщения. Она села на спину философу и, вдев ему в рот уздечку, погоняет его плетью. Этот комичный и наполненный эротикой момент обыгрывается во множестве произведений искусства,

Бальдунг Грин. «Филлида и Аристотель», 1513. Национальный Музей Нюрнберга

Лукас Кранах. «Филлида и Аристотель», 1530. Частное собрание

например, в знаменитой гравюре Бальдунга Грина (1513 г., Германский национальный музей, Нюрнберг), где Филлида обнаженной сидит на спине обнаженного Аристотеля. Лукас Кранах также запечатлел этот сюжет в своей картине «Филлида и Аристотель» (1530 г., частное собрание). Филлида мстит Аристотелю за плохое мнение о женщинах. Страсти философа, умудренного временем и поддавшегося обольщению Филлиды — иллюстрация тайной власти женщины над мужчиной. Но хитрость её не оказала должного воздействия на Александра, он не перестал уважать своего учителя, а только удостоверился в его словах, увидев месть коварной женщины.

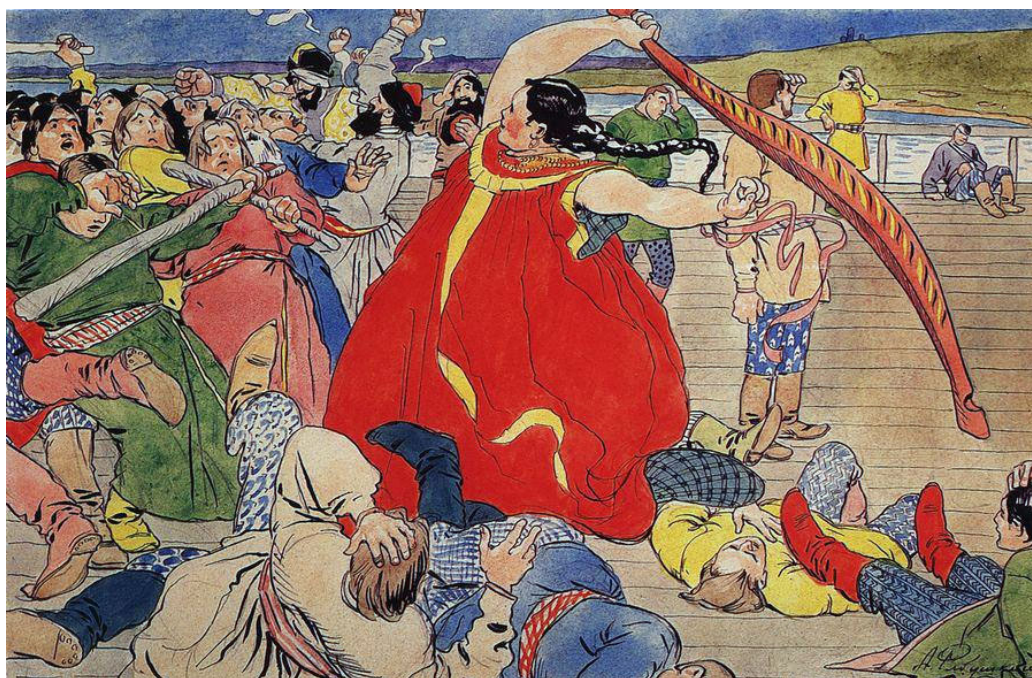
Тема агрессии женщин присутствует и в русском фольклоре, в былинах и песнях. Известны балладные песни «Жена мужа зарезала» и «Сестра отравила брата» [14, с. 208–209]. Л. Олсон пишет: «Основываясь на ком-

ментариях сказительниц, мы можем отметить, что сценарий «плохая женщина» обладает для них особенной притягательностью в силу своей трансгрессивности: она выступает нарушительницей социальных норм» [13, с. 45]. В былинном эпосе о Василии Буслаеве и его дружине есть героиня — девушка-чернавушка, которая вступает в бой с одолевающими дружину новгородскими мужиками, пока Василий по велению своей матери заперт у себя в доме. Этот момент запечатлел в своей иллюстрации к былине художник А. П. Рябушкин «Девушка-чернавушка побивает мужиков новгородских» (Эскиз иллюстрации к былине о Василии Буслаеве для журнала «Шут», 1898 г., Государственный Русский музей, Санкт-Петербург). Н. И. Костомаров писал: «В новгородских женщинах была мужественность; в суде, когда дело доходило до поля, жонка с жонкою становилась на бой — дело было обычное и законное. Не мудрено, если и девушка-чернавушка из Буслаева дома богатырски отмахивалась от мужиков» [7, с. 34]. Образ девушки, побивающей мужчин коромыслом, безусловно, является частью эпического юмора, некоторой подмены. Пока герой находится под влиянием матери и не может выполнять свои богатыр-

ские функции, а именно побеждать в битве, на замену выходит женщина, которая ничуть не хуже богатыря. Верится, что в доме богатыря все обладают богатырской силой и удалью, даже прислуга — девушка-чернавушка.

Революции и женская агрессия: отражение в культуре. История знает переломные моменты, когда женщина берет на себя роль революционера, воина, террориста, политического активиста. Можно вспомнить такие исторические личности, как Жанна д'Арк, Шарлотта Корде, Вера Засулич и др. Известны и акты вандализма со стороны женщин против искусства, воспевающего женскую красоту. Так, в 1914 г. суфражистка Мэри Ричардсон не только занималась поджогами, била окна в Министерстве внутренних дел, взрывала железнодорожные станции, но и напала с ножом на картину Веласкеса «Венера с зеркалом» (Национальная галерея, Лондон), изрезав её. Другая суфражистка Эмили Дэвисон в 1913 г. на английском дерби выбежала навстречу скачущей лошади и погибла под ее копытами. Её протестная акция самопожертвования всколыхнула общество, и похороны обернулись массовой демонстрацией с лозунгом «Дайте мне свободу или позвольте умереть».

В революционных движениях женщины всегда принимали активное участие. Ярким примером явился знаменитый поход женщин на Версаль во время Великой французской революции 5–6 октября 1789 г. Революционерка Анна-Жозефа Теруань де Мерикур организовала вооруженное выступление женщин (и в то же время устроила

А. П. Рябушкин «Девушка-чернавушка побивает мужиков новгородских» (Эскиз иллюстрации к былине о Василии Буслаеве для журнала «Шут»), 1898. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

линчевание памфлетиста, который назвал её падшей). Теруань де Мерикур в дальнейшем сама стала жертвой насилия. Она сочувствовала партии жирондистов, а толпа женщин, примыкающих к якобинцам, раздела её на улице и выпорола, после чего она сошла с ума. Парижское восстание женщин было прямым следствием нехватки продовольствия и все усиливающегося голода. Так описывает начало этого похода Томас Карлейль: «Утром в понедельник на грязных чердаках матери просыпаются от плача детей, которые просят хлеба. Надо спускаться на улицу, ...становиться в хлебные очереди. Везде они встречают изголодавшихся матерей, полных сочувствия и отчаяния. О, мы несчастные женщины! Но почему вместо хлебных очередей не отправиться во дворцы аристократов, корень зла? ...Молодая женщина хватается барабан и идет, выбивая дробь, и громко кричит о вздорожании зерна. Спускайтесь, о матери, спускайтесь, Юдифи, за хлебом и мстью!» [6, с. 161]. После падения Бастилии Парижское восстание женщин можно считать вторым по важности этапом Французской революции.

Женщины, чаще всего из бедных слоев общества, во времена потрясений напоминают мстящих фурий и неистовых менад, и это неудивительно, так как самое бесправное существо, какое могло быть тогда — это женщина из бедняков. Вся её ненависть, которая долгие годы копилась в ней, вырывается во время падения власти мужчин, а революция дает ей иллюзию взять реванш за долгие годы унижений и бесправия. Филипп Друль, один из членов Конвента писал: «Когда голова приговоренного падает под мечом закона, только злое и аморальное существо может этому радоваться. К чести людей моего пола скажу, что если и встречал это чувство, то только в женщинах; они вообще более жадны до кровавых зрелищ, чем мужчины; они, не дрожа, смотрят, как падает нож гильотины. Отмечают, что именно женщины в народных движениях способны на самые ужасные деяния: месть, эта страсть слабых душ, мила их сердцу; когда они могут творить зло безнаказанно, то с радостью хватаются за возможность избавиться от собственной слабости, ставящей их в зависимость от судьбы» [1, с. 20].

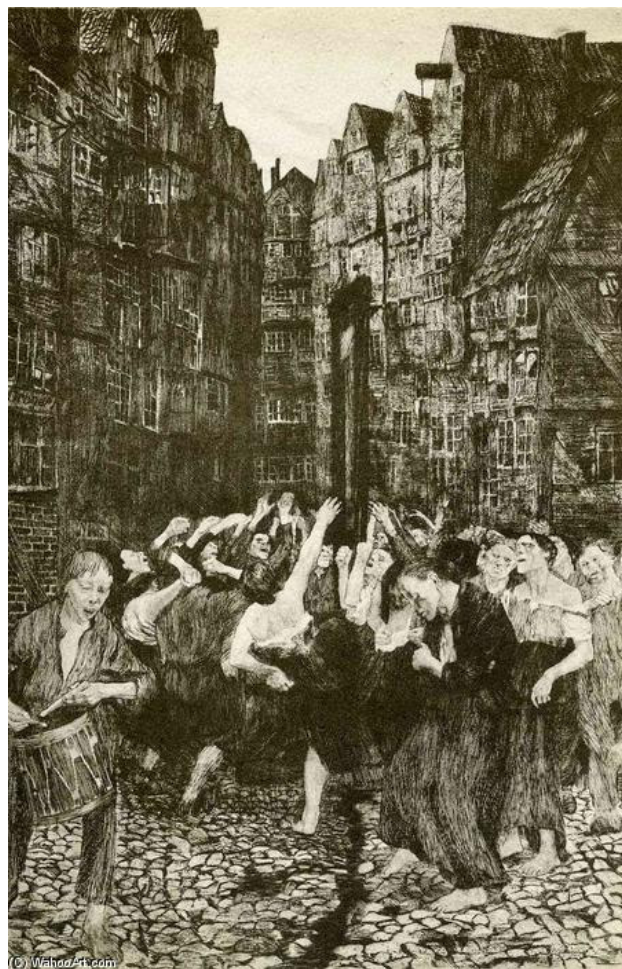
Ж.-Л. Давид (?) «Зеленщица», 1795, Лувр.

Знаменитому французскому художнику Жаку-Луи Давиду приписывают создание картины «Зеленщица» (1795 г., Лувр, Париж). Портрет бедной, старой женщины из трущоб Парижа своей правдой жизни рушит все искусственные приемы классицизма, созданные для парадных портретов. Если его поместить рядом с портретами, которые делал под заказ Давид, то зеленщица шокировала бы публику своей вызывающе гордой позой победителя. Чувствуется её крутой характер. Кажется, сам дух народа, таящийся в этой картине, затмил изнеженные образы аристократок. Вот такие женщины шли в Версаль, насаживали на пик головы принцессы Ламбаль и стояли на площади во время казни короля и королевы Франции. «Зеленщица» Давида — истинное лицо бунтующего народа.

Символ июльской революции — полотно «Свобода, ведущая народ» Эжена Делакруа (1830 г., Лувр, Париж). Г. Гейне, посетивший открытие салона, на котором впервые был представлен шедевр Делакруа, так описывает облик главной героини: «Молодая женщина в красном фригийском колпаке, с ружьем в од-

ной руке и трехцветным знаменем — в другой. Она шествует через трупы, призывая к борьбе, обнаженная по пояс. Прекрасное, неистовое тело; смелый профиль, дерзкая скорбь в чертах лица, странное сочетание Фрины, селедочницы и богини свободы. <...> Фигура, кажется, скорее должна изображать дикую народную силу, сбрасывающую ненавистное ярмо» [3, с. 73]. Женщина, запечатленная на полотне Делакура и символизирующая революцию, несомненно, была взята за основу аллегорического изображения богини победы Ники. Изображение женщины на поле брани в символическом образе гения, спускающегося с небес на ратное поле, часто встречается в картинах разных эпох, так например, в картине И. Таннауэра «Петр I в Полтавской битве» (1724–1725). В дальнейшем женщину, как символ победы, можно будет увидеть в монументальной пропаганде первых лет Советской власти (Н. Андреев «Монумент Советской конституции», 1919 г.; С. Коненков барельеф «Павшим в борьбе за мир и братство народов», 1918 г.). Образ богини-воительницы постепенно преобразуется в аллегория революции, смешиваясь с натуралистичным восприятием XIX в. Мы видим это в описаниях Гейне, где возвышенное чередуется с низменным и натуралистичным, где аллегория свободы он сравнивает с «селедочницей», с женщинами, «которые вечерами рыскают по бульварам». Затем Гейне подводит итог: «Великая мысль облагородила этот простой люд, этот сброд, осыатила его поступки и пробудила в его душе уснувшее чувство собственного достоинства» [3, с. 73]. В этой художественной критике мы видим характерный для той эпохи отстраненный взгляд на народ. Делакура изображает революцию в виде женщины, аллегорически представляющей толпу, народ, ведущей и к победе, и к смерти, что является архетипом женского.

Немецкая художница начала XX в. Кете Кольвиц передает ужасы социальной катастрофы: голодающий и бастующий народ населяет её мрачные литографии и офорты. На гравюре «Карманьола» (1901), изображен немыслимый танец бедных женщин вокруг гильотины. Само название относит нас во времена Великой французской революции, когда революционно — настроенные толпы распе-

Кете Кольвиц. «Карманьола», 1901

вали песню «Карманьола». Этот, поистине дикий танец вокруг гильотины превращает женщин в жаждущих кровь вакханок, они иступленно сжали кулаки, они полны ярости, напряжения, многие растрепаны и оголены. Гравюра показывает нам что-то архаичное, вневременное, что присутствует в толпе, подверженной кровавому экстазу, безумию. В офорте из цикла «Крестьянская война» (1902–1908) мы видим сгорбившуюся фигуру старухи, грозно поднимающую свои тонкие костлявые руки и призывая вооруженную вилами и косами толпу к бунту, к кровавой расправе. Художница не раз обращалась к роману Э. Золя «Жерминаль», откуда она брала сюжеты для своих произведений.

«Риторика агрессии» в литературе. Творческая интеллигенция, вдохновленная Дарвином, утверждавшим, что человека следует рассматривать как биологическое существо, подобно другим животным, натурали-

Кете Кольвиц. «На штурм». Из серии «Крестьянская война», 1903

стично подходит к изображению человека. Искусство того времени ярко иллюстрирует, что без идеологического и мифического подтекста искусство есть отражение не человека и его души, а простой физиологии. В то время было популярно исследование Ш. Летурно «Физиология страстей». В своих романах «Тереза Ракен» и «Мадлен Ферра» Э. Золя использует «теорию страстей» Летурно. Теория страстей заключается в том, что физиология роковым образом определяет поведение людей, когда её «деспотическая власть», по словам автора, «превращает человека в животное». Человек не самостоятелен и является жертвой собственной природы, страстей, физиологии, наследственности. Ч. Ломброзо, изучавший агрессию женщин, подобно Летурно, основывая всё на физиологии, пишет: «У женщины много общего с ребенком: она обладает слабо развитым нравственным чувством, ревнива, злопамятна и старается выразить свою месть в рафинированной, жестокой форме» [10, с. 197]. На таких представлениях и строилось понимание женской агрессии в XIX в., что отражено во многих произведениях европейской литературы.

Э. Золя в романе «Жерминаль» описал агрессию доведенных до бедности женщин, которые во время забастовки кровожадно глумились над телом бакалейщика, который в страхе пытался спастись бегством по крыше своего дома, но сорвался и упал. Они устраи-

вают надругательство над его трупом: «Сбежались женщины, опьяненные пролившейся кровью. <...> Осыпали мертвеца бранью, изливая накопившиеся жестокие обиды за свою горькую, голодную жизнь. <...> Но женщинам мало было этой мести. Они кружили вокруг, как волчицы, и словно обнюхивали труп. Каждая старалась придумать издевательство пострашнее, посвирепее, чтобы облегчить сердце» [5, с. 481].

И. Эренбург, будучи во Франции во время Первой мировой войны, описывает проявление жестокости женщин: «В Нанте недавно женщины, узнав о том, что в город должны привезти пленных, караулили на вокзале с палками, метлами и вилами. Караульные еле сдерживали беснующихся «патриотов». Эренбург передает диалог двух девушек: «Я бы их всех перерезала. — О, это слишком для них хорошо! Я бы сначала отрезала пальцы, один за другим, потом бы выколола глаза; потом горячими щипцами прихватила язык, потом...» [18, с. 200].

В качестве примера из русской истории можно привести воспоминания врача М. Мелентьева о том, что происходило во время Февральской революции 1917 года в Кронштадте: «Роковую роль в жестокостях играли женщины, работницы порта. Эта слабая часть человеческого рода оказалась неумолимой и жестокой, и своими истерическими и иступленными воплями: «бей его, бей!» побуждала мужчин к убийствам и расправам». Мелентьев далее описывает смерть капитана Степанова: «Ничего плохого за этим человеком не числилось <...> И вдруг навстречу куча разъяренных баб, угорелых от крови и массового убийства: «Бей его, бей! Куда ведете? Одним меньше будет!» И бросились, и начали бить человека, совсем незнакомого, не сделавшего им ни малейшего зла. Через минуту бесформенная масса валялась на снегу. К вечеру во внутреннем дворе госпиталя высилась громадная куча обезображенных людских тел с офицерскими погонами. Шел снежок и тихо засыпал этот трофей революции, а женщины лезли через заборы, стояли у всех щелей, любопытствовали, смеялись и оскверняли своими нечистыми побуждениями самое важное в жизни каждого человека — смерть» [11, с. 78].

В 1915–1917 гг. в России наблюдались так называемые «хлебные погромы», когда, стоящие в длинных очередях женщины не выдерживали и начинали забрасывать камнями витрины магазинов. Р. Стайтс пишет: «6 апреля 1915 г. в Петрограде на один день была прекращена продажа мяса, женщины разгромили и разграбили крупный мясной рынок; то же самое, только уже из-за приостановки торговли хлебом повторилось и два дня спустя в Москве» [16, с. 394–395]. Современник тех событий П. Сорокин писал в своем дневнике: «Русская революция была начата голодными женщинами и детьми, требовавшими хлеба и селедки» [15, с. 57].

В поэме «Спекторский» Б. Пастернак аллегорически описывает революцию как «девочку в чулане», где общество выступает как насильник, растлевающий ребенка. Этот образ, по замечанию Д. Быкова, был взят из «Бесов» Достоевского. Д. Быков пишет: «Никто еще до Пастернака не понимал революцию как женскую месть. Скорее уже склонны были трактовать как мужское своеволие, пир безнаказанности <...> В пастернаковском же понимании революция оправдана тем, что это мщение за «дремучий стыд» или «стыд дочерний» [2, с. 55].

Агрессия, проявляемая женщинами, показывает предельное состояние общества и воспринимается как какая-то патология, так как агрессия и воинственность всегда приписывалась мужчинам. Английская писательница В. Вулф в своем эссе «Три Гинеи» (1938)

обвиняет мир в излишней маскулинизации, в которой она видит причины военных столкновений, ведь большинство мужчин любят войну, для них «в сражении — слава, и необходимость, и удовлетворение» [20, р. 151]. Фрейд, как и многие, поддался патриархальному упрощенному обобщению: «Мы называем все сильное и активное мужским, а все слабое и пассивное — женским» [19, р. 11]. Патриархальное представление о гендерных ролях мужчины быть воином, а женщине быть хозяйкой дома и матерью разрушается во времена глубоких потрясений, отчаяния, вызванного войнами, революциями, голодом и жестокими притеснениями женщин. И женщины нарушают неписаное правило, выходя за рамки культуры, становясь агрессорами, тем самым, подменяя роль мужчин, порой переигрывая и отличаясь неожиданной для мужчин кровожадностью и жестокостью. Мужчины, привыкшие видеть женщин слабым полом, сталкиваясь с темной агрессивной стороной женщин, оставляют сюжеты и воспоминания о женской агрессии как наиболее шокирующие и выходящие за всякие рамки понимания. Используется и прием комического принижения агрессивности, где высмеиваются сварливые жены и отважные женщины, как в примере с «девушкой-чернавушкой», побивающей новгородских мужиков. Женщине отпускается роль символа безумной толпы, готовой, словно неистовые менады, чинить кровавые расправы. Европейская культура насыщена мизогинией и недоверием к женскому полу.

Использованная литература:

1. Бретон Г. Истории любви в истории Франции. М.: Крон-Пресс 1993.
2. Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2006.
3. Гейне Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Проза 30-х годов. Письма. М.: Художественная литература, 1983.
4. Зиммель Г. Микеланджело: к метафизике культуры / пер. Ф. Степун. // Лики культуры: альманах / ред. С.Я. Левит. М.: Юрист, 1995. Т. 1. С. 163–184.
5. Золя Э. Жерминаль. М.: Художественная литература, 1975.
6. Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль, 1991.
7. Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Нов-

References:

1. Breton, G., *Istorii lyubvi v istorii Frantsii* [Love Stories in the History of France], Moscow: Kron-Press, 1993.
2. Bykov, D., *Boris Pasternak* [Boris Pasternak], Moscow: Molodaya gvardiya, 2006.
3. Heine, H., *Sobranie sochineniy* [Selected Works], in 6 vols., vol. 5: *Proza 30-kh godov. Pis'ma*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983.
4. Simmel, G., *Mikelandzhelo: k metafizike kul'tury* [Michelangelo and the Metaphysics of Culture], Stepun, F., Transl., in *Liki kul'tury: almanac*, vol. 1, Levit, S. Ya., Ed., Moscow: Yurist, 1995, pp. 163–184.
5. Zola, E., *Zherminal'* [Germinal], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975.
6. Carlyle, T., *Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii* [French Revolution, a History], Moscow: Mysl', 1991.

- города, Пскова и Вятки. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1863.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2016.
 9. Липпман У. Публичная философия. М.: Идея-Пресс, 2004.
 10. Ломброзо Ч. Женщина – преступница или проститутка. М.: Астрель, 2012.
 11. Мелентьев М. М. Мой час и мое время: Книга воспоминаний. СПб.: Ювента, 2001.
 12. Нойман Э. Великая Мать. М.: Добросвет, 2014.
 13. Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
 14. Русский фольклор: сборник / сост. В. Аникин. М.: Художественная литература, 1985.
 15. Сорокин П. Страницы Русского дневника // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 57–73.
 16. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОСПЭН, 2004.
 17. Титова Т. А. Антропоморфизм как способ освоения действительности (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2013.
 18. Эренбург И. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2014.
 19. Freud S. An Outline of Psycho-Analysis. New York: Norton, 1949.
 20. Woolf V. Three Guineas // A Room of One's Own. Three Guineas. Oxford: Oxford University Press, 1998.
 7. Kostomarov, N. I., *Severnorusskie narodopravstva vo vremena udel'no-vechevogo uklada. Istoriya Novgoroda, Pskova i Vyatki* [Northern Russian People's Governing in Times of Specific Veche Way of Life. History of Novgorod, Pskov and Vyatka], Saint Petersburg: Izdanie D. E. Kozhanchikova, 1863.
 8. Le Bon, G., *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples & The Crowd: a Study of the Popular Mind], Moscow: AST, 2016.
 9. Lippmann, W., *Publichnaya filosofiya* [The Public Philosophy], Moscow: Ideya-Press, 2004.
 10. Lombroso, C., *Zhenshchina – prestupnitsa ili prostitutka* [Criminal Woman], Moscow: Astrel', 2012.
 11. Melent'ev, M. M., *Moy chas i moe vremya: Kniga vospominaniy* [My Hour and My Time: Book of Memories], Saint Petersburg: Yuventa, 2001.
 12. Neumann, E., *Velikaya Mat'* [The Great Mother], Moscow: Dobrosvet, 2014.
 13. Olson, L. and Adon'eva, S., *Traditsiya, transgressiya, kompromiss: Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny* [Northern Russian People's Governing in Times of Specific Veche Way of Life. History of Novgorod, Pskov and Vyatka], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
 14. *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]: collection, Anikin, V., Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985.
 15. Sorokin, P., *Stranitsy Russkogo dnevnika* [Pages of the Russian Diary], *Rubezh. Al'manakh sotsial'nykh issledovaniy*, 1992, no. 2, pp. 57–73.
 16. Stites, R., *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigelizm i bol'shevizm. 1860–1930* [The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930], Moscow: ROSPEN, 2004.
 17. Titova, T. A., *Antropomorfizm kak sposob osvoeniya deystvitel'nosti (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Anthropomorphism as a Way of Mastering Reality (Socio-Philosophical Analysis)]: *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Philosophy)*, Kazan, 2013.
 18. Erenburg, I., *Lik voyny. Vospominaniya s fronta, 1919, 1922–1924. Gazetnye korrespondentsii i stat'i, 1915–1917* [The Face of War. Memories from the Front, 1919, 1922–1924. Newspaper Correspondence and Articles, 1915–1917], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta, 2014.
 19. Freud, S., *An Outline of Psycho-Analysis*, New York: Norton, 1949.
 20. Woolf, V., *Three Guineas*, in *A Room of One's Own. Three Guineas*, Oxford: Oxford University Press, 1998.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Карагода, К. П. Риторика женской агрессии: опыт анализа художественных текстов Нового времени [Электронный ресурс] / К. П. Карагода // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 67–77. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Karagoda.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Karagoda, K. P., *Ritorika zhenskoy agressii: opyt analiza khudozhestvennykh tekstov Novogo vremeni* [Rhetoric of Women Aggression: the Experience of Analysis of Artistic Texts of the Modern History], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 67–77. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Karagoda.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

CAUCASICA. КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

ОСТАПЕНКО Роман Александрович

кандидат исторических наук,
сотрудник Благотворительного фонда
«Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева»
Москва, Россия

Roman A. OSTAPENKO

Cand. Sci. (National History),
Co-Worker, Rev. Daniel Sysoyev
Missionary Center Benevolent Fund,
Moscow, Russia
ruorc@yandex.ru

УДК 94 (470.6):23/28
ГРНТИ 03.29
ВАК 07.00.02

Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников

Статья посвящена комплексному исследованию христианства у адыгов, – религии, утвердившейся на Северо-Западном Кавказе еще при византийском императоре Юстиниане Великом (483-565). Особо подчеркивается, что горцы Кавказа, не имея своей письменности и разделенные на множество племен, сильно зависели от соседних народов. Когда православные государства (Византия, Грузия и Россия) поддерживали их, посылая священников и богослужебные книги, то христианство у них укреплялось. После ослабления этих стран и ухода их с Кавказа началось угасание христианской религии. Это способствовало наслоению различных религиозных доктрин, что приводило к синкретизму. Поэтому европейские путешественники, жившие среди черкесов, зачастую испытывали серьезные затруднения при описании их религиозных воззрений.

Elements of Christianity in the Culture of the Circassians According to Ethnographic, Linguistic and Archaeological Sources

The article is devoted to a comprehensive study of Christianity among the Circassians, religion, established in the North-West Caucasus during the Byzantine Emperor Justinian the Great (483-565). It is especially emphasized that the mountaineers of the Caucasus, not having their own written language and divided into many tribes, strongly depended on the neighboring peoples. When the Orthodox states (Byzantium, Georgia and Russia) supported them by sending priests and liturgical books, Christianity was strengthened in them. After the weakening of these countries and their departure from the Caucasus, the extinction of the Christian religion began. This contributed to the layering of various religious doctrines, which led to syncretism. Therefore, European travelers who lived among the Circassians, often experienced serious difficulties in describing their religious beliefs.

Основное внимание в статье уделено не только исторической реконструкции, но и исследованию современного состояния отдельных христианских элементов в культуре адыгов. Несмотря на достаточно сложную религиозную историю, даже в настоящее время некоторая православная атрибутика глубоко интегрирована в культурный слой народной памяти. Для анализа всего комплекса христианских элементов в культуре адыгов стандартные исторические методы были дополнены филологическим инструментарием, ставшим основой этимологических построений. Использование ономастики и фразеологического материала позволили выявить укоренившиеся в языке христианские имена и пословицы.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ; адыги; православная церковь; христианизация; праздники, догматика, фольклор, этимология, топонимика, археология.

The main attention in the article is paid not only to historical reconstruction, but also to the study of the current state of individual Christian elements in the culture of the Circassians. Despite the rather complex religious history, even at present, some Orthodox attributes are deeply integrated into the cultural layer of people's memory. For the analysis of the entire complex of Christian elements in the culture of the Circassians, standard historical methods were supplemented by philological tools, which became the basis of etymological constructions. The use of onomastics and phraseological material made it possible to reveal Christian names and proverbs rooted in the language.

Keywords: North-Western Caucasus; Circassians; Orthodox Church; Christianization; holidays, dogma, folklore, etymology, toponymy, archaeology.

На протяжении длительного времени христианство являлось центральным элементом системы религиозных ценностей в культуре адыгов. Данный период продолжался примерно с раннего Средневековья до начала Нового времени, и о его былом влиянии свидетельствует множество сохранившихся до наших дней исторических источников, часть из которых составили предметное поле настоящего исследования.

Структурная канва статьи состоит из вводной исторической части, за которой следует догматический раздел, посвященный народному почитанию Иисуса Христа, Божьей Матери, христианских святых и содержащий рассмотрение сакральности распятия у адыгов. Для удобства в отдельный структурный блок выделены православные праздники, точнее, их отдельные элементы, дошедшие до наших дней. Вслед за этим проводится лингвистический анализ христианских наименований дней недели, библейских имен, ряда пословиц. Сюда же относится христианская топонимика с анализом географических объектов и населенных пунктов. В заключение дается краткий археологический обзор в котором рассматриваются древние христианские религиозно-культовые сооружения Адыгеи, имеющие отношения к исследуемой проблеме, при этом внимание акцентируется на уцелевших фрагментах

каменных крестов, христианских эпитафических памятников и мелкой пластики.

Для начала целесообразно провести краткий исторический экскурс и рассмотреть историю проникновения христианства в народную среду адыгского общества.

Апостольская миссия. Впервые с христианством жители Северо-Западного Кавказа познакомились благодаря апостольской проповеди святых Андрея Первозванного и Симона Кананита, а также апостолов Матфея, Варфоломея, Петра и Филиппа, которые посетили причерноморских зихов, бофоритян, алан и абазгов. Известно и время их пребывания — это 40 г. [здесь и далее во всех датах используется время от Р. Х.]. Как отмечает множество исследователей, «центром их миссионерской деятельности, кроме северо-восточного побережья Черного моря, было восточное и северное побережье, а также Крым» [6, с. 49] [11, с. 15] [31, с. 171] [33, с. 13] [34, с. 57] [39, с. 11] [52, с. 29]. В подтверждение пребывания апостола Андрея на Кавказе английский путешественник и поэт Эдмонд Спенсер приводит свидетельства о наличии среди адыгов «андреевских» крестов (косой крест, на котором был распят Андрей Первозванный). Местные жители утверждали, что «этот святой, или его последователи, обратили жителей в христианство...» [57, с. 106].

Следует отметить, что некоторые историки, включая даже церковных авторов (Е. Е. Голубинский [12, с. 21] и А. В. Карташев [27, с. 83–95]), ставили под сомнение пребывание апостолов на Северном Кавказе. Чтобы показать ошибочность этого мнения, было подготовлено специальное исследование, в котором приводятся аргументы в пользу апостольской миссии в рассматриваемом регионе. При комплексном анализе различных видов исторических источников — «христианских апокрифов, византийских сочинений и русских летописей можно без малейшего сомнения утверждать, что Северный Кавказ и Преднепровье имеют богатую апостольскую историю» [46, с. 74–81].

Миссия Римской империи. Спустя всего несколько десятилетий после посещения апостолами Северо-Западного Кавказа в эти края стали ссылать христиан, что являлось официальной политикой властей Римской империи. Такая ситуация сохранялась вплоть до начала IV в., и в этот период крещение горских народов имело характер явления, в определенной степени сопутствующего укоренившейся политической линии империи по отношению к христианам. Сначала власти Рима объявили всех христиан неблагонадежными и, высылая их, способствовали, тем самым, латентной христианизации этого региона. Впоследствии империя, преследуя лишь военно-стратегические интересы, провела передислокацию нескольких легионов на Черноморское побережье, и в итоге часть воинов-христиан смогла привести к своей вере некоторых представителей местного населения.

В поисках надежного заработка горцам разрешили служить в римской армии, что еще в большей степени христианизировало их. Параллельно осуществлялась торговля с купцами-христианами, также зафиксированы случаи пленения христианских священников, которые, ведя очень аскетический образ жизни и силой молитвы исцеляя больных, окончательно укрепили в вере часть зихского населения. Уже к началу IV в. во время провозглашения Миланского эдикта (313 г.) на территории Зихии и Абхазии быстро возникли полноценные церковные епархии во главе с епископами, что может свидетельствовать

о значительной христианской общине [50, с. 86–98].

Просветитель Юстиниан Великий. В дальнейшем Римская империя разделилась на Восточную (Византию) и Западную. Через два столетия, в середине VI в., горские племена Кавказа прочно вошли в орбиту внешней политики императора Юстиниана Великого. Наивысший расцвет среди народов этого региона христианство получило именно в этот период. В Зихии к этому времени уже имелось четыре епархии с резиденциями в Фанагории (близ ст. Сенной), Метрахе (Тамань), Зихоплисе и Никопсисе (на р. Шакупси) [39, с. 128]. Как отечественные, так и зарубежные путешественники и исследователи, посетившие Кавказ в разное время, приводят свидетельство христианизации адыгов Юстинианом I: «Греческий император Юстиниан (Юстук), был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витязем... Песни, сказки и предания черкесов свидетельствуют, что христианство введено было при Юстиниане. При нем воздвигнуты были храмы, поставлены священники — *шогени*, из которых главный, с званием епископа — *шехник*, по преданию жил недалеко от Нальчика... Существовали предания о пребывании среди адыгов греков — *урыма*, принесших им христианство» [17, с. 28] [32, с. 621–628] [44, с. 43] [51, с. 5].

Тмутараканское княжество. Следующим этапом христианизации народов Северо-Западного Кавказа явилось образование Тмутараканского княжества (X–XI вв.). В 861 г. его посетили славянские просветители братья Кирилл и Мефодий. Епископ Тмутаракани (Таматархи) на протяжении многих лет прикладывал усилия для распространения христианства у адыгов, посылая к ним проповедников и византийских монахов. Князю Мстиславу легко удалось объединить в рамках одной политической системы «адыгские этно-территориальные группы в единое, крупное адыго-славянское политическое образование» [15, с. 60–61]. Тмутараканское княжество стало важным христианским центром: в нем имелся кафедральный собор, окруженный рядом церквей и монастырей.

Аланская епархия. В это же самое время в предгорьях Кавказа возникла могуществен-

ная Аланская епархия (X–XI вв.), центром которой, как считают некоторые историки, был храмовый комплекс сохранившийся до наших дней. Это три Зеленчукских, а также Шоанинский и Сентинские храмы. Епархиальным собором являлся северный Зеленчукский храм (пос. Нижний Архыз), стены которого были расписаны фресками греко-византийского происхождения. Наиболее полно живопись сохранилась в интерьере Сентинского храма, расположенного в ущелье р. Теберды [10, с. 1–14].

Грузинская миссия. В конце XII — начале XIII вв., в период правления царицы Тамары (1166–1213), Георгия Лаша (1207–1222) и царицы Русудан (1222–1245) начался «золотой век» грузинской истории. В это время христианство широко распространялось не только в самой Грузии, но в соседних с ней областях. Грузинские правители активно строили храмы на территориях, где проживали чеченцы, ингуши и осетины. До наших дней дошли уникальные памятники церковной архитектуры: Тхаба-Ерда, Алкбы-Ерда, Таргимский храм [25, с. 173]. Народный эпос адыгов сохранил память о «христианстве грузинского толка», которое принесла царица Тамара [19, с. 399].

Многие иностранные путешественники, жившие на Кавказе и собиравшие народные предания адыгов, упоминают о грузинской христианизации среди них [30, с. 244] [32, с. 621–628] [37, с. 25] [57, с. 106]. Так, французско-швейцарский археолог и путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере приводит интересное свидетельство, связанное с грузинским миссионерством: «Когда аланы или осетины в 931 г. изгнали своих епископов и священников, царица Тамара приказала восстановить среди них христианство и построить церкви. Среди черкесов, до тех пор язычников, заботами Тамары также загорелся свет этой веры: церкви, заброшенные руины которых встречаются то здесь, то там, относятся именно к этой эпохе Грузии» [18, с. 123].

И. Ф. Бларамберг, немец, состоявший на русской службе, описывает причины неудачной грузинской миссии среди адыгов: «Несмотря на старание грузинских царей с целью сохранить христианскую религию у черкесов... преуспеть в этих замыслах не удалось

в силу как невежества и дурного поведения некоторых миссионеров, так и непреодолимых препятствий, воздвигавшихся татарами» [8, с. 372.]. Еще одним свидетельством христианизации среди адыгов служит грузинское название креста — *джур*, которое они употребляют в своем языке: «Слово *джур* ясно показывает происхождение свое от грузинского *джари*, крест» [37, с. 30.].

Зихская и Кавказская епархии. В начале XIII в. Северный Кавказ испытал вторжение монголо-татар, которое потрясло весь регион и значительно перекроило его этническую карту. Очень сильный удар был нанесен и по христианству, однако первоначальная политика Орды отличалась веротерпимостью, что ознаменовалось созданием новых епархиальных центров на Северном Кавказе. В этот период известность получила *Зихская епархия*, которая сначала входила в состав Аланской, а уже к 1317 г. стала самостоятельной. В этот же период была известна и *Кавказская епархия*, границы которой до сих пор не установлены. В последний раз Аланская епархия упоминается в документах, относящихся к 1366 г., Зихская — в 1398 г. [25, с. 234].

Католическая миссия. Со второй половины XIII в. на Кавказ постепенно стало проникать католическое духовенство, которое активно осуществляло миссионерскую деятельность среди местного населения. Это стало возможным благодаря укреплению итальянских республик Генуи и Венеции, которые смогли добиться от Византии существенных торговых преференций, что позволило им в скором времени доминировать в Крыму и Восточном Причерноморье. В XIV–XV вв. во многих генуэзских факториях активно шло католическое проникновение в адыгскую культурную среду. Была развернута обширная епархиальная сеть, выходившая далеко за пределы городов-колоний, в одной только Матреге имелось два католических епископа под властью архиепископа, один из которых являлся зихом по происхождению. В Каффе функционировала специальная миссионерская школа для детей, училище и библиотека. Вдоль «Анапской дороги», соединяющей Черное море с Каспийским, были построены укрепления с имеющимися религиозными объ-

ектами: «Такая активная католическая миссия среди зихов несомненно принесла свои результаты. Мы имеем свидетельства о том, что христианство латинского обряда приняли некоторые влиятельные князья Зихии: Миллен, Верзаст, Биберды и Заккария Гизольфи. При этом, по крайней мере одним из епископов Матреги — Иоанн также был зихом» [47, с. 181–205]. После падения Константинополя в середине XV в. прекращаются связи Византии с Кавказом, после этого греческое духовенство более не направлялось для служения к горцам.

Миссия Иоанна Грозного. В середине XVI в. немаловажную роль в миссионерской деятельности среди адыгов сыграла Россия. В правление Иоанна Грозного (1547–1584) адыгские князья, стремившиеся заручиться военной и дипломатической поддержкой Москвы, охотно принимали сотрудничество в духовной сфере — многие из них добровольно крестились и шли на русскую службу со своими семьями. Как, например, Кудадек (в крещении Александр) и Салшалук, сын Темрюка (Михаил), жанеевский князь Сибоком (Василий) с сыном Кудадеком и братом Ацымгуаком, а также абазинский князь Тутарык Езбозлуков, князь Машук (Иван) были устроены на русскую службу [15, с. 85–86] [24, с. 774–799]. Важно отметить, что интерес русского царя к адыгам был связан и с родственными отношениями, так как его второй женой была Мария Темрюковна — дочь кабардинского князя.

В 1558–1559 гг. посольство западных адыгов, направленное в Москву, обратилось к царю с просьбой, чтобы он «дал им воеводу своего в Черкассы и велел бы их всех крестить» [53, с. 259]. В 1559 г. в Москву «являются послы от адыгского народа с просьбой выслать на Кавказ священников для их крещения» [26, с. 307]. Эти переговоры с русской стороны вел князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, со стороны адыгов — мурза Черкасский Чирак. В феврале 1560 г. по указанию Иоанна Грозного Вишневецкий вместе с черкасскими князьями, жившими в Москве — Иваном Боашиком и Василием Сибоком, а также с христианскими священниками отправились к адыгам, чтобы крестить их. Судьба миссии осталась неясной, известно лишь, что Вишневец-

кий был разбит турками, попал в плен и вскоре был казнен в Константинополе. В этот период на Кавказе велось храмовое строительство о чем свидетельствует состоявший на русской службе немец Иоганн Гюльденштедт, исследовавший быт горских народов: «Попечениями ... российского духовенства, наипаче в царствование Иоанна Васильевича, была введена в Черкесскую землю греко-кафолическая вера, чему служат и по ныне свидетельством старые каменные церкви, кресты на могилах, лежащих по Куме, соблюдение некоторых постов и прочее» [13, с. 207–208]. Сильный удар по христианству был нанесен в 1717 г., когда оттоманский султан Ахмед III договорился с крымским ханом Давлет-Гиреем об обращении адыгов в мусульманскую веру. Многие служители церкви были убиты, священные книги преданы огню, епископские посохи сломаны [17, с. 29].

Русская миссия. Со второй половины XVIII и вплоть до начала XX вв. русское правительство и православная церковь предпринимали различные миссионерские шаги в отношении горцев Кавказа и, в частности, к адыгам, но назвать эти миссии успешными нельзя. Например, с 1899 по 1903 гг. по инициативе Ставропольского епархиального комитета православного миссионерского общества в девяти аулах Майкопского отдела Кубанской области (Адамий, Ульский, Ходзь, Джерокай, Блечепсин, Хатукай, Хачемзий, Кошехабль и Егурухай) были открыты русские епархиальные школы грамоты. Миссионерская концепция комитета подразумевала начало христианизации адыгов через их обучение русскому языку. За эти четыре года, образование в этих школах получили 834 чел., из них 559 детей. Однако результаты данной формы миссии были весьма скромными. Более подробно об этом периоде рассматривается в специальной литературе [48, с. 126] [49, с. 59–77].

В течение длительного времени христианство оказывало очень сильное влияние на культуру адыгов, доказательством чему могут служить элементы православной догматики, выявленные в народном фольклоре адыгов.

Почитание Иисуса Христа и Богородицы. Адыги всегда верили в Бога — *Тха*. В раз-

ные исторические периоды в данный термин вкладывали различные значения, но главное всегда оставалось неизменным — это был верховный Бог, Бог-Творец. Некоторые исследователи благодаря лишь одному теониму *Тха* смогли проследить этногенез народа. Примечательно, что греческое слово Бог (*Theos*) (с основой *dei-1, deĭə-, dī-, dĭā-* («сиять», «бог»)) [67, pp. 183–187], присущей практически всем языкам, относящимся к индоевропейской языковой семье) имеет сходный корень с адыгским *Тха*. «В обозримом прошлом абхазо-адыгские языки составляли достаточно обширную группу вместе с родственным хаттским языком доиндоевропейской Малой Азии; в эту же группу входили нахско-дагестанские языки, генеалогически связанные с хуррито-урартскими языками» [4, с. 115].

После византийской христианизации, осуществленной императором Юстинианом Великим, адыги приняли учение Иисуса Христа, но именовали Его по-своему, как греческого Иисуса — *Аус Герга*, и данное наименование четко зафиксировало именно эллинский период миссионерства. В особом почете у черкесов всегда была Божья Матерь или Богородица, которую они называли *Мерисса*, *Мериам*, *Мэрем* или *Мэрейм*. Ей было посвящено несколько праздников и пост, а также Она считалась покровительницей пчеловодства [17, с. 40] [25, с. 497] [32, с. 621–628] [61, с. 302–306]. В дальнейшем при отходе от православия их верования изменились до религиозного синкретизма. Так, в XIX в. они почитали уже «три божества: *Тхашхо*, в переводе Бог великий), Матерь его *Марием-тха-нши*, — Мария Бог-князь и *Шергунз* (смысл этого слова утерян)» [2, с. 53].

Почитание христианских святых. Еще в середине XIX в. в адыгском народе сохранялось особое почитание к некоторым христианским подвижникам. Так, в большом почете был св. вмч. Георгий Победоносец. По легендам, большинство нартвов были христианами, и во главе их стоял Георгий Победоносец — *Савсору*к, спутником которого был рыжий конь *Тхозий*. А в балкарском народе именем св. Георгия даже назван особый день недели — вторник. В период окончания Петрова поста адыги отмечали память преп.

Сергия Радонежского. Летний праздник этого святого приходится на 5 (18) июня [*здесь и далее в датах праздников указан старый и новый стиль*]. Преп. Сергей был прославлен как святой только в середине XV в. О нем адыги узнали, видимо, в царствование Иоанна Грозного.

Почитались также ветхозаветные пророки, такие как св. Иаков. Еще одним очень известным святым был ветхозаветный пророк Илия, которого именовали как *Алия* и *Яллия*. В народе бытовало поверье, что святой часто являлся на вершине самой высокой горы. В дальнейшем, когда адыги стали отходить от христианства, вместо молитв к святому появились языческие жертвоприношения в виде пения с танцами, подношения ягнят, молока, масла, сыра и пива. Им был известен и ветхозаветный пророк Моисей, под именем *Аймие*, а царя Давида они знали как *Тли-Янша* [29, с. 115–116] [45, с. 83] [59, с. 102].

До середины XIX в. адыги сохраняли и некоторые элементы православной службы, которая у них называлась богоугодной жертвой — *Ташь*. За неимением священников они избирали какого-нибудь старика, облачали его в белую войлочную мантию — *ямычи*, и тот, взяв в руки деревянную чашу, подобную причастной, наполнив ее вином или бузой, становился лицом к востoku и читал импровизированную молитву. Затем он обращался к народу, призывал на него милость и благословение небес и желал ему исполнения того, что было поводом молебствия. Черкесы также верили в бессмертие души и в будущую жизнь, в которой воздаться каждому по делам земной жизни.

Отношение к Кресту. Важнейшим атрибутом христианства является распятие. Крест у адыгов использовался как центральный культовый символ в обрядах *Тхьальзу* — просьба к Богу. Материал, посвященный его символике, весьма обширен: зафиксированы ритуалы с его применением в «священных рощах», против воровства в садах и огородах; при нем давали обещания и клятвы, в том числе и умирающим родителям. Крестом оберегались при нашествии болезней и падеже скота. При рождении сына родители целовали крест. Они верили, что никто не сможет ворваться в дом, на крыше которого установлен крест.

В дни засухи дети ходили по улице с деревянным крестом, натянув на него старые одежды, чтобы придать ему вид человека, и называли его *Ханце-гуаше* [23, с. 159] [38, с. 144]. Вот как этот ритуал описывает Л. Я. Люлье: «Они идут от дома к дому, распевая песни, в которых молят Бога о милосердии и дожде. Детям дают сладости, которые они делят между собой» [37, с. 25].

О почитании креста адыгами также свидетельствуют самые разнообразные источники, к которым можно отнести мемуары путешественников, как европейских, так и отечественных, а также адыгских просветителей XIX в., среди которых необходимо упомянуть венгерского монаха Юлиана [66, с. 33], французского торговца Жана Баптиста Тавернье [60, с. 78–79], голландского политика Николаса Витсена [9, с. 88–89], польского писателя и археолога Яна Потоцкого [54, с. 229–230], консула Нидерландов в Одессе Шевалье Тэбу де Мариньи [61, с. 302–306], венгерского ученого Жана Шарля де Бесса [7, с. 339–341], российского генерала И. Ф. Бларамберга [8, с. 372–373], швейцарского путешественника и этнографа Фредерика Дюбуа де Монпере [18, с. 448–450], английского политического агента Джемса Белла [5, с. 469], корреспондента лондонской газеты «Таймс» Дж. А. Лонгворта [36, с. 533] и немецкого ботаника-дендролога Карла Коха [32, с. 621–628]. О почитании креста черкесами также упоминали: адыгский историк и писатель Султан Адиль-Гирей [2, с. 53–54], российский этнограф и кавказовед Л. Я. Люлье [37, с. 25, 29–30], генерал Н. Ф. Дубровин [17, с. 32], кубанский историк Ф. А. Щербина [19, с. 407] и позднее современный исследователь Г. Х. Мамбетов [40, с. 224–245].

Как видно из проведенного анализа, крест являлся для адыгов весьма почитаемым сакральным элементом и активно использовался вплоть до начала XX в., что дополнительно указывает на его важное значение в национальной культуре.

Годичный круг православных праздников сохранялся в народной памяти адыгов до середины XIX в. Конечно, без полноценной литургической жизни и ежедневного богослужения эти праздники с течением времени

очень сильно видоизменились, некоторые почти до неузнаваемости, но несмотря на это, их можно легко идентифицировать и в настоящее время.

Пасха. Самым торжественным из всех праздников было Воскресенье Христова — *Удышъ, Гадыж, Кутиш*. Этот день выпадал на раннюю весну и у адыгов определялся по лунному календарю. Здесь важно дать небольшое уточнение: в православной церкви время празднования Пасхи было определено еще в III в., при этом соответствующая дата вычисляется, с использованием сочетания солнечного и лунного циклов. Адыги сохранили систему определения Пасхалий, хотя и не в полном объеме, без учета солнечного календаря.

Гастрономические особенности праздника были следующими: накануне красили яйца и разговлялись ими после поста, и лишь потом — другими яствами. Непременную принадлежность праздничного стола составляли, кроме крашеных яиц, небольшой пшеничный круглый хлеб, на котором изображались три головы, символизировавшие, предположительно, Св. Троицу. В этот день устраивались состязания в стрельбе, целью для которой служило красное яйцо [2, с. 53] [23, с. 159] [57, с. 111]. Обряд Пасхи у черкесов описывал также офицер русской армии Т. А. Зубов [20, с. 21] и исследователь Д. Г. Анучин [3, с. 266–267].

Рождественский пост. За неделю до Рождества начинался пост — *Тлеумсикъ*. Проходил он так: «Постились целую неделю, питаясь одними лишь бобами, и этот пост еще называется мясопуст. После сего праздновали Рождество Христова» [23, с. 159]. Следует обратить особое внимание на продолжительность поста, который у адыгов был семидневным. Сама дата установления Рождественского поста относится ко времени раннего христианства, а именно к IV в. При этом особенно примечательно, что первоначально по церковным канонам он длился столько же — семь дней, и лишь после церковной реформы 1166 г. по решению патриарха Константинопольской церкви Луки Хрисоверга этот пост стал сорокадневным. Данный факт свидетельствует о том, что христианство окончательно укоренилось у адыгов ранее X в., скорее всего

в период правления императора Юстиниана Великого.

Рождество Христово. 25 декабря (7 января) православная церковь отмечает праздник Рождества Христова — *Созерис*. Его адыгское название восходит к языческим временам, и дословно означает — «покровитель хлебопашцев». После принятия христианства адыгами этот праздник наложился на Рождество. Вот как его описывает Л. Я. Люлье: «К этому времени вносится в дом сук о семи ветвях дерева *Гамихут*; к ветвям прикрепляются свечи из желтого воска, пирожки и кусочки сыра. Во многих странах Европы есть обычай ставить накануне Рождества Христова елки украшенные разными подарками для детей» [37, с. 26–27]. Еще один очевидец данного торжества отмечал следующее: «В начале каждого года, в первых числах января, постились... После сего, праздновали Рождество Христово, тоже целую неделю, проводя время в пирах и забавах» [23, с. 159].

Крещение Господне — *Кордесех*, *Псутк* праздновалось через две недели после Рождества — 6 (19) января, сопровождаясь веселыми народными играми. Адыль-Гирей повествует о нем так: «Жители берут воду и опрыскивают ею друг друга» [2, с. 53].

Сретение. Следующим праздником в церковном годичном круге является Сретение Господне — *Созерешъ*, который православная церковь отмечает 2 (15) февраля. Он имел схожее название с праздником Рождества. Этот праздник у адыгов проходил так: «Накануне, в вечернюю пору, в дом молитвы входила новобрачная молодая женщина, богато убранная, с зажженной свечей в руке (остатком от прошлогоднего праздника), и ей зажигала другие свечи и осветив дом становилась у запертых дверей; и во все время пребывания в молитвенном доме не должна была отворачивать лица от востока. Тем временем у дверей собирался народ. Хромой старик, с палкой усаженной восковыми свечами, подходил к той двери и говорил: «*Ай, созерешъ, пчерухи тхечахъ*», что значит: «Отверзай нам двери». Народ единогласно повторял эти слова, и когда молодая женщина отворяла двери, тогда старик со всем народом входил в дом, зажигал на палке свечи и читал молитвы. Потом

в молитвенном доме и вне его раскладывали костры, народ расходился по своим жилищам с зажженными свечами и ими каждый зажигал у себя свой костер» [23, с. 159].

Обычай совершать массовые шествия со светильниками или свечами на праздник Сретения пришел из Византии, утвердившись в 542 г., в царствование Юстиниана I, перед тем, как империю поразила страшная моровая язва. С учетом анализа этого праздника можно с большой степенью достоверности очертить период, в рамках которого произошло принятие христианства адыгами — с VI до XII вв.

Благовещение или *Нагышатах* отмечается 25 марта (7 апреля). В этот день вспоминают возвешение Архангелом Гавриилом Деве Марии о будущем рождении от Нее Иисуса Христа. По преданию, Архангел приподнес Ей в подарок лилию. И как раз Благовещение переводится как *подарок свежими цветами*. В адыгейском языке используется слово *цветок* как *къэгъагъ*. Сейчас весной в Адыгее организуется праздник цветов, который называется *Къэгъэгъэштахъ* и переводится как «сбор цветов» (*къэгъагъ* «цветок» + *штэн* «взять / поднять» + *хьын* «принести»). Но примечательно, то что в шапсугском диалекте адыгейского языка *цветок* обозначается как — *нэкъыгъ*. Поэтому следует предположить, что данный праздник более всего сохранился именно у шапсугов. В середине XIX в. вот как его отмечали: «Девушки и молодые женщины толпами идут в поле, собирают цветы и дарят их друг друга. На вопрос о причине такого обычая, старики сказывали, что это перешло к ним от предков, в ознаменование того, что Ангел при Благовещении св. Марии принес цветок» [17, с. 40] [23, с. 159].

Масленица. Перед Великим постом адыги также отмечали Масленицу — *Угагъ*, *Угаг*. Этот праздник не имеет отношения к церковному кругу богослужения и является реликтом русского язычества. После принятия христианства он трансформировался как заговенье перед Великим Постом. Сам этот праздник пришел к черкесам с Руси.

Мясопуст и Сыропуст. Отмечали адыги и праздники, выпадающие раннею весной: «Мясопуст» — *Ллеумешле* и «Сыропуст» — *Кояште*. Первый переводится как «не ешь мяса»

и предписывал воздержание на мясные продукты перед постом, а второй, название которого означает «*взятие сыра*», являлся последним днем Масленицы — в последующее время употребление молочных продуктов воспрещалось [17, с. 40] [37, с. 28].

Был знаком адыгам и *Великий пост* — *Угыг*, выпадавший на весну и продолжавшийся сорок восемь дней [23, с. 159]. Так же, как и сейчас у православных он длился шесть недель плюс седьмая — Страстная седмица. О том, что пост ими переносился легко, упоминает Н. Ф. Дубровин: «В обычай черкесов вошло соблюдение некоторых постов, и тем легче, что за исключением особых случаев, горцы постоянно крайне умеренны в пище» [17, с. 29]. О соблюдении этого поста упоминали как отечественные, так и зарубежные путешественники [2, с. 53] [7, с. 339–341] [8, с. 372–373] [32, с. 621–628] [61, с. 319]. Так, католический монах доминиканского ордена, посетивший черкесов в середине XVII в., подробно описывал, связанные с ним нормы: «По вторникам, средам и пятницам они не едят мяса круглый год; соблюдают посты пред праздниками святых апостолов в июне и Успения Пресвятой Богородицы в августе; постятся несколько дней перед Рождеством Христовым, а также весь Великий пост, все по уставу греческого вероисповедания» [16, с. 67].

Но уже через двести лет, в середине XIX в., современники, посетившие черкесов, упоминали об исключительно одном виде пищи от которого воздерживались — яиц и о его двухнедельном сокращении. Так, Дюбуа де Монпере пишет: «И за пятнадцать дней до праздника [Пасхи], наподобие поста, воздерживаются от употребления в пищу яиц» [18, с. 448–450]. Священник Иоанн Хазров дает важные сведения о том, как проходил пост: «В продолжении всего поста собирали яйца, но не употребляли их ни для какой нужды, и разбить яйцо почитали преступлением» [23, с. 159]. Здесь, возможно, сведения были не полными, так как, например, Хавжоко Шаукат Муфти свидетельствует о воздержании от мяса в Великий пост даже в начале XIX столетия: «Старики рассказывают, что наши деды не ели мяса весной» [24, с. 25]. Но, скорее всего, одновременно с отходом от христианства

за это время была строгость соблюдения постов существенно смягчилась.

Вербное воскресенье. За неделю до воскресенья Христова Господь въехал на ослице в Иерусалим под ликование всего города. В воспоминание этих событий установлен праздник Вход Господень в Иерусалим. Вот как об этом повествует Евангелие: «*Иисус въезжает верхом на осле в Иерусалим, где его встречает народ, полагая на дорогу одежду и пальмовые ветви с восклицаниями: «осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!»* (Мф. 21:9). В России пальмовые листья заменяли веточками вербы, отсюда берет свое начало и название этого праздника — Вербное воскресенье — *Гушгах*. Садыгейского переводится как воскресенье мертвых. Данный праздник переходящий, то есть не имеет точной даты и его отмечают в шестое воскресенье Великого поста. В этот день адыги отправлялись на могилы поминать своих родственников молитвами, яствами и разными благодеяниями [17, с. 40] [23, с. 159]. Здесь следует отметить наслоение этого дня на праздник, отмечаемый двумя неделями позднее — Радоницу или днем поминовения усопших, который был введен церковью только в XIV в., поэтому с большой степенью вероятности мог перейти к адыгам во времена Иоанна Грозного.

Страстная седмица. После Вербного Воскресенья и вплоть до Пасхи, у православных наступает самая скорбная неделя в году — Страстная седмица, которая была известна и адыгам под названием *Шечарь*. В это время вспоминается предательство, бичевание и распятие Иисуса Христа. Адыги проводили это время так: «Постились целую неделю, а некоторые вовсе ничего не ели» [23, с. 159]. Эта цитата передает очень большую религиозность народа, так как полный отказ от пищи в течении всей этой недели положен только по монастырскому уставу.

Вознесение Господне. День Святой Троицы. На сороковой день после Пасхи церковь отмечает Вознесение Господне — *Отбекъ*. В этот день воскресший Иисус Христос телесно вознесся на Небо. Название этого праздника переводилось с адыгейского как «жребий». Именно на десятый день после Вознесения апосто-

лы собрались в Сионской Горнице и бросали жребий, в какую страну идти каждому из них. То есть у адыгов со временем произошло наложение двух праздников — Вознесения и отмечаемого после него дня Св. Троицы — *Жегу, Тхъэнапиш*. В день Вознесения Господня приносили в жертву ягненка, готовили из него обед, убирали свои дома ветками деревьев и цветами, при этом в определенной степени отождествляя этот праздник с днем св. Троицы [2, с. 53] [17, с. 40] [23, с. 159].

О празднике Преображения Господня, отмечаемом церковью 6 (19) августа сведений найти не удалось, хотя он и считается двенадцатым, то есть одним из двенадцати важных.

Успение. Очень много сведений сохранилось о празднике, посвященном телесному вознесению Божьей Матери. Успение Пресвятой Богородицы — *Тгагрепыхъ, Мерием Тгашхуо-янь, Ташхоянь* приходится на 15 (28) августа. Название этого праздника переводится как «Божия Дочь», «Господня Дева». Называя св. Марию «Матерью великого Бога», черкесы питали к ней особенное благоговение. Множество хвалебных песен в честь Богородицы, длинный ряд осенних праздников свидетельствуют о большом ее уважении среди народа. В этот день каждая девушка должна была отнести на место моления цыпленка и там приготовить из него кушанье. Собравшийся народ пробовал эти угощения и после него поздравлял присутствующих с заговеньем в честь Богородицы. Постившись всю следующую неделю, в воскресенье отмечали праздник Богородицы, называвшийся *Ташхоянь*, то есть Мать Божья. В этот день всенародно пели песнь в честь Богородицы: «*Ташхояне мирамшхо, мериемнефъ тиефжанъ дыхрзынашъ мазе зыпшахъ*», что значит: «Великого Бога Мать-великая Мария, светлая Мария, облаченная в золото белое, на челе имеет луну, а вокруг себя солнце». Подобных хвалебных песен во славу Божьей Матери много, и Пресвятая Дева до сих пор в особенном почитании у горцев [8, с. 372–373] [17, с. 41] [23, с. 159] [37, с. 28].

Покров. Кроме основных, двенадцатых праздников, существуют еще свидетельства о почитании двух не менее важных. Первый из них выпадал на октябрь месяц, и был также

посвящен Богородице. Это праздник Покрова Божьей Матери — *Мерем*, который церковь отмечает 1 (14) октября. Английский агент Джон Белл оставил краткую заметку о нем: «23 октября 1837 г. В это время года в течение двух недель совершается праздник, называемый Мерем. Черкесы утверждают, что праздник этот установлен в те времена, когда в Черкесии господствовало христианство, в честь Матери Христа!» [5, с. 489]. Как видно из этого текста, адыги переместили праздник Покрова на три недели.

Его история была связана с событиями в Византии при императоре Льве Мудром, когда империя вела войну с сарацинами — мусульманами (902 или 910 гг.), и Константинополь угрожала опасность. В иных источниках говорится о войне с племенами русов или болгар. Вражеский флот, осадивший Константинополь, угрожал городу, и тогда было принято решение опустить в воды моря покров (головной убор) Божьей Матери, который хранился во Влахернской церкви Царьграда. После этого поднялся сильный шторм и потопил большинство вражеских судов. В 1164 г. кн. Андрей Боголюбский ввел этот праздник в синоксарий Русской церкви.

Еще одним христианским праздником, отмечаемым адыгами, был день апостолов *Петра и Павла* — *Абшетлабшетсутъ*, который церковь празднует 29 июня (12 июля). Его название переводится как «храбрые воины» или «мужественные сподвижники» [23, с. 159]. Такое название было дано, скорее всего, в честь этих апостолов. Во время празднования проносили молитвы и каждый осыпал себя мукою. Этот обряд, видимо, символизировал духовное очищение. Например, даже в наши дни в некоторых горных селениях Дагестана сохранился свадебный обычай, во время которого невесту посыплют мукой.

Как видно из анализа христианских праздников, некоторые из них имели сугубо византийский след, а другие — ярко выраженный русский, при этом христианские праздники наложились на местные народные традиции. Данный факт говорит о сложном, многомерном процессе христианизации адыгов. Так, при византийском императоре Юстиниане Великом ими было принято христианство, поз-

же частично утраченное, а позднее при царе Иоанне Грозном, уже Русское государство пыталось осуществлять христианскую миссию на Кавказе. Из истории также известна и роль Грузии в попытке обращения адыгов в православную веру, но в обрядово-праздничной сфере грузинского влияния не зафиксировано, между тем оно сохранилось в церковной архитектуре.

Возможности историко-культурной реконструкции элементов христианства в культуре адыгов существенно расширяются с использованием научного инструментария языкознания, позволяющего провести лингвистический анализ некоторых адыгейских слов и словосочетаний. Этимологические и ономастические изыскания свидетельствуют, что христианские названия давались не просто рядовым словам, а зачастую первостепенным; часто употребляемым, например, таким как дни недели и имена.

Дни недели. Черкесские названия дней недели указывают на то, что адыги некогда исповедовали христианскую религию и принадлежали к православной церкви. Так, среда до сих пор называется *бираскезий*, а пятница — *бираскешхуо*, что соответственно переводится как «малый» и «великий пост». В адыгейском языке лексемы «*бэрэскэжъый*» и «*бэрэскэшху*» имеют общий корень «*бэрэскэ*». Данное слово-корень обозначает пост, а значение суффиксов в этих словах: — *жъый* «маленький», — *шху* «большой». В кабардинском языке для обозначения пятницы используется теоним *Мерэм*, *Мериам*, *Мириам*, что означает Божья Матерь, св. Мария [65, с. 266].

Следует пояснить, почему именно эти дни считаются постными. Практика воздержания христианина от продуктов питания животного происхождения в среду и пятницу восходит еще к первым векам христианства. В среду православные постятся в память о предательстве Иисуса Христа Иудой. Священное Писание возвещает о том, что именно в среду перед еврейской Пасхой Иуда Искариот предал Христа за тридцать сребренников фарисеям и законоучителям, и пост совершается в память об этом скорбном событии. Библейская история объясняет и то, почему православные постятся в пятницу: именно в этот

день недели Его распяли. «*И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса. Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский*» (Ин. 19:17–19).

Воскресенье — *Тхавмахъ*, *Тхъаумаф*, *Тгаумаф* переводится как «Божий день». По евангельскому повествованию, в этот день Иисус Христос воскрес, поэтому он назначен для отдыха, и в воскресный день христиане не работают. Монах Юлиан еще в XIII в. описывал большое почитание его зихами: «Многие христианские праздники чествуются также и горцами. Так, например, день воскресный они называют Божиим днем и воздерживаются тогда от работ» [2, с. 53]. Эти данные также подтверждают исследователи: Шора Ногмов [25, с. 497], И. Ф. Бларамберг [8, с. 372–373], Тэбу де Мариньи [19, с. 404], Дубровин Н.Ф. [17, с. 32], священник Иоанн Хазров [23, с. 159] и современные историки [11, с. 66] [38, с. 106]. Таким образом, из семи названий дней недели, три явно являются продуктом христианского влияния, что говорит о глубоком проникновении учения Христова в культуру адыгов.

Во многих личных именах сохранились следы библейского влияния. И в настоящее время можно встретить такие имена как: *Адам* (др.евр. «человек»), *Асфар* (др. евр. «пяतिकнижие Моисея»), *Илья* (др. евр. «сила Божья»), *Искандер* (Александр, др. евр. «победитель мужей»), *Исмаил* (др. евр. «Бог слышит»), *Марьям* (Мария, др. евр. «горькая»), *Нух* (Ной, др. евр. «утешение»), *Сара* (др. евр. «госпожа»), *Сулайман* (Соломон, др. евр. «мирный, защищенный»), *Хавва* (Ева, др. евр. «источник жизни»), *Шамиль* (Самуил, др. евр. «услышанный Богом»), *Юнус* (Иона, др. евр. «голубь»), *Юсуф* (Юсиф, Иосиф, др. евр. «приумноженный»), *Якуб* (Яков, др. евр. «идущий следом»), *Яхья* (др. евр. имя одного из ветхозаветных пророков) [19, с. 404].

Пословицы, народные традиции и богослужебные книги. Для определения христианских элементов в устном народном творчестве адыгов вновь необходимо обратиться к лингвистическим методам исследования, в частности, к опыту, накопленному фразео-

логией — разделом лингвистики, изучающим устойчивые речевые обороты и выражения, а также фразеологическую систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии.

По свидетельству Н. Ф. Дубровина, песни, сказки и предания черкесов свидетельствуют о христианской эпохе. Поговорка гласящая: «Ударь хлебом в того, кто ударит в тебя камнем», возникла, вероятно, во времена христианства и указывает на необходимость терпения. Более того, она напоминает нам заповедь Христа: «А я говорю тебе, чтобы ты не противился злу: кто бы ни стукнул тебя по правой щеке, подставь ему ещё и другую» (Мф. 5:39).

Память об исламизации народа со стороны Османской империи и Крыма в начале XVIII в. сохранилась и в народном сознании: «Чтобы твое имущество, — говорит адыг, рассердившейся на соседа, — было расхищено как расхищены были шогенские (священнические) жезлы!» [64, с. 24]. Многие христианские обычаи и традиции стали национальными. Например, нельзя жениться на двоюродной сестре — это является одной из традиций православной церкви [17, с. 25] [64, с. 25].

Интересно появление слов *шоген*, которое обозначает православного священника, и *шехник* — епископа, по преданию, жившего в четырех километрах от Нальчика, на месте до сих пор известном народу под именем «Лесистого кургана». В начале XIX в. польский писатель Ян Потоцкий описывал православные книги, хранящиеся у горцев: «У них есть также несколько греческих молитвенников, которые никто не решается открыть, но на них они приносят клятву» [54, с. 226]. Шора Ногмов рассказывал о рукописном греческом Евангелии, хранившемся в одной адыгской семье: «Уздень Исмаил Шогенов имел в своем доме рукописную книгу, которая принадлежала его предкам, переходила по наследству от отца к сыну в его семействе. Он был последний из умевших читать ее и скончался в 1830 г., в глубокой старости. Господин академик [А.М.] Шегрен, которому я посылал несколько листов из этой книги, утверждал, что она писана на греческом языке и что посланные ему листы заключали в себе начало Евангелия» [44, с. 43].

Христианская топонимика Адыгеи. Топонимика — раздел языкознания, занимающийся изучением происхождения местных географических названий и находящийся на стыке многих наук — истории, этнологии, языка, географии, фольклора, археологии. Топонимический материал может быть отнесен к особому виду исторических источников, отражающих народную память, запечатленную в названиях местностей, часто употребляемых словосочетаний. Приведем некоторые термины, ведущие свое происхождение от христианской символики. Например: *Пцелыр, Пцелир*, переводится как «Вербовая роща». *Джорэ чъыг* (Джоре чиг) — джорэ «крест», чиг «дерево», дословно «Крест дерево» [деревянный крест]. *Джорэ тхьэлъэлъл* (Джоре Тхатлеуп) — джорэ «крест», Тхтэ — «Бог», лъэлълон — «молиться», плэ — «место», то есть «место у креста, где производят молебны» [41, с. 44–45] [42, с. 138].

Археологический материал, связанный с христианством, довольно хорошо сохранился в памятниках, относящихся к культуре адыгского народа. Н. Ф. Дубровин, один из российских исследователей Кавказа XIX в. писал, что частые находки зарытых в землю распятий и глиняных горшков с угольями и ладаном — неопровержимые свидетели присутствия между адыгским народом христианства, что подтверждается нахождением развалин архитектурно-церковных сооружений бывших церквей. Другие исследователи кавказских древностей также упоминают о сохранившихся руинах христианских церквей, «которые до сегодняшнего дня почитаются как священные и неприкосновенные убежища» [8, с. 372] [17, с. 32] [30, с. 262].

Остатки церквей и часовен. К. Ф. Сталь в своем исследовании отмечал шесть таких церквей [58, с. 227]. Адыль-Гиреем описано пять развалин древнехристианских храмов: Кефар, в 13 км. от укрепления Надежинского, недалеко от аула Сидова; на месте Надежинского укрепления; на вершинах Большого Зеленчука сохранились церковь и каменные строения; на Малом Зеленчуке, между аулами Абатова и Трамова, видны развалины древней христианской церкви и кладбища; на левом берегу Кубани, против Хумары, на р. Шони, видна хорошо сохранившаяся христи-

анская церковь, с остатком других строений [2, с. 50–51].

До наших дней дошли древнейшие на территории России монументальные архитектурные памятники — Зеленчукский, Шонинский и Сентинский храмы. Они связаны с деятельностью Аланской епархии, существовавшей в X–XI вв. Наиболее полно живопись сохранилась в интерьере Сентинского храма в ущелье р. Теберды. В конхе над алтарем размещалось монументальное изображение Богородицы Оранты, на северной и южной стенах аспиды — две группы святителей, верхний ярус живописи в кафоликоне храма занимали сцены так называемого праздничного цикла. Как и в Зеленчукском храме, фрески Сентинского храма сопровождалась греческими надписями и автографами прихожан XIX в. [10, с. 10–15].

Адыгский просветитель Шора Ногмов указывал на каменное здание Шона (Чона), находящееся при слиянии Кубани с Тебердою, как на церковь, крестообразная форма которой доказывает ее греческое происхождение. Л. Я. Люлье в своих историко-этнографических статьях, касаясь темы церковной археологии, повествует о развалинах христианских храмов во многих местах в «странах черкесов», по верховьям р. Кубани, в особенности по северному склону от перевала через главный Кавказский хребет в Абхазию. Однако лишь один Пицундский храм устоял против разрушительного влияния времени и довольно хорошо сохранил даже купол [1, с. 154] [37, с. 26].

По данным археолога Н. Г. Ловпаче, на левом берегу р. Белой, в г. Майкопе, сохранились остатки фундамента, по своим очертаниям напоминающие крест. Не исключена возможность, что здесь ранее находилась христианская церковь [19, с. 398]. Этой же позиции придерживается и монах Прокопий, описывая остатки четырех фундаментов древнехристианских церквей, первый из которых находится напротив дубзавода (Майкоп); второй — в бассейне р. Губс в 15 км. от Свято-Михайловского монастыря; третий — у Белореченска и четвертый фундамент на горе Острах в 1 км. от обители [55, с. 69–82].

В XIX в. между станицами Ханской и Белореченской были обнаружены развалины

древнего христианского храма, построенного, судя по надписи на древне-армянском языке, в 1171 г. Между тем современный ученый-археолог А. В. Пьянков на основании работ А. Амиранашвили и Д. Каштанова привязывает дату постройки или освящения храма к 1468 г. [56, с. 237–242].

Особенно много христианских памятников встречается на пространстве от р. Белой до верховьев р. Кубани. Это — полоса длиной более 215 км. и шириной 85 км.: такое близкое расположение памятников к Главному Кавказскому хребту, по другую сторону которого находится Абхазия, наводит на мысль об их связи с распространением христианства из Абхазии, а также с влиянием Грузии и Византии.

В источниках встречаются упоминание и о бывших русских храмах времен Иоанна Грозного — «Развалины Татар», находившихся на западном берегу Терека в 7,5 км. выше устья речки Комбулеевка: «Там есть также две церкви совершенно в русском стиле. На внутренних стенах изображены фигуры святых; эти изображения, вероятно, относятся к XVI в., то есть к периоду, когда после блестящих завоеваний царя Ивана Васильевича русские миссионеры обратили черкесов в христианство» [8, с. 420].

Каменные кресты и плиты. Большой интерес представляет каменный крест близ станицы Губской, относящийся к VII в., с надписью на греческом языке. Ш. Ногмов описывал лестницу на правом берегу Подкумки, сделанную в камне, с шестью ступенями, ведущую на вершину горы, где были найдены серебряные кресты. На Рим-горе, возле Кисловодска, был обнаружен крест с греческой надписью VIII в. В местности Песчанка, недалеко от Нальчика, также были найдены христианские кресты, высеченные на стенах катакомб VII–IX вв. [25, с. 136] [35, с. 44]. Церковным историком Д. И. Успенским, описывается немало каменных крестов и надгробных плит с греческими надписями [63, с. 21–23]. На р. Кефаре в 13 км. от укрепления Надежинского, у аула Сидова находятся развалины большого христианского поселения: «Вне стены, окружавшей колонию, находится кладбище с памятниками кубической формы; около входа в одну из таких гробниц стоит крест» [2, с. 50].

Сохранились свидетельства христианского погребального обряда у адыгов. В поселке Гостагай (Анапского района) выявлена надпись на греческом языке следующего содержания: «Усоп раб Божий и младенец Охормаз. Генеджуата, жена Кан[...]атола» [21, с. 256]. Заслуживает особого внимания группа из четырех больших каменных крестов в долине Сукко (12 км. юго-восточнее Анапы), которая была открыта и описана еще в XIX в. Один из этих крестов запечатлен на цветной литографии Г. Бернарда, изображающей расположившихся возле него троих вооруженных черкесов. А. М. Новичихин смог расшифровать греческие надписи на кресте и датировать их XIV в. [43, с. 39–43].

В 1985 г. в станице Курджипской была обнаружена известниковая плита (1,2 x 0,7 x 0,25 м.) с греческой христианской надписью на лицевой стороне: ХС ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГДА [Господа] БГА[Бога] НАШЕГО И[сус]А Х[риста] НОЯБРЬ 12, которая сейчас хранится в фонде археологии Национального музея республики Адыгея. В соответствии с выводами автора находки В. А. Трифонова, датировка на плите указывает на 557 г., но он посчитал ее орфографической ошибкой и установил «предпочтительную» дату на тысячу лет позже: 1557 г. В. А. Трифонов считает, что данный памятник связан с попыткой России возродить христианство в Адыгее при Иоанне Грозном [62, с. 156–157].

Археолог А. В. Пьянков в соавторстве с Д. В. Каштановым критически подошли к датировке памятника. В частности, по их утверждению, на плите вообще нет указания даты и по проведенному сравнительному анализу она испытывает близость кутахской плите (1468 г.), опубликованной В. В. Латышевым, и плите из Краснодарского музея, лучшая на сегодняшний день атрибуция которой принадлежит Д. В. Каштанову (1392 г.). Авторы статьи также подтвердили неграмотность резчика: «На три короткие строки он совершил две ошибки в виде перестановки букв» [28, с. 171–173]. По мнению А. В. Пьянкова, высказанному в личной переписке, «позднесредневековая датировка ближе к истине. Она может датироваться вплоть до XV в. включительно».

Схожей датировки памятника придерживается и специалист по кавказской археологии и эпиграфике А. Ю. Виноградов, им также исключена ранняя хронологическая привязка (VI в.): «Шрифт надписи демонстрирует крайнюю близость к кубанскому надгробию Педирико и Марии 1392 г., и оно должно датироваться временем около 1400 г.» (из личной переписки с А. Ю. Виноградовым).

Нет оснований не соглашаться со специалистами, но между тем вопрос окончательной датировки греческой плиты из станицы Курджипской все еще остается открытым по следующим причинам:

1) В. А. Трифонов в своей статье указал на дату 557 г., хотя он сам ее не поддержал, признав ошибочной. Однако именно в этот период со стороны Византии осуществлялась самая активная христианизация адыгов за всю их историю.

2) Если принять за основу предложенный им же год — 1557 г., то наличествует определенная фактологическая противоречивость. Во-первых, греческое влияние в регионе давно угасло, и в пользу этого говорят свидетельства европейских путешественников, например, сведения, принадлежащие итальянскому географу и этнографу Джорджио Интериано. Он отмечал, что в это время у адыгов были православные священники, которые совершали службы, но в то же время они уже не придерживались церковных канонов и проводили их импровизированно: «Священники у них служат по-своему, [употребляя] греческие слова и начертания, не понимая их смысла» [22, с. 47]. И во-вторых, весьма странным выглядит факт написания греческого текста русскими миссионерами. В данных обстоятельствах датировка А. В. Пьянкова, Д. В. Каштанова и А. Ю. Виноградова (1392–1468 гг.) выглядит более убедительной, так как в конце XIV — начале XV вв. греческое духовенство еще присутствовало среди адыгов и греческий язык был не забыт.

3) Если же принять версию о том, что резчик не был носителем греческого языка, что с учетом допущенных ошибок вполне может соответствовать действительности, то датировка надписи определенно смещает-

ся в более поздний период, и в данной связи версия В. А. Трифонова уже не кажется столь «пугающей».

В любом случае для продолжения научного исследования было бы неплохо привлечь современные археологические методы, например, воспользоваться методом мюонной радиографии, хотя конечно он более эффективен при анализе объемных объектов, а не для уточнения датировок. Также можно использовать метод радиоуглеродного анализа, с помощью которого, например, в 2018 г. ученым Археологического центра имени Е. И. Крупнова в Назрани совместно с Институтом географии РАН удалось уточнить датировку древне-христианского храма Али-Ерды в Ингушетии, удревнив ее на три столетия — до VII–X вв.

Мелкая христианская пластика. В последнее время количество таких находок заметно возросло, только в границах современной Адыгеи было найдено пять нательных крестов, два энколпиона и образок. Рассмотрим более подробно нательный крест из фонда национального музея республики Адыгея с шифром НМРА-12446/1. Его высота — 5 см., ширина — 3,3 см; толщина — 0,3 см. Он изготовлен из серебра, отлит в односторонней форме, с четырьмя ветвями. В его центре припаян круглый каст в виде чашечки со стеклянной вставкой из голубогостекла. В верхней части креста имеется петля для подвешивания. Специалисты исследовавшие этот крест, подчеркивают его уникальность, так как полной аналогии найти не удалось, но все же по сопутствующим предметам при находки креста ими была установлена примерная его датировка — это VIII–IX вв. [14, с. 72–81].

Использованная литература:

1. Адыль-Гирей Кешев. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмузин Ногмовым // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 142–163.
2. Адыль-Гирей. Черкесы. Отрывок из «Очерка горских народов правого крыла Кавказской линии» // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 49–66.
3. Анучин Д. Г. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX в. о на-

Обобщая археологический материал, следует отметить, что на территории проживания адыгов в значительном количестве были представлены христианская монументальная архитектура и мелкая пластика. Можно, конечно, предположить, что часть церквей использовалась не черкесами, а другими народами: греками, аланами, генуэзцами и русскими. Но в любом случае христианство было очень сильно интегрировано в адыгскую культуру. Подтверждением этому служит упоминание об обнаруженных надгробных плитах, на которых видны попытки написания адыгских слов греческими буквами, что свидетельствует не только о греко-византийском влиянии, но и о взаимопроникновении культур.

В течение продолжительного периода предпринимались определенные шаги многочисленных христианских миссионеров, нацеленные на то, чтобы повлиять на духовный выбор адыгов. Результат такой колоссальной работы, проводившейся на протяжении почти двух тысяч лет, должен был принести положительный результат. Этот результат был достигнут и даже сегодня не потерял своей актуальности. В данной связи следует привести пример упомянутых в данной статье традиционных обрядов, в которых явно прослеживаются, хоть и в измененной форме, церковные праздники, глубокое почитание православных святых. Особо необходимо отметить археологическое изучение Северо-Западного Кавказа, карта которого включает множество христианских памятников. Этот период адыгской истории оставил заметный след в культуре народа, и без его изучения невозможно представить себе целостную картину исторической жизни адыгов.

References:

1. Adil-Girey Keshev, Istoriya adygeyskogo naroda, sostavennaya po predaniyam kabardintsev Shora-Bekmuzin Nogmovym [The History of the Adyghe People, Compiled by Shora-Bekmuzin Nogmov According to the Legends of the Kabardians], in *Izbrannye proizvedeniya adygskikh prosvetiteley*, Nalchik: Ehl'brus, 1980, pp. 142–163.
2. Adil-Girey, Cherkesy. Otryvok iz „Ocherka gorskikh narodov pravogo kryla Kavkazskoy linii“ [Circassians. An Excerpt from the “Outline of the Mountain Peoples of the Right Wing of the Caucasian Line”], in *Izbrannye proizvedeniya adygskikh prosvetiteley*, Nalchik: Ehl'brus, 1980, pp. 49–66.

родах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т.2. С. 245-298.

4. Ахохова Е.А. Природа теонима «Тха» («Бог»): базовые гипотезы // Мир культуры адыгов. Майкоп: Адыгея, 2002. С.112-117.

5. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.458-530.

6. Беляев С.А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Митрополит Макарий. История Русской Церкви: в 9 т. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1994. Т.1. С.33-80.

7. Бесс де Ж.-Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 329-352.

8. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 353-434.

9. Витсен Н. Северная и Восточная Татария // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 86-98.

10. Владимиров И.А. Древний христианский храм близ аула Сеты в Кубанской области // Известия Археологической Комиссии. СПб.: Тип. гл. упр-я уделов, 1902. Вып. 4. С. 1-14.

11. Геден (Докукин), митр. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск: [б. и.], 1992.

12. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви: в 2-х т. М.: Имп. об-во истории и древностей российских при Моск. университете, 1901. Т. 1.

13. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 203-208.

14. Джигунова Ф. К., Пьянков А. В., Тов А. А., Хушт М. А. Комплекс предметов с христианским крестом из фондов Национального музея республики Адыгея // Археологический журнал. № 3-4. 2010. С. 72-81.

15. Дзамихов К. Х. Адыги в политике России на Кавказе (1550-начало 1770-х гг.). Нальчик: Эль-Фа, 2001.

16. Дортелли Д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарии // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.61-67.

17. Дубровин Н.Ф. Черкесы (Адыге). Материалы для изучения черкесского народа. Вып.1. Краснодар: Изд. общ-ва. изуч. Адыг. Автономной обл. и Адыг. обл. ист.-этнограф. музея, 1927.

18. Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С.84-263.

19. Земля адыгов (Адыгэмэ ячыгу) / под ред. А. Х. Шеуджена, Майкоп: Качество, 1996.

20. Зубов Т.А. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-

3. Anuchin, D. G., Ocherk gorskikh narodov Pravogo kryla Kavkazskoy linii [Essay on the Mountain Peoples of the Right Wing of the Caucasian Line], in *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza*, in 2 vols., Nalchik: Ehl'-Fa, 2001, vol. 2, pp. 245-298.

4. Akhokhova, E. A., Priroda teonima „Tkha“ („Bog“): bazovye gipotezy [The Nature of the „Tha“ („God“) Theonym: Basic Hypotheses], in *Mir kul'tury adygov*, Maykop: Adygeya, 2002, pp. 112-117.

5. Bell, J., Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii [Journal of a Residence in Circassia], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 458-530.

6. Belyaev, S. A., Istoriya khristianstva na Rusi do ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i sovremennaya istoricheskaya nauka [The History of Christianity in Russia to Prince Vladimir Equal-to-the-Apostles and Modern Historical Science], in *Mitropolit Makariy. Istoriya Russkoy Tserkvi*, in 9 vols., Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1994, vol. 1, pp. 33-80.

7. Besse, J. Ch. de, Puteshestvie v Krym, na Kavkaz, v Gruzuyu, Armeniyu, Maluyu Aziyu i v Konstantinopol' v 1829 i 1830 godakh [A Journey to the Crimea, the Caucasus, Georgia, Armenia, Asia Minor and Constantinople of 1829 and 1830], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 329-352.

8. Blaramberg, I. F., Istoriicheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, ehtnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, Topographical, Statistical, Ethnographic and Military Description of the Caucasus], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 353-434.

9. Witsen, N., Severnaya i Vostochnaya Tatarsiya, in [North and East Tartary] *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 86-98.

10. Vladimirov, I. A., Drevniy khristianskiy khram bliz aula Sety v Kubanckoy oblasti [Ancient Christian Temple Near the Aul of Sety in the Kuban Region], in *Izvestiya Arkheologicheskoy Komissii*. Saint Petersburg: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov, 1902, vol. 4, pp.1-14.

11. Gedeon (Dokukin), *Istoriya khristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii* [The History of Christianity in the North Caucasus before and after Its Accession to Russia], Moscow-Pyatigorsk: no publ., 1992.

12. Golubinskiy, E. E., *Istoriya Russkoy Tserkvi* [The History of the Russian Church]: in 2 vols., Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete, 1901, vol. 1.

13. Gueldenstaedt, J. A., Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza [A Geographical and Statistical Description of Georgia and the Caucasus], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 203-208.

14. Dzhigunova, F. K., Pyankov, A. V., Tov, A. A. and Khusht, M. A., Kompleks predmetov s khristianskim krestom iz fondov Natsional'nogo muzeya respubliki Adygeya [Complex of Items with a Christian Cross from the Funds of the National Museum of the Republic of Adygea], *Arkheologicheskij zhurnal*, nos. 3-4, 2010, pp.72-81.

15. Dzamikhov, K. Kh., *Adygi v politike Rossii na Kavkaze (1550-nachalo 1770-kh godov)* [Adygs in the Policy

ро-Западного Кавказа: в 2-х т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т.2. С.9-60.

21. Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003.

22. Интериано Дж. Быт и страна зиков, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.43-52.

23. Иоанн Хазров, свящ. Остатки христианства между закубанскими племенами, прошедшее и нынешнее состояние их нравов и обычаев // Кавказ. 1846. № 40. С.159.

24. Историческая записка. О христианстве на Северном Кавказе // Ставропольские епархиальные ведомости. 1888. № 19. С.774-799.

25. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.

26. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 10 т. СПб.: Издан. Александра Смирдина, 1852. Т.8.

27. Карташев А.В. Был ли апостол Андрей на Руси? // Христианское чтение. 1907. № 7. С.83-95.

28. Каштанов Д.В., Пьянков А.В. Греческая надпись из станицы Курджипской // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция (Широкая Балка, 30 сентября – 4 октября 2013 г.). Краснодар: Экоинвест, 2013. С.171-173.

29. Кемпфер Э. Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.113-118.

30. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.235-280.

31. Короленко П.П. Записки о черкесах // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т.2. С.153-244.

32. Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.585-628.

33. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: Ир, 2002.

34. Лавров Л.И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1955. Вып. 4. С. 19-64.

35. Латышев В.В. Кавказские памятники в Москве // Записки императорского Русского археологического общества: в 2-х т. СПб.: б.и., 1887. Т.2. Вып.1. С.44-47.

36. Лонгворт Дж. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.531-584.

37. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар: Изд. общ-ва. изуч. ААО и Адыг. обл. ист.-этнограф. музея, 1927.

38. Ляушева С.А. Священное в религиозном сознании адыгов // Мир культуры Адыгов. Майкоп: Адыгея, 2002. С.139-146.

39. Макарий (Булгаков), архиеп. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира. СПб.: Тип. Военно-учеб. заведений, 1868.

of Russia in the Caucasus (1550-Beginning of the 1770s)], Nalchik: Ehl'-Fa, 2001.

16. Dortelli D'Askoli, D. E., *Opisanie Chernogo morya i Tatarii* [A Description of the Black Sea and Tartary], *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp.61-67.

17. Dubrovin, N. F., *Cherkesy (Adyge). Materialy dlya izucheniya cherkesskogo naroda* [Circassians (Adyge). Materials for the Study of the Circassian People], vol. 1, Krasnodar: Izdatel'stvo obshchestva izucheniya Adygeyskoy Avtonomnoy oblasti i Adygeyskogo oblastnogo istoriko-etnograficheskogo muzeya, 1927.

18. Dubois de Montpereux, F., *Puteshestvie vokrug Kavkaza, u cherkesov i abkhazov, v Kolkhide, Gruzii, Armenii i Krymu* [A Journey through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and the Crimea], Nalchik: Ehl'-Fa, 2002, pp. 84-263.

19. *Zemlya adygov (Adygeme yachlygu)* [The Land of Adygs], Sheudzhen, A. Kh., Ed., Maykop: Adygeya, 1996.

20. Zubov, T. A., *Kartina Kavkazskogo kraja, prinadlezhashchego Rossii, i sopredel'nykh onomu zemel'* [Picture of the Caucasus Region Belonging to Russia, and the Lands Adjacent to It], in *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza, in 2 vols.*, Nalchik: Ehl'-Fa, 2001, vol. 2, pp. 9-60.

21. Ivanov, S. A., *Vizantiyskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz "varvara" khristianina?* [Byzantine Missionary: Is it Possible to Make a Christian out of the Barbarian?], Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003.

22. Interiano, G., *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami* [Life and Environment of the Zychi, Called Circassians], *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp.43-52.

23. Ioann Khazrov, *Ostatki khristianstva mezhdubakubanskimi plemenami, proshedshee i nyneshnee sostoyanie ikh nravov i obychev* [The Remnants of Christianity Between the Trans-Kuban Tribes, the Past and the Current State of Their Mores and Customs], *Kavkaz*, 1846, no. 40. p. 159.

24. Istoricheskaya zapiska. O khristianstve na Severnom Kavkaze [Historical Note. About Christianity in the North Caucasus], in *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1888, no. 19, pp. 774-799.

25. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka* [History of the Peoples of the North Caucasus from Ancient Times to the End of the 18th Century], Moscow: Nauka, 1988.

26. Karamzin, N. M., *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State], in 10 vols., Saint Petersburg: Izdanie Aleksandra Smirdina, 1852, vol. 8.

27. Kartashev, A. V., *Byl li apostol Andrey na Rusi?* [Was the Apostle Andrew in Russia?], *Khristianskoe chtenie*, 1907, no. 7, pp. 83-95.

28. Kashtanov D. V. and P'yankov A.V. *Grecheskaya nadpis' iz stanitsy Kurdzhipskoy* [The Greek Inscription from the Stanitsa of Kurdzhipskaya], in *Proc. of the 6th Int. Kuban Archaeological Conf. (Shirokaya Balka, September 30 – October 4, 2013)*, Krasnodar: Ekoinvest, 2013, pp. 171-173.

29. Kaempfer, E., *Noveyshie gosudarstva Kazan', Astrakhan', Gruzii i mnogie drugie* [Newest States Kazan, Astrakhan, Georgia and Many Others], in *Adygi, balkartsy,*

40. Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 1994. С.224-245.
41. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Краснодарское кн. изд-во Адыг. отд-ние, 1981.
42. Меретуков К.Х. Отражение религиозных мотивов в адыгейской топонимии // Мир культуры адыгов. Майкоп: Адыгея, 2002. С. 138-140.
43. Новичихин А.М. Каменные кресты долины Сукко // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. 2008. № 1. С.39-43.
44. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Тифлис: Тип. Гл. упр-я наместника Кавказского, 1861.
45. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.82-85.
46. Остапенко Р.А. Апостольская проповедь среди зихов // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во Адыг. Гос. ун-та, 2013. Вып. 9. С.74-81.
47. Остапенко Р.А. Генуэзские фактории в Восточном Причерноморье и Крыму как центры католической миссии среди зихов // Метаморфозы истории. Псков: Псковский гос. ун-т, 2017. Вып. 10. С.181-205.
48. Остапенко Р.А. Православная миссия среди адыгов Северо-Западного Кавказа (1864-1917 гг.). Краснодар: Юг, 2012.
49. Остапенко Р.А. Православная миссия среди адыгов Северо-Западного Кавказа: социо-культурные условия, трудности, итоги (1864-1917 гг.) // Наследие Веков. 2018. № 2. С.59-77.
50. Остапенко Р. А. Христианская миссия Римской империи среди зихов (втор. пол. I - нач. V вв.) // Метаморфозы истории. Псков: Псковский гос. ун-т, 2016. Вып.7. С.86-98.
51. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу черного моря в 1750-1762 гг. В изложении Е.Д. Фелицина // Материалы для истории черкесского народа. Краснодар: Изд. общ-ва. изуч. Адыг. Авт. Обл. и Адыг. обл. ист.-этнограф. музея, 1927. Вып.2.
52. Петровский С. В. Сказание об апостольской проповеди по Северо-восточному Черноморскому побережью (очерк из истории древне-христианской литературы) // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса, 1897. Т. 20. С.1-148.
53. Полное собрание русских летописей: в 43-х т. Т. 13: Никоновская летопись. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904.
54. Потоцкий Ян. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.225-234.
55. Прокопий (Леонов), мон. История Свято-Михайло-Афонской Закубанской общежительной пустыни. Майкоп: Полиграф-Юг, 2008.
56. Пьянков А.В. Белореченская церковь: проблема датировки памятника // Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Пятое «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа (г. Краснодар, 26-28 мая 2015 г.): Материалы междунар. археолог. конф. Краснодар: karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 113-118.
30. Klaproth, J. H., Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii [Travels in the Caucasus and Georgia], *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 235-280.
31. Korolenko, P. P., Zapiski o cherkesakh [Notes on Circassians], in *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza*, in 2 vols., Nalchik: Ehl'-Fa, 2001, vol. 2, pp.153-244.
32. Koch, K., Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli [Journey through Russia and the Caucasus Lands], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 585-628.
33. Kuznetsov, V. A., *Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV veka* [Christianity in the North Caucasus to the 15th Century], Vladikavkaz: Ir, 2002.
34. Lavrov, L. I., *Adygi v rannem srednevekov'e* [Adygs in the Early Middle Ages], in *Sbornik statey po istorii Kabardy*, Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955, no. 4, pp. 19-64.
35. Latyshev, V. V., *Kavkazskie pamyatniki v Moskve* [Caucasian Monuments in Moscow], in *Zapiski imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*: in 2 vols., Saint Petersburg: no publ., 1887, vol.2, no.1, pp. 44-47.
36. Longworth, J. A., *God sredi cherkesov* [A Year among the Circassians], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 531-584.
37. Lyul'e, L. Ya., *Cherkesiya. Istoriko-etnograficheskie stat'i* [Historical and Ethnographic Articles], Krasnodar: Izdatel'stvo obshchestva izucheniya Adygeyskoy Avtonomnoy oblasti i Adygeyskogo oblastnogo istoriko-etnograficheskogo muzeya, 1927.
38. Lyausheva, S. A., *Svyashchennoe v religioznom soznanii adygov* [The Sacred in the Religious Consciousness of the Circassians], in *Mir kul'tury adygov*, Maykop: Adygeya, 2002, pp. 139-146.
39. Makariy (Bulgakov), *Istoriya khristianstva na Rusi do ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira* [History of Christianity in Russia to Prince Vladimir Equal-to-the-Apostles], Saint Petersburg: Tipografia Voenno-uchebnykh zavedeniy, 1868.
40. Mambetov, G. Kh., *Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev* [Traditional Culture of Kabardians and Balkarians], Nalchik: Ehl'-Fa, 1994, pp. 224-245.
41. Meretukov, K. Kh., *Adygeyskiy toponimicheskiy slovar'* [The Adyghe Toponymic Dictionary], Maykop: Krasnodaskoe knizhnoe izdatel'stvo Adygskoe otделение, 1981.
42. Meretukov, K. Kh., *Otazhenie religioznykh motivov v adygeyskoy toponimii* [Reflection of Religious Motifs in the Adyghe Toponymy], in *Mir kul'tury adygov*, Maykop: Adygeya, 2002, pp. 138-140.
43. Novichikhin, A. M., *Kamennye kresty doliny Sukko* [Stone Crosses of the Sukko Valley], *Argonavt. Chernomorskiy istoricheskiy zhurnal*, 2008, no. 1, pp. 39-43.
44. Nogmov, Sh. B., *Istoriya adykheyskogo naroda* [The History of the Adigean People], Tiflis: Tipografia Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1861.
45. Olearius, A., *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of Travels in Muscovy], in *Adygi, balkartsy,*

нодар: Краснодар. гос. историко-археолог. музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, 2015. С.237-242.

57. Спенсер Эдмонд. Путешествие в Черкесию / Предисл., пер. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп: Адыгея, 1993.

58. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. Нальчик: Эльфа, 2001. Т. 1. С.185-278.

59. Стрейс Я. Я. Описание города Терки // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 99-102.

60. Тавернье Ж.-Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.73-81.

61. Тебу де Мариньи Ж.-В.-Э. Путешествие в Черкесию // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.291-321.

62. Трифонов В.А. Работы разведочного отряда // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С.156-157.

63. Успенский Д.И. Древне – христианские храмы и Св. Александро – Афонский Зеленчукский монастырь, в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта, Кубанской области, Баталпащинского отдела. М.: Изд-е Св. Александро-Афонской Зеленчукской пустыни, 1894.

64. Хавжоко Ш. М. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик: Эль-Фа, 1994.

65. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 1.

66. Юлиан Венгерский. О путешествии в страну приволжских венгерцев // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 29-33.

67. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-Munich: A. Francke, 1959. Vol. 1.

karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 82-85.

46. Ostapenko, R. A., Apostol'skaya propoved' sredi zikhov [Apostolic Preaching among Zikhs], in *Voprosy teorii i metodologii istorii. Sbornik nauchnykh trudov*, Maykop: Izdatel'stvo Adygeyskogo gosudrstvennogo universiteta, 2013, no. 9, pp.74-81.

47. Ostapenko, R. A., Genuel'zskiefaktorii v Vostochnom Prichernomor'e i Krymu kak tsentry katolicheskoy missii sredi zikhov [Genoese Trading Posts in the Eastern Black Sea Region and Crimea as Centers of the Catholic Mission among the Zikhs], in *Metamorfozy istorii*, Pskov: Pskovskiy gosudrstvennyy universitet, 2017, no. 10, pp.181-205.

48. Ostapenko, R. A., *Pravoslavnnaya missiya sredi adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (1864-1917 gody)* [Orthodox Mission among the Circassians of the North-Western Caucasus (1864-1917)], Krasnodar: Yug, 2012.

49. Ostapenko, R. A., *Pravoslavnnaya missiya sredi adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza: sotsio-kul'turnye usloviya, trudnosti, itogi (1864-1917 gody)* [Orthodox Mission among the Adygs of the North-Western Caucasus: Social and Cultural Conditions, Difficulties, Results (1864-1917)], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2, pp. 59-77.

50. Ostapenko, R. A., *Khristianskaya missiya Rimskoy imperii sredi zikhov (vtoraya polovina I - nachalo V vekov)* [The Christian Mission of the Roman Empire among the Zikhs (Second Half of the 1st – the Beginning of the 5th Century)], in *Metamorfozy istorii*, Pskov: Pskovskiy gosudrstvennyy universitet, no.7, pp. 86-98.

51. Peyssonnel, Ch., *Issledovanie torgovli na cherkessko-abkhazskom beregu chernogo morya v 1750-1762 godakh. V izlozhenii E. D. Felitsina* [A Treatise on the Commerce of the Black Sea. In the Retelling by E. D. Felitsin], in *Materialy dlya istorii cherkesskogo naroda*, Krasnodar: Izdatel'stvo obshchestva izucheniya Adygeyskoy Avtonomnoy oblasti i Adygeyskogo oblastnogo istoriko-etnograficheskogo muzeya, 1927, no. 2.

52. Petrovskiy, S. V., *Skazanie ob apostol'skoy propovedi po Severo-vostochnomu Chernomorskuyu poberezh'yu (oчерk iz istorii drevne-khristianskoy literatury)* [The Legend of the Apostolic Preaching on the North-Eastern Black Sea Coast], in *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey*, Odessa, 1897, vol. 20, pp.1-148.

53. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles], in 43 vols., vol. 13: *Nikonovskaya letopis'* [Nikon Chronicle], Saint Petersburg: Tipografia I. N. Skorokhodova, 1904.

54. Pototskiy, Ya. *Puteshestvie v Astrakhanskii i Kavkazskie stepi* [Journey to the Astrakhan and Caucasian Steppes], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 225-234.

55. Prokopy (Leonov), *Istoriya Svyato-Mikhaylo-Afonskoy Zakubanskoy obshchezhitel'noy pustyni* [The History of St. Michael's Athos Zakubanskoy Hostile Desert], Maykop: Poligraf-Yug, 2008.

56. Pyankov, A. V., *Belorechenskaya tserkov': problema datirovki pamyatnika* [Belorechensk Church: the Problem of Dating the Monument], in *Cultural Interactions of the Peoples of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages: Proc. of the 5th Int. Archaeological Conf. "Anfimov Readings" on the*

Archaeology of the Western Caucasus (Krasnodar, May 26-28, 2015), Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy istoriko-arkheologicheskiy muzey-zapovednik imeni E. D. Felitsyna, 2015, pp. 237-242.

57. Spenser E. *Puteshestvie v Cherkesiyu* [Travels in Circassia], Neflyasheva, N., Foreword, Comments, Maykop: Adygeya, 1993.

58. Stal, K. F., *Ehtnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic Essay of the Circassian People], *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza*: in 2 vols., Nalchik: Ehl'-fa, 2001, vol. 1, pp.185-278.

59. Struys, J. J., *Opisanie goroda Terki* [Description of the Town of Terki], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 99-102.

60. Tavernier, J.-B., *Shest' puteshestviy v Turtsiyu, Persiyu i Indiyu*, in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov* [The Six Voyages through Turkey, into Persia and the East-Indies], Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp.73-81.

61. Taitbout de Marigny, *Puteshestvie v Cherkesiyu* [Voyages in Circassia], in *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974, pp. 291-321.

62. Trifonov, V. A., *Raboty razvedochnogo otryada* [The Works of the Exploration Detachment], in *Arkheologicheskie otkrytiya 1985 goda*, Moscow: Nauka, 1987, pp.156-157.

63. Uspenskiy, D. I., *Drevne – khristianskie khramy i Sv. Aleksandro – Afonskiy Zelenchukskiy monastyr', v Zelenchukskom ushelii Kavkazskogo khrebt, Kubanskoy oblasti, Batalpashinskogo otdela* [Ancient Christian Churches and St. Alexander – Athos Zelenchuksky Monastery in the Zelenchuk Gorge of the Caucasus Mountains, Kuban Region, Batalpashinsky District], Moscow: Izdanie Svyato-Aleksandro-Afonskoy Zelenchukskoy pustyni, 1894.

64. Khavzhoko, Sh. M., *Geroi i imperatory v cherkesskoy istorii* [Heroes and Emperors in the Circassian History], Nalchik: Ehl'-Fa, 1994.

65. Shagirov, A. K., *Ehtimologicheskiy slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) Languages], in 2 vols., Moscow: Nauka, 1977, vol. 1.

66. Friar Julian, *O puteshestvii v stranu privolzhskikh vengertsev* [On the Trip to the Country of the Volga Hungarians], *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vekov*, Nalchik: Ehl'brus, 1974. pp. 29-33.

67. Pokorny, J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary], vol. 1. Bern-Munich: A. Francke, 1959.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Остапенко, Р. А. Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников [Электронный ресурс] / Р. А. Остапенко // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 78–97. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Ostapenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Ostapenko, R. A., *Elementy khristianstva v kul'ture adygov po dannym ehtnograficheskikh, lingvisticheskikh i arkheologicheskikh istochnikov* [Elements of Christianity in the Culture of the Circassians According to Ethnographic, Linguistic and Archaeological Sources], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 78–97. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Ostapenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КУШНЕРЁВ Валерий Владимирович

доцент кафедры навигации и боевого применения
Краснодарского высшего военного
авиационного училища летчиков имени А. К. Серова,
Краснодар, Россия

Valery V. KUSHNERYOV

Assoc. Prof., Department of Navigation and Combat Using,
Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots,
Krasnodar, Russia
kvv830@mail.ru

УДК 94 (470.620):629.73

ГРНТИ 03.29

ВАК 07.00.02

Ранние этапы истории краснодарского авиаотряда (1932–1945)

На примере становления Краснодарского авиаотряда раскрывается история и проблематика строительства гражданского пассажирского авиационного предприятия в предвоенный период. Пашковская авиабаза (впоследствии – 218-й Пашковский авиаотряд спецприменения гражданского воздушного флота) была образована в 1932 г. на основе авиатехники, принадлежавшей обществу по борьбе с вредителями. В довоенный период начали производиться регулярные пассажирские и почтовые перевозки. При аэродроме действовала Авиационная метеорологическая гражданская станция, в станице Пашковской была создана сельскохозяйственная авиашкола. После начала Великой Отечественной войны авиаотряд был преобразован в авиационную эскадрилью. Автором выявлены и исследованы факты, связанные с выполнением краснодарскими летчиками боевых задач в годы войны, отражено участие бойцов эскадрильи в военных действиях за пределами Краснодарского края. Показан процесс восстановления аэродрома и связанных с ним коммуникаций после освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков, освещена работа по восстановлению хозяйства и оказания помощи фронту.

Ключевые слова: самолет, авиатехника, авиационный отряд, Краснодарский аэропорт, авиационная база, гражданская авиация, Великая Отечественная война, Аэрофлот, Краснодар, Пашковский.

The Early Stages of the History of the Krasnodar Squadron (1932–1945)

On the example of the formation of the Krasnodar aviation detachment, the history and problems of the construction of a civilian passenger aviation enterprise in the pre-war period are revealed. The Pashkovsky air base (later the 218th Pashkovsky aviation detachment of the special application of the civil air fleet) was formed in 1932 on the basis of the aircraft equipment owned by the pest control society. Regular passenger and postal shipments began in the pre-war period. An aeronautical meteorological civil station operated at the aerodrome, and an agricultural aviation school was established in the village of Pashkovskaya. After the beginning of the Great Patriotic War, the aviation detachment was transformed into an aviation squadron. The author reveals and investigates the facts related to the performance of combat missions by Krasnodar pilots during the war years and describes the participation of squadron fighters in hostilities outside the Krasnodar Region. The process of restoring the airfield and the communications connected with it after the liberation of the Kuban from the Nazi invaders is shown, the work of restoring the economy and assisting the front is highlighted.

Keywords: aircraft, aircraft, aviation squad, Krasnodar airport, air base, civil aviation, World War II, Aeroflot, Krasnodar, Pashkovsky.

9 февраля 1923 г. принято считать Днем рождения гражданского воздушного флота России (ГВФ). В этот день Совет Труда и Обороны СССР принял постановление «О возложении технического надзора за воздушными линиями на Главное управление воздушного флота и об организации Совета по гражданской авиации». Огромную роль в становлении авиации сыграла созданная общественная организация «Общество друзей воздушного флота». Основу гражданского воздушного флота составила деятельность акционерного общества «Добролет» (Российское акционерное общество Добровольного воздушного флота) и созданных по его типу обществ «Укрвоздухпуть» (на Украине) и «Закавиа» (на Кавказе).

«Закавиа» было образовано 28 марта 1923 г. в Тифлисе с основным капиталом в 1 млн. рублей и имело три самолета «Юнкерс» [7, л. 30–33]. Просуществовав меньше года, оно было ликвидировано, при этом самолеты переданы в 47 авиаотряд. Однако 2 марта 1925 г. техника была возвращена обществу, в составе авиапарка которого самолеты эксплуатировались до конца года [7, л. 54].

29 июля 1927 г. с образованием Всесоюзного объединения гражданского воздушного флота все названные акционерные общества перешли в собственность государства.

В стране развернулось патриотическое движение «Трудовой народ, строй свой воздушный флот!», благодаря которому на собранные трудящимися средства с 1923 по 1928 гг. было построено около 400 воздушных судов.

В 1928–1929 гг. конструктор Поликарпов создал биплан У-2. Начиная с 1932 г. он широко использовался в Аэрофлоте как учебный, сельскохозяйственный, пассажирский и санитарный. На Кавказе самолеты летали с аэродромов в Тифлисе, Кутаиси, евлахе, Махачкале, Сухуми, Минеральных Водах, Сочи, Тихорецка, Белореченска.

В 1930 г. было создано Закавказское управление воздушным движением, Элистинское авиапредприятие. 14 ноября 1930 г. в Батайске открылась 1-я объединенная школа пилотов и техников гражданского воздушного флота, обучавшихся на самолетах У-1 и П-5.

Кавказский регион в 1930 г. стал полигоном развития авиации спецприменения. Филиал Московского Всесоюзного научно-исследовательского института сельхозавиации (ВНИИСА), созданный в Краснодаре, был преобразован в самостоятельную организацию, где активно изучались и апробировались методы борьбы с вредителями в сельском хозяйстве [1, с. 87].

1 мая 1931 г. в Краснодаре открывается Краснодарская школа гражданских летчиков, в которую был зачислен 21 рабочий. Овладение новой профессией шло в неподготовленных условиях, не было специального помещения, занятия проводились в классе размером 16 метров, причем обучающиеся сидели прямо на кроватях. К началу июля теоретические занятия подходили к завершению, всеми был сдан первый зачет. Однако для совершения практических полетов, освоения авиационной техники, в школу еще не были поставлены самолеты, о чем руководитель школы тов. Горев докладывал на 2-й городской партийной конференции [2, л. 69].

История образования места базирования аэродрома «Пашковский» началась в 1932 г., когда возле центральной усадьбы одноименного совхоза произвели посадку семь самолетов У-2АП (конструктора Поликарпова), принадлежащие обществу по борьбе с вредителями (ОБВ). Прибывших встречали любопытные, некоторые из них приехали на лошадях. На импровизированном митинге начальник авиационного общества Николай Николаевич Пахомов объявил собравшимся, что авиатехника прибыла в Краснодар для базирования на постоянной основе, и экипажи самолетов внесут свой вклад в борьбу с вредителями (в то время на Кубани свирепствовал малярийный комар) [1, с. 99]. Управление ОБВ располагалось в Краснодаре на улице Гоголя 42, а личный состав — на квартирах в Краснодаре и станице Пашковской. В конце года общество имело около двадцати самолетов, и на его основе была образована Пашковская авиабаза, начальником которой стал А. И. Чебриков. Летный состав пополнялся выпускниками Батайской школы.

В конце 1933 г. авиабаза переместилась на место современного расположения

аэропорта, где были построены два ангара вместимостью по 30 самолетов, служебные, складские и ремонтные помещения. Приказом по авиаотряду за каждым самолетом закреплялся летчик и техник. В 1934 г. [6] базу переименовали в 218 Пашковский авиаотряд специализации гражданского воздушного флота с переоборудованием части авиационной техники под пассажирские перевозки. В том же году было организовано Горлагенство и начали производиться регулярные пассажирские и почтовые перевозки до 40 посадок в день на самолетах У-2, ПР-5 (конструктора Рафаэлянца) из Краснодара в Сочи, Анапу, Майкоп, Белореченск, Тихорецк, Темрюк и другие населенные пункты Северного Кавказа.

С весны 1935 г. на аэродроме стала действовать Авиационная метеорологическая гражданская станция, и начался прием метеорологических сводок и составление прогнозов погоды для обеспечения полетов. Первым синоптиком являлась Ольга Захаровна Дмитриенко, техниками-наблюдателями — Т. Н. Смирнова и Н. С. Кузнецова. Требования, направленные на обеспечение безопасности при выполнении полетов выходили на первый план. К концу года самолетный парк авиаотряда составлял около 30 машин.

В декабре 1936 г. в станице Пашковской создается колхозно-казачий филиал летной школы — сельскохозяйственная авиашкола, начальником школы был тов. Тыщенко [8, л. 313]. К 1937 г. отряд стал одним из крупных на Северном Кавказе и насчитывал около шестидесяти самолетов. И. Н. Школьников был назначен в Батайскую авиационную школу на должность начальника летной подготовки, начальником отряда стал М. В. Шнарович, в конце 1939 г. его сменил И. Ф. Исаев.

В 1940 г. совместно с крайздравотделом на самолетах с закрытой кабиной У-2Л для оказания скорой медицинской помощи жителям края в отряде было образовано санитарное звено. Кроме того, в Приморско-Ахтарске два летных экипажа встали на дежурство для обслуживания рыболовецких бригад.

Перевозки пассажиров ежегодно увеличивались, и к началу 1941 г. составляли 120–140 человек в день.

Основными задачами авиаотряда были:

- опыление ядохимикатами мест, зараженных азиатской саранчой;

- уничтожение полевых грызунов — разносчиков чумы;

- опыление водоемов и мест, зараженных личинками малярийного комара;

- сеяние риса, сверхзрелых колосовых, многолетних трав;

- обработка фруктовых садов и виноградников;

- выполнение пассажирских и транспортных (в том числе почтовых) перевозок;

- санитарные перевозки больных;

- связь и оказание помощи рыболовецким бригадам Приморско-Ахтарского рыбзавода;

- увлекательные воздушные прогулки по праздникам.

С началом Великой Отечественной войны многие члены летно-технического состава отряда были призваны в ВВС, остальные выполняли задачи военного времени, подчиняясь командующему Краснодарским гарнизоном генерал-майору Карпу Николаевичу Степанову.

В ноябре 1941 г. Краснодарский авиаотряд преобразовался в 3-ю авиационную эскадрилью особой Северокавказской авиагруппы [5] и вошел в состав 44-й Армии (командующий военно-воздушными силами Нанейшвили Владимир Варденович). Командиром был назначен М. В. Шнарович, заместителем по политчасти — Г. Королев, старшим инженером инженерно-авиационной службы — Н. Толстов. Авиационная эскадрилья приняла военную присягу и приступила к прифронтовой работе. 10 самолетов были переоборудованы для ночных полетов, на 5 — поставлены дополнительные топливные баки, обеспечивающие 8–10 часовые беспосадочные полеты. Проведены теоретические и практические занятия с летными экипажами по выполнению ночных полетов, правилам обращения с парашютом. Летчикам и техникам были присвоены воинские звания младших лейтенантов.

В конце декабря 1941 г. третье звено Семёна Киселева в составе пяти экипажей перебазировалось на аэродром у станицы Крымской. Полеты выполнялись днем и ночью.

1 января 1942 г. звено переместилось в Крым на аэродром Семь-Колодезей, при этом боевые действия эскадрильи в Крыму продолжались до мая. Семен Киселев загнал истребитель Люфтваффе в гору [3, с. 35], однако позднее сам он был сбит над Керченским проливом. Был сбит также Василий Бондаренко (второй раз под Туапсе в 1943 г.).

Основными задачами отряда были обеспечение связи с частями, бомбометание по военным объектам, материально-техническое обеспечение войск в Крыму и вывоз оттуда раненных, а также ведение разведки и сбрасывание листовок.

В апреле эскадрилья перебазировалась из Крыма на аэродром Пашковский. 7 августа 1942 г., при приближении фашистов к Краснодару, отряд переместился на аэродром Адлер, где находился по март 1943 г. После вхождения авиаэскадрильи в состав особой Закавказской авиагруппы, она была переименована в 4-ю, командиром при этом остался И. Исаев.

В горах одной из ответственных задач для эскадрильи была доставка 8 тонн боеприпасов, продовольствия и медикаментов на высокогорную (2100 м) стометровую площадку Анджары. Другой — доставка материально-технических средств крымским партизанам. Решением этой задачи занималось в основном звено П. Васильева с выполнением промежуточной посадки в Агое.

Весной 1943 г. командование 8-го отделения авиаполка, в состав которого входила 4(3)-я авиаэскадрилья, получило распоряжение о формировании эскадрильи на Центральный фронт, куда попала часть краснодарцев. Пролетев 1620 километров с несколькими промежуточными посадками, эскадрилья приземлилась у села Крутое, недалеко от ельца. Вошедшие в состав 13 отдельного авиационного полка пилоты с марта по ноябрь 1943 г. выполняли боевые задачи армии, а впоследствии оказывали помощь партизанам на Брянщине. Свой боевой путь летчики прошли в составе Центрального, Калинин-

ского, Брянского, Орлово-Курского фронтов. Победу краснодарцы встретили в составе 2-го Прибалтийского фронта в Брадыни-Цесис.

В марте 1943 г. после освобождения Краснодара советскими войсками на базе аэропорта из части вернувшихся из Адлера краснодарцев создается авиационное звено из шести самолетов, переданных Грузинским управлением Гражданской авиации. Начинается возрождение аэропорта, восстановление разрушенных объектов аэродрома. Начальником аэропорта был назначен М. Кунашев, командиром звена — П. Таранов, пилотами — И. Васильев, В. Иваницкий, С. Киселев, П. Лапин; техниками — П. Пархоменко, П. Теслов, В. Черепанов. Возобновилась работа по восстановлению хозяйства и оказания помощи фронту.

После расформирования 97-го авиаполка и 1-й эскадрильи гражданского воздушного флота краснодарцы, воевавшие в их составе, были направлены в краснодарский авиаотряд, которому 23 июня 1945 г. приказом начальника Главного управления гражданского воздушного флота восстановлен номер — 218. В октябре было назначено руководство отряда: командир — М. Шнаревич, зам. по политчасти — Г. Королев, начальник штаба — В. Филипов, старший инженер — В. Толстов. Началась послевоенная летная работа.

Осенью 1960 г. в Краснодарском крае проходили тренировки первопроходцев космоса Ю. Гагарин, В. Быковский, Г. Нелюбов, А. Николаев, П. Попович, Г. Титов, о чем напоминает памятная барельефная доска в Краснодарском аэропорту на здании управления предприятия, где они проживали.

Таким образом, высказанные И. И. Сикорским в далеком 1913 г. мысли об использовании аэропланов для гражданских целей [4, с. 154–155], начали воплощаться в Советском Союзе с 1923 г. Эти преобразования коснулись и Кавказа. Появляется сельскохозяйственная, пассажирская, санитарная авиация, строятся аэропорты.

Использованная литература:

1. История отечественной гражданской авиации. М.: Воздушный транспорт, 1996.
2. Красное знамя. 1931. 25 июля // Центр доку-

References:

1. *Istoriya otechestvennoy grazhdanskoy aviatsii [The History of National Civil Aviation]*, Moscow: Vozdushnyy transport, 1996.

ментации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 74.

3. Литченко В. Люди и небо. Краснодар: Советская Кубань, 1998.

4. Образцов П., Шенгелевич М. Русские гении за рубежом. Зворыкин и Сикорский. М.: Ломоносов, 2014.

5. Перечни вхождения соединений и частей РККА в состав Действующей армии в период 1939-45 гг. Перечень № 36 Управления авиационных соединений, частей и подразделений Гражданского Воздушного Флота входивших в состав действующей армии в период 1939-45 гг. [Электронный ресурс] // *soldat.ru*. URL: <http://soldat.ru/files/f/000008c8.part1.rar> (дата обращения 15.12.18).

6. Постановление СНК СССР от 19.05.1934 N 1180 «О реорганизации органов управления гражданского воздушного флота» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=30505#05616229773057086> (дата обращения 15.12.18).

7. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 29. Оп. 3. Д. 34.

8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 41.

2. Krasnoe znamya [Red Banner], July 25, 1931, in *Documentation Centre of the Modern History of the Krasnodar Region (TsDNIKK)*, Fund 1072, Inventory 1, File 74.

3. Litchenko V. *Lyudi i nebo [People and Sky]*, Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1998.

4. Obrastsov P., Shengelevich M. *Russkie genii za rubezhom. Zvorykin i Sikorskiy [Russian Geniuses Abroad. Zworykin and Sikorskiy]*, Moscow: Lomonosov, 2014.

5. Perechni vkhozhdeniya soedineniy i chastey RKKA v sostav Deystvuyushchey armii v period 1939-45 godov. Perechen' № 36 Upravleniya aviatsionnykh soedineniy, chastey i podrazdeleniy Grazhdanskogo Vozdushnogo Flota vkhodivshikh v sostav Deystvuyushchey armii v period 1939-45 godov [Lists of Joining of Formations and Units of the Red Army in the Structure of the Army in the Period of 1939-1945. List No. 36 of the Directorate of Aviation Formations, Units and Subunits of the Civil Air Fleet, Which Were Part of the Army in Force in the Period 1939-45], in *soldat.ru*. <http://soldat.ru/files/f/000008c8.part1.rar> Accessed December 15, 2018.

6. Postanovlenie Sovyeta Narodnykh Komissarov SSSR ot 19.05.1934 N 1180 "O reorganizatsii organov upravleniya grazhdanskogo vozdushnogo flota" [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of May 19, 1934 No. 1180 "On the Reorganization of the Governing Bodies of the Civil air Fleet"], in *Spravochnaya pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus"*. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=30505#05616229773057086>. Accessed December 15, 2018.

7. *Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMORF)*, Fund 29, Inventory 3, File 34.

8. *Documentation Centre of the Modern History of the Krasnodar Region (TsDNIKK)*, Fund 2013, Inventory 1, File 41.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кушнерёв, В. В. Ранние этапы истории краснодарского авиаотряда (1932–1945) [Электронный ресурс] / В. В. Кушнерёв // *Наследие веков*. – 2019. – № 1. – С. 98–102. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Kushnaryov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kushneryov, V. V., Ranniye etapy istorii krasnodarskogo aviaotryada (1932–1945) [The Early Stages of the History of the Krasnodar Squadron (1932–1945)], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 98–102. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Kushnaryov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

БОНДАРЬ Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
начальник отдела изучения культурного наследия
и экспертной деятельности Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева

Краснодар, Россия

Vitaly V. BONDAR

Cand. Sci. (National History), Leading Researcher,
Head of Department for the Study of Cultural Heritage and Expert
Activities, Southern Branch of the Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage,

Krasnodar, Russia

bonvita@yandex.ru

УДК 719:711(470.62-25)

ГРНТИ 13.61.11

ВАК 24.00.03

К характеристике культурного ландшафта Краснодара: эволюция планировочной структуры исторического центра города¹

To the Characteristics of the Cultural Landscape of Krasnodar: the Evolution of the Planning Structure of the Historic Centre

Статья представляет собой основанную на результатах анализа картографических источников реконструкцию процессов формирования композиционной основы современного культурного ландшафта исторического центра Екатеринодара-Краснодара с момента возникновения города до настоящего времени. Хроника планировочной эволюции сопровождается характеристикой основных этапов территориального роста и трансформаций первоначальной регулярной ортогональной сетки кварталов исторического ядра города и

The article is based on the results of the analysis of cartographic sources reconstruction of the processes of formation of the compositional basis of the modern cultural landscape of the historical center of Ekaterinodar-Krasnodar since the inception of the city to the present time. The chronicle of planning evolution is accompanied by the characteristic of the main stages of territorial growth and transformations of the initial regular orthogonal grid of the historical core of the city and the surrounding residential part of the local areas. It is concluded that the formation of the planning struc-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по теме 1.34 «Культурные ландшафты исторических поселений Северо-Западного Кавказа».

прилегающих к его селитебной части локальных территорий. Установлено, что формирование планировочной структуры Краснодара в пределах территории обследования было в целом завершено в конце 1930-х–1941 г. В дальнейшем сложившая композиция подвергалась лишь незначительным трансформациям. В настоящее время планировочная композиция исторического ядра Краснодара и локальные планировочные структуры ряда прилегающих к нему территорий сохраняют значение основы исторического культурного ландшафта и пространственной организации центральной части города и служат важнейшими компонентами её подлинной историко-градостроительной среды. Результаты исследования выступают одним из оснований установления, в соответствии с действующим законодательством, предмета охраны исторического поселения город Краснодар.

Ключевые слова: Екатеринодар, Краснодар, Карасунский кут, город, исторический центр, регулярная ортогональная планировка, композиционная ось, культурный ландшафт, историческое поселение.

ture of Krasnodar within the survey area was generally completed in the late 1930s – 1941. In the future, the folded composition was subjected to only minor transformations. At present, the planning composition of the historical core of Krasnodar and the local planning structures of a number of adjacent territories retain their significance as the basis of the historical cultural landscape and the spatial organization of the central part of the city and serve as essential components of its true historical and urban planning environment. The results of the research are one of the grounds for establishing the subject of protection of the historical settlement of the city of Krasnodar in accordance with the current legislation.

Keywords: Ekaterinodar, Krasnodar, Karasunsky Kut, city, historical center, regular orthogonal planning, compositional axis, cultural landscape, historical settlement.

Черноморские казаки-первопоселенцы начали осваивать территорию основанного ими войскового города Екатеринодара с юго-восточной части урочища Карасунский кут, по правому берегу реки Карасун при впадении её в Кубань и на расстоянии нескольких сот метров к западу и северу от этого места. На этой небольшой территории сложилась первоначальная селитебная и одновременно административная зона войскового центра. Достаточных сведений о характере первичной застройки нет, но, судя по плану города, приведенному в составленном в 1799 году землемером П. Чуйко рукописном «Атласе Новороссийской губернии», она была хаотичной [24, л. 39].

В сентябре 1794 — январе 1795 гг. Карасунский кут был разбит на кварталы в соответствии с планом, утвержденным Таврическим губернатором [6, л. 56; 7, л. 79]. Территория урочища в пространстве между рекой Карасун на востоке, рекой Кубань на западе, кубанской поймой на юге и до условной границы на севере, проходившей примерно по линии современной улицы им. Горького была разделена прямыми улицами по принципу «гипподамовой решетки»: ритмично расположенные улицы, проходящие с юга на север

(общий азимут 12°), под прямым углом пересекаются с также ритмично расположенными улицами, проходящими с востока на запад, образуя квадратные в плане или приближенные к квадрату кварталы. По восточной, южной и западной границам территории форма кварталов соответствовала линиям примыкания пойм Карасуна и Кубани.

Самый ранний из известных планов города, датированный мартом 1795 года, дает представление о первоначальном композиционном замысле [25]. Под центральную площадь с предполагаемым на ней храмом был определен квартал между нынешними улицами (на тот момент улицы названий не имели) Красной, Красноармейской, Гимназической и им. Ленина, то есть там, где через два десятилетия был устроен рынок, а с середины XIX века формировалась Соборная площадь с войсковым собором Александра Невского в центре (ныне это сквер имени Г.К. Жукова). Эта площадь, согласно плану, находилась почти в центре сетки кварталов, на равном расстоянии от западной и восточной оконечностей распланированной части Карасунского кута; от северной границы, обозначенной по линии нынешней улицы им. Горького, площадь отстояла на четыре квартала, от юж-

ной, показанной по линии нынешней улицы им. Пушкина — на пять кварталов. По диагоналям от центральной площади, на равных от нее расстояниях были запланированы еще четыре площади: к юго-западу, в квартале между нынешними улицами Октябрьской, Рашпилевской, Мира и им. Орджоникидзе (где позже находились Сенная площадь и Старый базар, а ныне сквер Дружбы), в юго-восточном направлении — площадь, позже названная Екатерининской (по расположенной здесь с 1814 года церкви Св. Екатерины), между улицами Коммунаров, им. Седина, Мира и Орджоникидзе, к северо-западу — квартал между улицами Октябрьской, Рашпилевской, им. Гоголя и Карасунской, к северо-востоку — квартал, образованный улицами Коммунаров, Седина, им. Гоголя и Карасунской. Очевидно, таким путем — устройством центральной и четырех равноудаленных от нее второстепенных площадей, расположенных по углам квадрата, стороны которого составляли по пять кварталов, — была предпринята попытка сформировать композиционное ядро города. В этой композиции выделялась помещавшаяся по центральной оси юго-северного направления и примыкавшая к будущей крепостной эспланаде базарная площадь в квартале между нынешними улицами Красной, Красноармейской, им. Пушкина и Советской, с периметральным, по типу гостиного двора, расположением куренных лавок. Базарная и лавочная торговля были открыты здесь в 1798 году [8, л. 146–147].

Первоначальный план был воплощен лишь частично: в последующие годы оформились (и существуют до сих пор) лишь три из пяти предполагавшихся площадей: центральная и две других, расположенные к юго-востоку и юго-западу от нее. Крестовая композиция ядра Екатеринодара не состоялась, вместо нее в рамках той же ортогональной сетки кварталов сложилась линейная, с главной композиционной осью — улицей Красной. Причинами, видимо, послужили два обстоятельства. Первое — возможность территориального роста города исключительно в северном направлении, что было обусловлено ландшафтными качествами Карасунского кута, и второе — расположением построенной

в 1795–1797 гг. крепости, занявшей пространство к северу от границы поймы и первой надпойменной террасы и на расстоянии одного квартала к югу от распланированной территории города. Стороны (куртины с угловыми и срединными бастионами) этой земляной, квадратной в плане крепости были равны длиной трем городским кварталам. Ее центральная ось совпадала с линией улицы Красной, к которой, через эспланаду, были обращены северные ворота. Из этого следует, что крепость была смещена к западу относительно изначально предполагавшейся оси юго-северного направления, где изначально была запланирована центральная площадь с храмом. Войсковой Воскресенский собор был возведен не в этом квартале, а в центре крепостной площади, также по линии улицы Красной, которая приобрела значение композиционной оси городской территории.

Названными обстоятельствами был обусловлен линейный характер композиции исторического центра Екатеринодара-Краснодара.

К началу 1820-х годов Екатеринодар территориально увеличился в северном направлении на два квартала по всей ширине, примерно до нынешней Длинной улицы. Как следует из планов города 1818 и 1819 годов, площадь между селитебной территорией и крепостью оставалась незастроенной, а из ста тридцати девяти кварталов «пустопорожними» оставались лишь несколько, включая будущую Сенную площадь в квартале между нынешними улицами Октябрьской, Рашпилевской, Мира и им. Орджоникидзе. На центральной площади разместился «Новоторгующий рынок», а в середине расположенной к юго-востоку от него площади с 1814 года стояла церковь Св. Екатерины. Еще одна площадь, на которой, на плане 1818 года, показан храм Св. Дмитрия, обозначена в квартале между улицами Коммунаров, им. Седина, Карасунской и Чапаева, но доказательства фактического существования храма в этом месте отсутствуют [2].

В 1830-х годах вне сети кварталов, в кубанской пойме, к югу от крепости, сформировался небольшой форштадт, именовавшийся Солдатской слободкой, а позже — поселком Форштадт. Судя по картографическим дан-

ным, жилища, которых насчитывалось не более трех десятков, размещались здесь по линии «запад — восток», параллельно обрыву надпойменной террасы. К началу 1860-х годов этот посёлок, располагавшийся фактически на кордонной линии и не имевший никакого прикрытия на случай нападения неприятеля на город, был снесён [9, с. 113].

На протяжении всей дореволюционной истории Екатеринодара его территориальное развитие согласовывалось, за несколькими незначительными исключениями, с заложенным при первоначальном межевании принципом ортогональной планировки: новые кварталы образовывались путем продления существующих улиц и устройства им перпендикулярных.

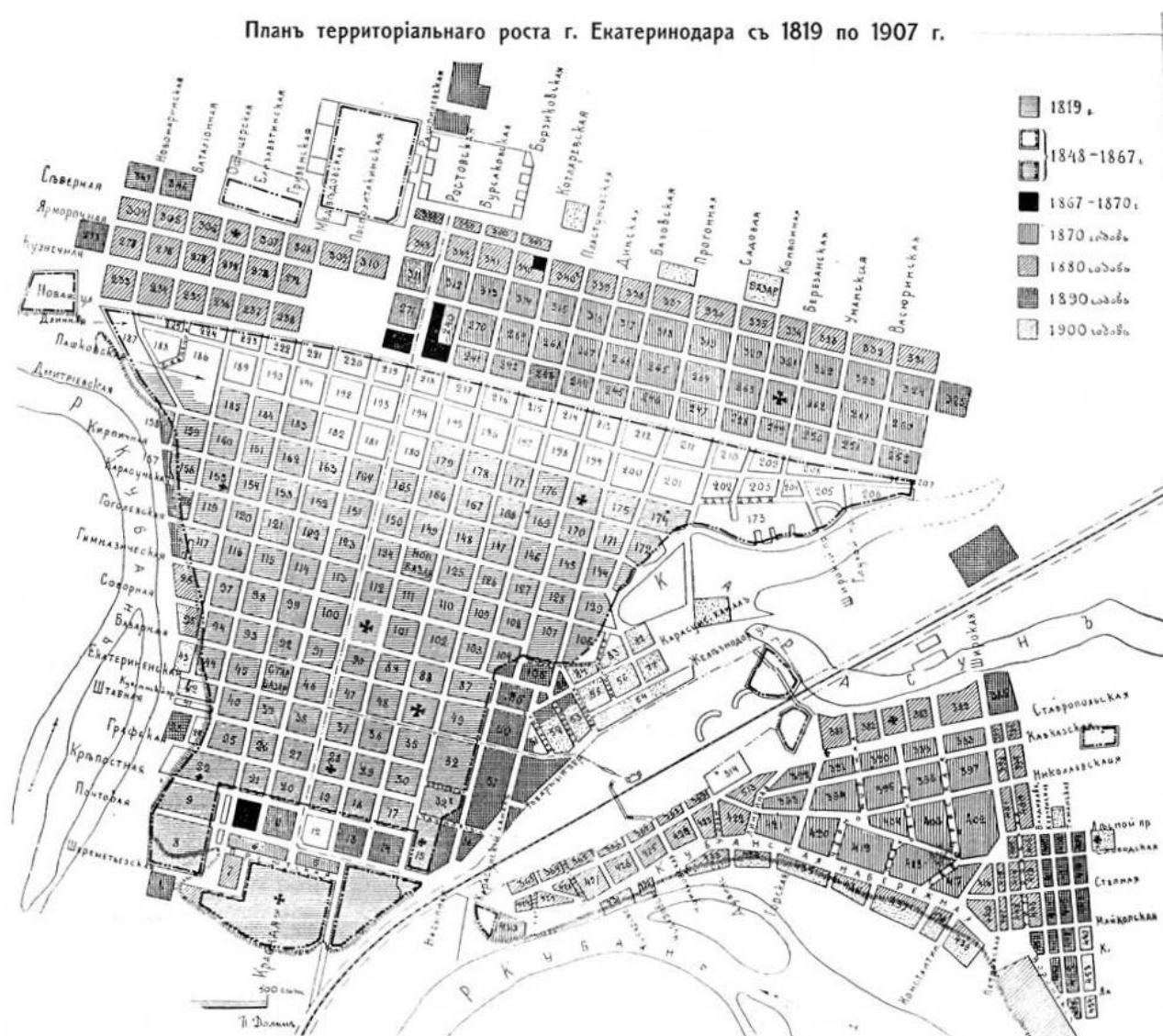
Площадь внутри кварталов разделялась на дворы, представлявшие собой городские усадьбы, включавшие собственно жилище, надворные постройки, сад и огород. Большинство кварталов делилось (предположительно, заборами) на две равные части линией юго-северного направления; каждая из этих частей, в свою очередь, разделялась на четыре-пять дворов. Этот факт зафиксирован составленным в 1848 году землемером прапорщиком Яновым «Планом города Екатеринодара с окрестностью» [5].

Процессы территориально-пространственного развития Екатеринодара и Краснодара были предметом исследований П. В. Миронова, который в работе «Территориальный рост гор. Екатеринодара» на основании имевшегося в его распоряжении картографического материала проследил рост города от 1819 года до первых лет XX века и отразил основные этапы на прилагаемом к статье плане с пронумерованными кварталами [15]. Согласно результатам изысканий П. В. Миронова, в период своего существования в статусе войскового города Екатеринодар рос очень медленно: за несколько десятилетий территория города увеличилась лишь на один квартал к северу — до нынешней улицы им. Буденного (бывшей Новой). Форма нескольких кварталов по северо-западной (кварталы № 186–188, 221–225) и восточной (№ 173, 200–212) оконечностей города отличалась от «стандартной», что объясняется,

по-видимому, понижениями рельефа в местах примыкания к кубанскому и карасунскому берегам. Значительный рост территории произошёл после обращения города из войскового в гражданский в 1867 г. и последовавшего за этим введения в 1870 году «Правил об отводе пустопорожних мест в городе Екатеринодаре для частных построек». В 1870–1880-х гг. были распланированы и отданы под застройку так называемые «прирезки» и территории к юго-востоку от исторического ядра, за рекой Карасун. «Северную прирезку» и «Северо-западную прирезку», как обозначил эти территории П. В. Миронов, составили кварталы, образованные путем продления улиц юго-северного направления и прокладки от старой границы города перпендикулярных им трех новых улиц: Кузнечной (ныне — им. Калинина, часть улицы к западу от ул. Красной), Ярмарочной (ныне — им. Головатого) и Северной; к 1890-м годам наметились линии нынешних улиц Новокузнечной и нынешней улицы им. Хакурате, которая на тот момент именовалась «Степной». Территория города сомкнулась с возникшим еще в 1830–1840-х годах Всесвятским кладбищем, имевшим прямоугольный, протяженный в юго-северном направлении, план, ориентацию сторон, аналогичную направлениям улиц города, и занимавшим пространство, равное примерно шести кварталам [3, с. 31, 35]. Новые кварталы соответствовали исторически сложившейся ортогональной планировочной сетке [15, с. 89].

Главная улица города — Красная — при продлении на север от Новой (ныне им. Буденного) была расширена, по ее центральной оси был устроен бульвар. В последующие десятилетия, вплоть до конца 1960-х годов, бульвар распространялся далее на север синхронно росту протяженности улицы. Севернее улицы Новой (ныне им. Буденного) Красная именовалась поначалу Ростовской, позже также был назван и бульвар, в дальнейшем он стал Шевченковским, а улица, по всей длине — Красной [14, с. 172].

В эти же годы сложилась регулярная планировка Городского сада, возникшего еще в середине века как войсковой сад-питомник, и занимавшего пространство между быв-

План территориального роста г. Екатеринодара (1819-1907 гг.)
(из работы П. В. Миронова [15])

шей крепостью и полотном железной дороги — композиционно сложное, подчиненное функциональному назначению территории, сочетание нескольких прямых аллей западно-восточного направления с диагональными «лучами».

После срытия в 1872 году валов упраздненной Екатеринодарской крепости бывшая эспланада была сокращена на один квартал с запада и названа Крепостной площадью (так же, как ранее именовалась площадь внутри крепости). Эта площадь, судя по плану города 1888 года, разделялась по линии Красной улицы небольшим бульваром, а на ее восточной оконечности были отведены два квартала под застройку [18]. В 1894 г. в западной части

нового квартала между улицами Бурсаковской, Борзиковской, Почтовой и Крепостной (ныне соответственно улицы Красноармейская, Коммунаров, Постовая и им. Пушкина) был построен Дворец наказного атамана Кубанского казачьего войска и начальника Кубанской области, а пространство за ним в пределах квартала занял дворцовый парк [1, с. 83-86; 13, с. 83-86]. Пространство между атаманским дворцом и Красной улицей осталось незастроенным до 1904 года, когда здесь был разбит Атаманский сквер. К 1907 году, когда в центре сквера был установлен памятник императрице Екатерине Великой, здесь уже существовала сеть коротких аллей и пешеходных троп [16, с. 87, 89].

Площадь, равную четырем кварталам, на новых городских территориях занял Сенной базар, вписанный в планировочную структуру города — между улицами Новой (ныне им. Буденного) на юге, Ярмарочной (ныне им. В. Головатого) на севере, Медведовской (ныне им. Кирова) на западе и Рашпилевской на востоке [23, с. 26–27]. Проезды внутри базарной площади соответствовали линиям улиц Кузнечной (ныне им. Калинина) и Пospолитакинской (ныне Октябрьская) и впоследствии разделили рынок.

В «Закарасунской» части Екатеринодара, где в 1870–1880-х гг. было заложено 56 кварталов, принцип ортогональности был несколько нарушен, что было обусловлено, очевидно, двумя причинами: криволинейными очертаниями кубанского берега и тем, что проведенные здесь улицы не были продолжением улиц исторического центра. В этом районе, отделенном от основной части города, помимо северного потока Карасуна, линией Владикавказской железной дороги, проведенной в конце 1880-х годов, постепенно сформировалась самостоятельная планировочная композиция, приближенная к ортогональной. На некотором удалении от новых кварталов к востоку возникло Дубинское кладбище [17, прил.; 19]

В 1890-х — 1900-х гг. были распланированы и отданы под застройку территории к западу и востоку от старой части города и на Дубинке (в «Закарасунье»). К северо-западной части города теперь примыкал не включенный в сетку кварталов участок артиллерийской батареи, западнее него возник небольшой район кожевенных заводов, где по обе стороны параллельной правому кубанскому берегу улицы Кожевенной, протянувшейся по линии «юго-запад — северо-восток» расположились несколько кварталов. Два квартала, приближенных по форме к прямоугольнику, примыкающих к берегу и вытянутых вдоль него, были заняты собственно заводами, кварталы же по другую сторону улицы, к северо-западу, были прямоугольными и располагались рядами. Эта новая часть города, как и Дубинка, не была прямым развитием планировочной композиции центральной части Екатеринодара, хотя и имела признаки ортогональности [19].

Несколько кварталов возникло на месте бывшего карасунского русла — между старой частью города и железной дорогой. Территория к востоку от бывшего правого берега Карасуна, где была проведена улица Насыпная (ныне им. Гудимы), до Карасунского канала была вписана в историческую планировочную сетку, хотя размеры и очертания кварталов в силу ландшафтных условий соответствовали ей не полностью. Восточнее Карасунского канала и Базовской улицы принцип ортогональности был нарушен: оконечности старых прямых екатеринодарских улиц Базарной и Соборной поворачивали к юго-востоку и доходили до восточного продолжения Екатерининской, упиравшейся в железнодорожную станцию Екатеринодар. Территория к северу и северо-востоку от этого места была разделена на кварталы параллельными железной дороге верхней частью Карасунского канала, улицей Железнодорожной, Дмитриевской дамбой и несколькими перпендикулярными им переулками. Размер и ритм новых кварталов были близки к историческим, но расположение их по отношению к старой уличной сетке было диагональным. Эта планировочная композиция в последующие годы распространилась на территорию к северо-востоку от Дмитриевской дамбы, до линии Черноморской железной дороги.

В начале XX столетия сложилась регулярная планировка Всесвятского кладбища, представлявшая собой композицию с центральной осью — аллеей юго-северного направления, несколькими перпендикулярными ей аллеями и двумя диагональными, расходящимися от южного входа в кладбище. Почти в географическом центре территории, при пересечении осевой и центральной поперечной аллеи была сформирована небольшая площадь, на которой располагался кладбищенский храм [11].

Плотная ортогональная сеть мелких кварталов, ориентированных, почти точно по сторонам света, возникла к началу второго десятилетия нового века в восточной, «закарасунской» части города, к востоку от исторической части предместья Дубинка и югу от улицы Ставропольской [20].

К первой половине 1920-х годов, судя по планам города (теперь уже Краснодара), после значительного продления улицы Кузнечной (ныне эта часть улицы носит имя Калинина) на запад, к северу от нее и к западу от Всесвятского кладбища сформировался новый участок городской территории. [10, 21, 22]. Его планировка, в отличие от расположенных к югу кварталов кожевенных заводов, соответствовала исторической планировочной композиции города.

Формирование планировочной структуры Краснодара в пределах территории обследования, то есть в границах исторического поселения город Краснодар, установленных Законом Краснодарского края от 6 февраля 2003 г. № 558-КЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края», было в целом завершено в конце 1930-х — 1941 г., когда квартальная сетка распространилась до улицы им. Бабушкина на севере [26].

В дальнейшем сложившая композиция подвергалась лишь незначительным транс-

формациям. Утраты исторической трассировки улиц составляют смещение к югу линии ул. Орджоникидзе (бывшей Базарной) на участке между Рашпилевской и Красной (в 1960-х годах), устройство Площади Труда (ныне также утраченной) на рубеже 1960–1970-х гг. на месте бывшего начального (крайнего южного) квартального отрезка улицы Красной и демонтаж дорожного полотна улицы Красной на отрезке между улицами Постовой и Советской с устройством обширной площади [4; 12].

На сегодняшний день планировочная композиция исторического ядра Краснодара и локальные планировочные структуры территорий, возникших позже на месте осушенных участков русла Карасуна и прирусловой территории — районы ул. им. Суворова, железнодорожного вокзала и Покровских озер, а также в закарасунской части города Дубинке, сохраняют значение основы исторического культурного ландшафта и пространственной организации центральной части города и служат важнейшими компонентами её подлинной историко-градостроительной среды.

Использованная литература:

1. Бардадым В. П. Дворец наказного атамана // Бардадым В. П. Архитектура Екатеринодара. Краснодар: Лебедев Ю. Ю., 2009.
2. Бондарь В. В. Две церкви во имя Святого Дмитрия Ростовского в Екатеринодаре // Кубанское казачество: три века исторического пути: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г.). Краснодар: б.и., 1996. С. 25–27.
3. Бондарь В. В. Историческое Всесвятское кладбище в Краснодаре // Фелицынские чтения (XV): Провинциальный город в социокультурном пространстве XVIII - XXI вв. Материалы региональной северокавказской науч.-практ. конф. (Краснодар, 29–31 октября 2013 г.). Краснодар: Вика-Принт, 2014. С. 30–45.
4. Бондарь В. В. Краснодар: судьба старого центра. К проблеме современного кризиса историко-архитектурного облика города. Краснодар: Издатель Игорь Платонов, 2007.
5. Государственный архив Краснодарского края. Коллекция «Географические и специальные карты Северного Кавказа». Д. 113.
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3.
7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 250. Д. 24.

References:

1. Bardadym, V. P., Dvoretz nakaznogo atamana [Palace of the Appointed Ataman], in *Bardadym, V. P., Arkhitektura Ekaterinodara*, Krasnodar: Lebedev Yu. Yu., 2009.
2. Bondar, V. V., Dve tserkvi vo imya Svyatogo Dmitriya Rostovskogo v Ekaterinodare [Two Churches in the Name of St. Dmitry of Rostov in Ekaterinodar], in *Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti: Proc. Int. Research-to-Practice Conf. (Stanitsa Poltavskaya, the Krasnodar Region, 23–27 September, 1996)*, Krasnodar: no publ., 1996. pp. 25–27.
3. Bondar, V. V., Istoricheskoe Vsesvyatskoe kladbishche v Krasnodare [The Historical Vsesvyatskoye Cemetery in Krasnodar], in *Felitsynskie chteniya (15th): Provintsial'nyy gorod v sotsiokul'turnom prostranstve 18th - 21th vekov, Proc. Regional North-Caucasian Research-to-Practice Conf. (Krasnodar, 29–31 October, 2013)*, Krasnodar: Vika-Print, 2014, pp. 30–45.
4. Bondar, V. V., *Krasnodar: sud'ba starogo tsentra. K probleme sovremennogo krizisa istoriko-arkhitekturnogo oblika goroda* [Krasnodar: the Fate of the Old Center. To the Problem of the Current Crisis of the Historical and Architectural Appearance of the City], Krasnodar: Izdatel' Igor' Platonov, 2007.
5. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK], Collection „Geograficheskie i spetsial'nye karty Severnogo Kavkaza“, File 113.*

8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 250. Оп. 1. Д. 52.
9. Екатеринодар - Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793 - 1993]: материалы к летописи / сост. А. М. Авраменко. Краснодар: кн. изд-во, 1993.
10. Карта города Краснодара и его окрестностей. На 28 листах / Сост. И. А. Лебедев. Краснодар: Изд-е Краснодарского отдела коммунального хоз-ва, 1929.
11. Карта Кубанской области и близких к ней Черноморской губернии и части Сухумского округа. 1900 - 1902 г. / Сост. Н. С. Иваненков. СПб.: б.и., б.г., [Фрагмент - План г. Екатеринодара].
12. Краснодар. Схема-путеводитель. Краснодар: Кн. изд-во, 1974.
13. Кубань и Черноморье. Краснодар: Глав. тип. Кубполиграфа, 1927.
14. Мирный И. А. Прошлое и настоящее улиц города. Екатеринодар-Краснодар: краткий топонимический словарь. Краснодар: Книга, 2012.
15. Миронов П. В. Территориальный рост гор. Екатеринодара // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 4. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1909. С. 73-89.
16. Никишова М. Г. Устроитель Екатерининского сквера В. Г. Часовников // Екатеринодр-Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., (Краснодар, 12 мая 2007 г.) Краснодар: [б.и.], 2007. С. 87-92.
17. План города Екатеринодара // Апостолов Л. Я. Географический очерк Кубанской области. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1897. Прил.
18. План города Екатеринодара, изданный действительным членом Кубанского Статистического комитета Е. Д. Фелицыным. Воронеж: Типо-литография В. И. Исаева, 1888.
19. План города Екатеринодара Кубанской области в масштабе 100 саж. в английском дюйме / Сост. Е. Д. Фелицын. [Екатеринодар]: Изд. Е. Д. Фелицына, 1900.
20. План города Екатеринодара. Чертил, составил и издал Н. С. Иваненков. б/м, б/г [Екатеринодар, 1912].
21. План г. Краснодара. Составлен по съемкам Северо-Кавказского округа высшего геодезического управления. 1924-1925. б/м, б/г.
22. План гор. Краснодара и окрестностей в пределах городских земель. Изд. партийно-кооперативного изд-ва «Буревестник». Б/м, 1923;
23. Собрание А. С. Екатеринодарские городские базары (К истории и города Екатеринодара). Екатеринодар: Типо-литогр. Э. Килиус и Ко, 1897.
24. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд Военно-ученый архив. № 20159. Ч. 2.
25. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Военно-ученый архив. Д. 21924.
26. Krasnodar. Luftwaffenfuhrungsstab. 29.4.42 [Аэрофотосъемка 29.03.1942 г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wwii-photos-maps.com/targetrussia/citynamesbeginningk/citynames-kras-kros/slides/Krasnodar%20%20025.html>. (дата обращения: 29.08.17).
6. State Archives of the Krasnodar Region [GAKK], Fund 250, Inventory 1, File 3.
7. State Archives of the Krasnodar Region [GAKK], Fund 250, Inventory 1, File 24.
8. State Archives of the Krasnodar Region [GAKK], Fund 250, Inventory 1, File 52.
9. *Ekaterinodar — Krasnodar: dva veka goroda v datah, sobytijah, vospominaniyah (1793-1993): materialy k letopisi* [Ekaterinodar-Krasnodar: Two Centuries of the City in Dates, Events, Memories [1793-1993]: Materials for the Chronicle], Avramenko, A. M., Comp., Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993.
10. *Karta goroda Krasnodara i ego okrestnostey. Na 28 listakh* [Map of the City of Krasnodar and Its Environs. 28 Sheets], Lebedev I. A., Comp., Krasnodar: Izdanie Krasnodarskogo otdela kommunal'nogo khozyaystva, 1929.
11. *Karta Kubanskoj oblasti i blizkikh k ney Chernomorskoy gubernii i chasti Sukhumskogo okruga, 1900-1902 god* [Map of the Kuban Region and Close to It the Black Sea Province and Parts of the Sukhum District], Ivanenkov, N. S., Comp., Saint Petersburg: b.i., b.g., [Fragment - Plan goroda Ekaterinodara].
12. *Krasnodar. Skhema-putevoditel'* [Krasnodar. The Scheme Guide], Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1974.
13. *Kuban i Chernomor'e* [Kuban and the Black Sea Region], Krasnodar: Glavnaya tipografia Kubpoligrafa, 1927.
14. *Mirnyy, I. A., Proshloe i nastoyashchee ulits goroda. Ekaterinodar-Krasnodar: kratkiy toponimicheskij slovar'* [Past and Present of the Streets of the City. Ekaterinodar - Krasnodar: a Brief Toponymic Dictionary], Krasnodar: Kniga, 2012.
15. Mironov, P. V., Territorial'nyy rost goroda Ekaterinodara [Territorial Growth of the City of Ekaterinodar], in *Izvestiya Obshchestva lyubiteley izucheniya Kubanskoj oblasti*, vol. 4. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1909, pp. 73-89.
16. Nikishova, M. G., Ustroitel' Ekaterininskogo skvera V. G. Chasovnikov [The Organizer of the Ekaterininsky Square, V. G. Chasovnikov], in *Ekaterinodr-Krasnodar: 140 let gorodskogo samoupravleniya. Istoriya i sovremennost': Proc. Interregional Research-to-Practice Conf. (Krasnodar, 12 May, 2007)*, Krasnodar: [no publ.], 2007, pp. 87-92.
17. *Plan goroda Ekaterinodara* [Plan of the City of Ekaterinodar], in *Apostolov, L.Ya., Geograficheskij ocherk Kubanskoj oblasti*, Tiflis: Tipografia K. P. Kozlovskogo, 1897. Prilozhenie.
18. *Plan goroda Ekaterinodara, izdannyy deystvitel'nyy chlenom Kubanskogo Statisticheskogo komiteta E.D. Felitsynym* [Plan of the City of Ekaterinodar, Published by Full Member of the Kuban Statistical Committee E. D. Felitsyn.], Voronezh: Tipo-litografiya V. I. Isaeva, 1888.
19. *Plan goroda Ekaterinodara Kubanskoj oblasti v masshtabe 100 sazheney v angliyskom dyuyme* [Plan of the City of Ekaterinodar of the Kuban Region on a Scale of 100 Fathoms in the English Inch], Felitsyn, E. D., Comp., [Ekaterinodar]: Izdanie E. D. Felitsyna, 1900.
20. *Plan goroda Ekaterinodara. Chertil, sostavil i izdal N.S. Ivanenkov* [Plan of the City of Ekaterinodar. Drew, Compiled and Published by N. S. Ivanenkov], no place, no publ., [Ekaterinodar, 1912].
21. *Plan goroda Krasnodara. Sostavlen po s'emkam Severo-Kavkazskogo okruga vysshego geodezicheskogo*

upravleniya. 1924-1925 [Plan of Krasnodar. Compiled from the Surveys of the North Caucasus District of the Higher Geodetic Administration. 1924-1925], no place, no publ.

22. *Plan goroda Krasnodara i okrestnostey v predelakh gorodskikh zemel'. Izdanie partiyno-koooperativnogo izdatel'stva „Burevestnik“* [Plan of the City of Krasnodar and the Surrounding Area Within the Urban Land. Edition of the Party-Cooperative Publishing House “Burevestnik”], no place, 1923;

23. Sobrievskiy, A. S., *Ekaterinodarskie gorodskie bazary (K istorii goroda Ekaterinodara)* [Ekaterinodar City Bazaars (On the History of the City Ekaterinodar)], Ekaterinodar: Tipo-litografiya E. Kilius i Ko, 1897.

24. *Russian State Military Historical Archives* [RGVIA], Fund „Voenno-uchenny arkhiv“, no. 20159, Part. 2.

25. *Russian State Military Historical Archives* [RGVIA], Fund „Voenno-uchenny arkhiv“, File 21924.

26. *Krasnodar. Luftwaffenführungsstab. 29.4.42 [Aehrofotos"emka 29.03.1942 goda]* [Krasnodar. Luftwaffe Operations Staff. 29 April, 1942 [Aerial Photography, 29 Mart. 1942]], <http://www.wwii-photos-maps.com/targetrussia/citynamesbeginningk/citynames-kras-kros/slides/Krasnodar%20%20025.html>. Accessed 29 August 2017.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бондарь, В. В. К характеристике культурного ландшафта Краснодара: эволюция планировочной структуры исторического центра города [Электронный ресурс] / В. В. Бондарь // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 103-111. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Bondar.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Bondar, V. V., K kharakteristike kul'turnogo landshafta Krasnodara: ehvolyutsiya planirovochnoy struktury istoricheskogo tsentra goroda [To the Characteristics of the Cultural Landscape of Krasnodar: the Evolution of the Planning Structure of the Historic Centre], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 103-111. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Bondar.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

МАРКОВА Оксана Николаевна

старший научный сотрудник отдела
изучения культурного наследия и экспертной деятельности
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия

Oksana N. MARKOVA

Senior Researcher, Department for Cultural Heritage Studies
and Expert Activities, Southern Branch of Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
mona2712@mail.ru

УДК 719:711(470.62-25)
ГРНТИ 13.61.11
ВАК 24.00.03

Опыт типологического анализа исторической застройки города Краснодара¹

The Experience of the Typological Analysis of the Historical Development of the City of Krasnodar

Статья посвящена проблеме типологического анализа исторической застройки центральной части города Краснодара, имеющей статус исторического поселения. Исследование проведено в рамках научно-проектных работ по определению предмета охраны и уточнению границ территории исторического поселения. Рассмотрен процесс формирования и развития исторической застройки Краснодара, выделены общие для исторических зданий Краснодара всех хронологических периодов характеристики. На базе результатов комплекса историко-градостроительных, архивных, библиографических, натурных исследований выявлены основные типы исторических зданий, морфотипов застройки кварталов, типов исторических функциональных зон (средовых типов), обуславливающих историко-культурное своеобразие и ценность градостроительной среды исторического поселения города Краснодара. Результаты проведенного в процессе определения предмета охраны типологического анализа исторической застройки послу-

Article is devoted to a problem of the typological analysis of historical building development of the central part of the city of Krasnodar having the status of the historical settlement. The research is conducted within scientific project works by definition of a subject of protection and specification of borders of the territory of the historical settlement. Process of formation and growth of historical building development of Krasnodar is considered, general characteristics for historical buildings of Krasnodar of all chronological periods are allocated. On the basis of results of a complex of historical, town-planning, archival, bibliographic, natural researches the main types of historical buildings, morphotypes of building of quarters, types of historical functional zones (environmental types) causing a historical and cultural originality and value of the town-planning environment of the historical settlement of the city of Krasnodar are revealed. Results of the typological analysis which is carried out in the course of definition of subject of protection of the historical building development formed the basis for establishment of re-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по теме 1.34 «Культурные ландшафты исторических поселений Северо-Западного Кавказа».

жили основанием для установления требований к градостроительным регламентам в границах исторического поселения.

Ключевые слова: Екатеринодар, Краснодар, историческое поселение, городской культурный ландшафт, исторический центр, история градостроительного развития Краснодара, историческая застройка, типология исторической застройки, морфотипы исторической застройки.

quirements to town-planning regulations in borders of the historical settlement.

Keywords: Ekaterinodar, Krasnodar, historical settlement, cultural landscape, historic centre, history of urban development of Krasnodar, historical development, typology of historic building, morphotypes of historic building.

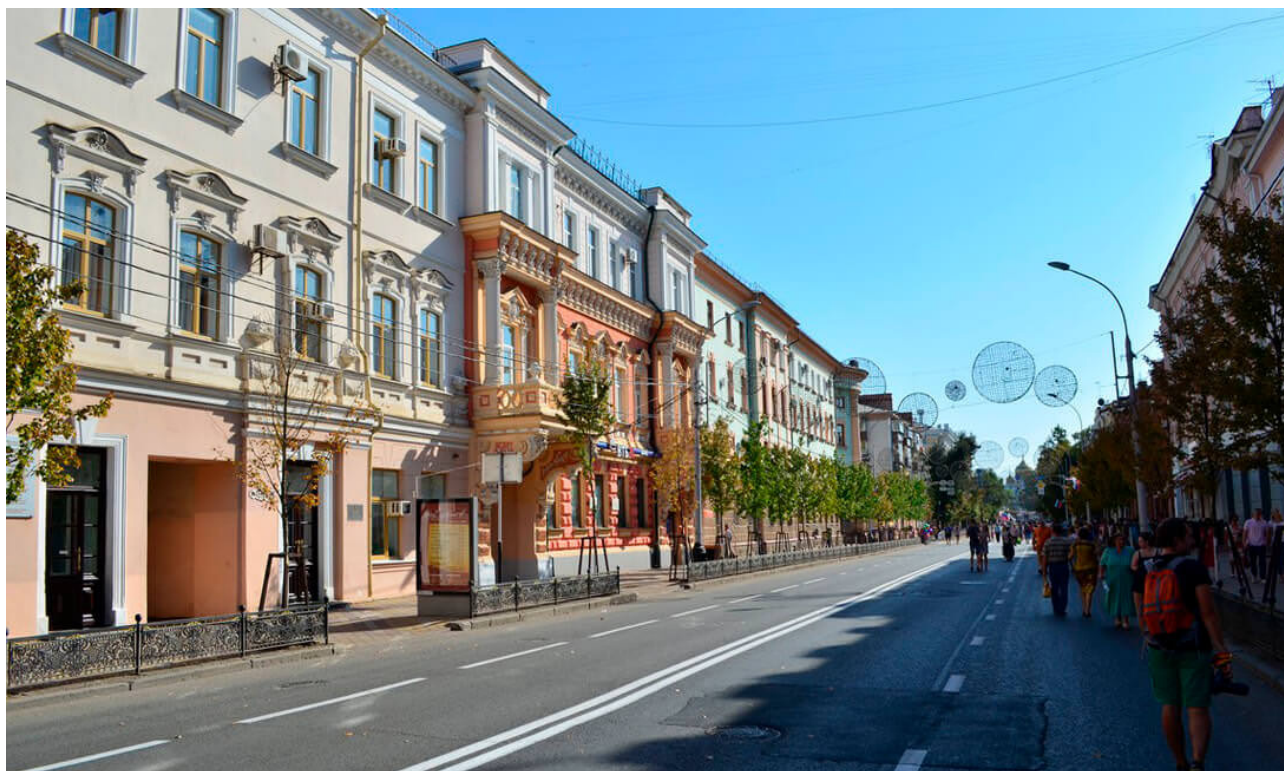
Период формирования историко-культурного кода города Краснодара (до 1920 г. — Екатеринодара), в 1990 г. получившего законодательный статус исторического поселения [11, с. 99–105], сравнительно краток и укладывается в полтора столетия — с момента его основания в 1793 г. до окончания архитектурной эпохи советского неоклассицизма в середине XX столетия.

В течение этого времени сложилась своеобразная «екатеринодарско-краснодарская» пространственная картина, в которую вписались разновременные, разностилевые, разнообъемные, разновысотные элементы городского культурного ландшафта, при всей своей «разности» — находящиеся в полном согласии

с планировочной структурой конца XVIII столетия, сомасштабные и обладающие общностью типологических черт.

Теоретический и практический исследовательский опыт в сфере градостроительства свидетельствует, что «именно типология во многом определяет образный характер основного массива исторически сложившейся застройки» [12, с. 281], наличие которой является «основополагающим принципом в современном понимании исторического поселения» [8, с. 25].

Необходимость выявления типов исторических зданий, формируемых их сочетаниями морфотипов структурных единиц застройки — кварталов, в свою очередь, об-

Краснодар. Центральная улица Красная

Краснодар. Улица Комсомольская (бывш. Штабная) при пересечении с улицей Красной

Краснодар. Пересечение улиц Красной и им. Чапаева (бывш. Кирпичной)

разующих типы укрупненных фрагментов застройки — функциональных зон (исторические средовые типы), диктуется как задачами идентификации и локализации исторического поселения, установлением ценностных характеристик его культурного ландшафта, так и определением стратегии и механизмов его дальнейшего развития. Для решения этих задач в рамках проведенных в 2017–2018 гг. комплексных научных исследований при разработке проекта предмета охраны и уточнения границ территории исторического поселения города Краснодара, утвержденного 1 марта 2019 г. [1], был проведен типологический анализ исторической застройки старого центра города.

Очевидно, что складывание тех или иных типов застройки любого исторического поселения проходило под влиянием множества факторов, среди которых выделяется ряд основных: природно-ландшафтные и климатические условия, исторические обстоятельства возникновения и развития населенного

места, местные архитектурные и строительные традиции.

Обстоятельства возникновения Краснодара на сегодняшний день хорошо известны. [3, с. 19–31] Основан он был как войсковой град переселившихся на Кубань казаков-черноморцев и назван Екатеринодаром в честь императрицы Екатерины Великой. Месторасположение города представляло собой характеризующуюся ровным рельефом надпойменную террасу реки Кубань в излучине, образованной с юга и запада самой Кубанью, а с востока ее притоком — рекой Карасун. [4, с. 15–20] Географически эта территория относится к южной части Прикубанской равнины с климатом, отличающимся мягкой зимой и продолжительным жарким летом.

Полученная при основании города ортогональная планировка идеально легла на практически плоский ландшафт. Составившие планировочную структуру кварталы имели квадратную и, реже, прямоугольную конфигурацию, а неровности отдельных сторон

Пересечение улиц Красной и Мира (бывш. Екатерининской).

*Краснодар. Улица Гимназическая при пересечении
с улицей Красноармейской (бывш. Бурсаковской)*

кварталов, пролегающих вдоль Кубани и Карасуна, осушенного в 1890-е гг., диктовались очертаниями речных берегов. [10, с. 78]

Пространственная композиция города сложилась по осевому типу, в котором центральную роль стала играть протянувшаяся с юга на север улица Красная (в разные периоды именовавшаяся в документах Главной, Преспектовой, Большой, Пришпектной, и официально — Николаевским проспектом — с 1914 по 1918 гг., улицей им. Сталина — с 1949 по 1957 гг.) [9, с. 169–171], сохранившая значение главной, парадной улицы города до настоящего времени.

Будучи войсковой столицей черноморского, а с 1860 г. кубанского казачества, исполняя функцию военно-административного центра и закрытый для приобретения недвижимости лицами не казачьего сословия Екатеринодар имел преимущественно сельский облик застройки, которую составляли усадьбы с домами, расположенными по сельскому типу внутри плановых мест, с обширными

дворами и фруктовыми садами. [3, с. 87–90, 101]

В 1867 г. Екатеринодар был преобразован в гражданский город. [5, с. 46–50] Это дало импульс активному притоку населения и расширению границ города, в котором появилось множество торговых, промышленных, общественных, культурных заведений. Екатеринодарская застройка приобрела вид городской. Первоначальная планировочная структура наполнилась новым содержанием, вобравшим в себя архитектурные решения свойственных тому времени стилистических направлений — от вариаций эклектики до модерна и неоклассицизма, [6, с. 32, 100–105] и к концу 1910-х гг., разделивших историю страны на до и после революций, сформировался целостный и хорошо узнаваемый облик Екатеринодара — города с выраженным южно-провинциальным характером, достаточно крупного, но при этом обладающего «камерностью».

В старом Екатеринодаре отсутствовали широкие проспекты, застройка отличалась

малой этажностью. В количественном отношении в застройке преобладали одноэтажные дома, на окраинах — сельского типа. Двухэтажные, редкие трехэтажные и единичные четырехэтажные здания большей частью были сосредоточены на центральной улице и прилегающим к ней кварталах.

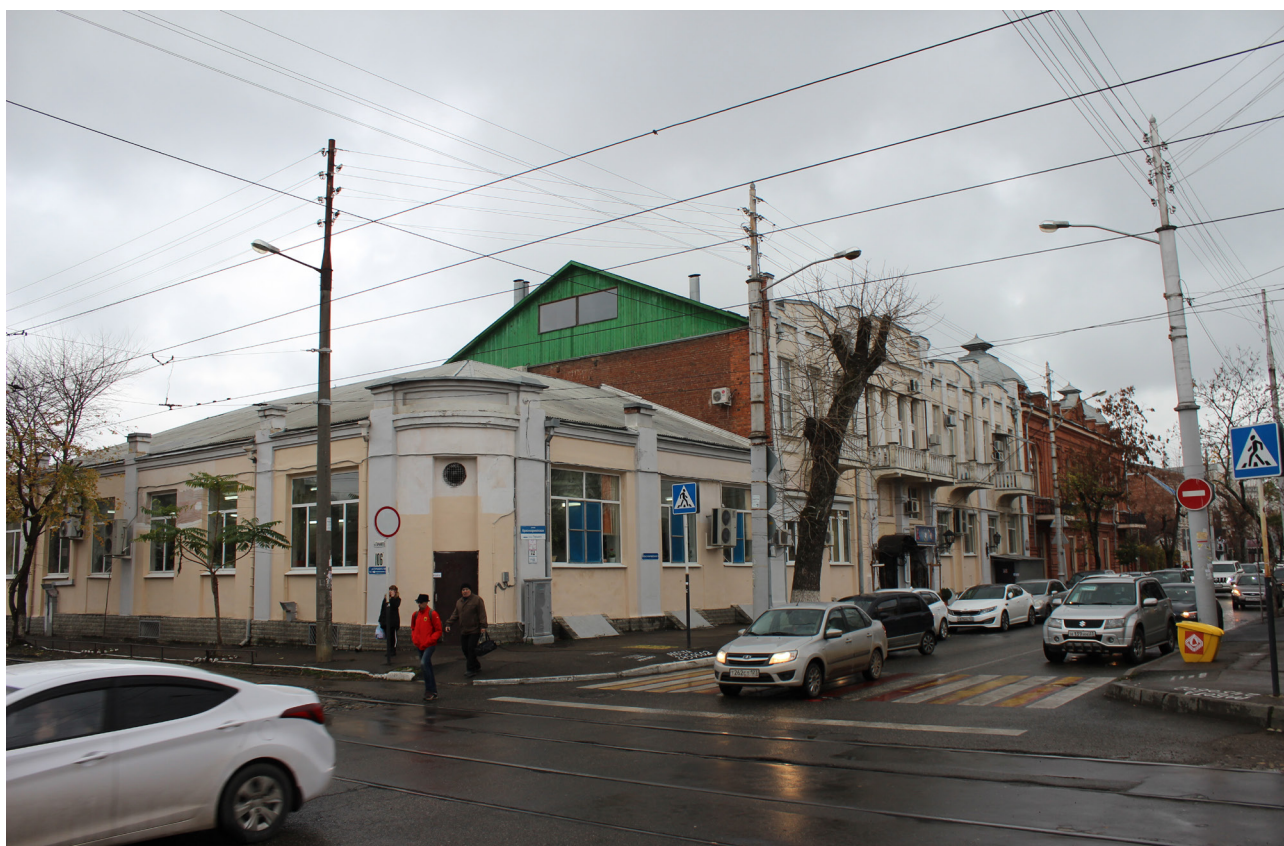
Главные фасады основной массы зданий располагались по красным линиям улиц, формируя фронты квартальной застройки. В редких случаях расположения зданий с отступом от красной линии, последняя фиксировалась оградой. Степень застройки составляющих квартал владельческих участков была различной: от плотной периметральной (главным образом на центральных улицах) до разреженной усадебной. При постепенном освоении участка возводимые внутри двора строения могли иметь повышенную на уровень одного этажа высотность по отношению к зданию в ряду уличной застройки.

Спокойный силуэт лежащего на равнине поселения оживляли вертикальные доминанты культовых зданий, разнообразные архитек-

турные приемы композиционного и силуэтного акцентирования перекрестков и фрагментов рядовой уличной застройки: скашивание, закругление и утопление углов уличных фасадов; усложненные конфигурации с аттиками, парапетами, башнями, куполами и шатрами верхних частей зданий; подчеркнутая выразительность фасадной пластики, дополненная обилием кованых деталей (надкрылечные зонты, кронштейны, подзоры, парапетные решетки, ограждения балконов) и иные.

Особый южный колорит Екатеринода-ру придавали служившие наряду с Городским садом местом отдыха и развлечений частные небольшие сады («садики») внутри владельческих участков и просто большие дворы с произрастающими в них плодоносящими и декоративными деревьями и кустарниками — так называемые «екатеринодарские дворики».

В советскую эпоху город вошел в симе-нем Краснодар. Продолжившееся архитектурно-пространственное развитие исторического центра вплоть до середины 1950-х гг. проис-

Пересечение улиц им. Горького (бывш. Дмитриевской) и Красноармейской (бывш. Бурсаковской)

ходило на старой планировочной основе, при соподчинении новых дополнений, в том числе с увеличенными объемно-пространственными параметрами, к сформировавшемуся ранее характеру среды. Часть дореволюционных зданий, расположенных на главной городской улице, была надстроена в процессе послевоенного восстановления до трех-четырех этажей. Новым в застройке исторического центра, сохранившей прежний квартальный принцип, стало появление зданий более масштабных, высотой в четыре и иногда в пять этажей. Стилистический набор градостроительной среды пополнился примерами конструктивизма (в 1930-е гг.) и советского неоклассицизма (преимущественно в 1950-е гг.), в которых, как и в предшествующий период, нашла отражение географическая специфика южного города, проявленная в пластическом декоре фасадов, в широком использовании открытых балконов и террас, в различных приемах озеленения, в том числе вертикального.

Вместе с тем в историческом центре территориально разросшегося Краснодара по-прежнему наличествовали одноэтажные дома: как архитектурно выразительные капитальные дореволюционные постройки, так и малоценные «непрофессиональные» объекты частного жилого строительства, во множестве появившиеся в послевоенный период.

В целом сформировавшийся к середине XX столетия культурный ландшафт исторического поселения города Краснодара, самая ценная часть которого сосредоточилась в его первоначальном ядре, характеризовался цельностью и органичностью. Образ старого города создавался благодаря живописному пространственному силуэту, построенному на сочетании составляющих историческую квартальную застройку разновременных зданий переменной этажности с диапазоном от одного до четырех, реже — пяти этажей, чередовании застроенных и свободных от застройки озелененных территорий. Общая низкорослость застройки делала неширокие улицы комфортными для пребывания человека. Характерная южная эстетика проявлялась в экстерьерах фасадов, в обилии зеленых насаждений — в первую очередь, высокостволь-

ных деревьев с широкими кронами, дающих густую тень в жаркие солнечные дни.

К сегодняшнему дню подлинная пространственная ткань старого центра Краснодара понесла ощутимые утраты. Тем не менее, комплексный анализ результатов натурных исследований ее сохранившихся фрагментов и соответствующих исторических материалов позволяет определить основные типические характеристики, которые в дальнейшем могут быть использованы для регенерации историко-градостроительной среды.

Так, в эклектическом многообразии объектов исторической застройки Краснодара, самый ценный пласт которой относится к дореволюционному времени, выделяются несколько основных типов зданий жилого и общественного назначения, функциональное использование которых выразилось в их объемно-пространственных характеристиках: дореволюционный дом жилой (частновладельческий или условно «мещанский») — владельцами таких домов обычно являлись городские обыватели среднего достатка; дореволюционный дом жилой усадебный (условно «господский», то есть принадлежащий зажиточным горожанам) в ряду застройки или обособленный; дореволюционный доходный дом; советский многоквартирный жилой дом; общественное здание в ряду застройки или имеющее значение доминанты, композиционного акцента. Отдельные категории составляют отличающиеся выраженной спецификой облика здания промышленного назначения и культовые.

Исторические здания Краснодара всех хронологических периодов объединяет общность тектоники: развитие объекта по вертикали от проявленного основания через подчеркнутый раскреповками и декоративно-пластическим оформлением фасадов основной объем к завершению — различных модификаций скатной крыше, отделенной от основного объема венчающим карнизом с архитектурно акцентированной надкарнизной частью.

Набор материалов наружной отделки фасадов исторической застройки ограничен, в этом ряду: открытая кирпичная кладка с окрашиванием и без окрашивания, декоративная штукатурка, цветная мелкозернистая

Таблица 1

Типы исторических зданий жилого и общественного назначения

Тип. Датировка	Функция	Краткое описание
Дом жилой (частновладельческий, мещанский). Вт. пол. XIX – нач. XX вв.	Предназначен для проживания одной семьи со средним достатком.	Главное здание домовладения, расположенное в ряду или на углу рядовой застройки преимущественно дискретного характера. Одноэтажное, одноэтажное с цокольным или полуподвальным этажом, прямоугольной конфигурации в плане, с возможными пристройками к дворовому фасаду, с наличием композиционных акцентов в надкарнизной части. Степень обеспеченности владельца подчеркнута протяженностью, качеством декора уличного фасада (или фасадов для угловых зданий). Связь дворового и уличного пространств осуществляется через ворота, воротные арки и т.п. На участке традиционно располагаются надворные постройки, плодовые и декоративные деревья и кустарники.
Дом жилой усадебный (господский) – 1. Вт. пол. XIX – нач. XX вв.	Предназначен для проживания одной семьи с достатком выше среднего, высоким.	Главное здание домовладения, расположенное в ряду или на углу в системе периметральной (периметрально-компактной) застройки. Одно-двухэтажное, прямоугольной конфигурации в плане, с возможными флигелями со стороны дворового фасада. Уличный фасад (при угловом расположении - фасады) протяжен по всей длине участка вдоль улицы, выделяется художественностью и оригинальностью декоративного убранства, имеет композиционные акценты в надкарнизной части. Связь дворового и уличного пространств осуществляется через воротные арки, проходы (проезды) в уровне первого этажа здания. На участке располагаются надворные постройки, имеется благоустройство, зеленые насаждения («садики»).
Дом жилой усадебный (господский) – 2. Вт. пол. XIX – нач. XX вв.	Предназначен для проживания одной семьи с достатком выше среднего, высоким.	Главное здание домовладения, расположенное обособленно, возможно с незначительным отступом от красной линии или в глубине участка, при этом красная линия зафиксирована оградой. Одно-двухэтажное усложненного объема, с оригинальным, художественно выразительным декоративным убранством. Возможно наличие флигелей и хозяйственных пристроек. На участке располагаются надворные постройки, имеется благоустройство, зеленые насаждения («садики»).

Тип. Датировка	Функция	Краткое описание
Доходный дом. Вт. пол. XIX – нач. XX вв.	Предназначен для сдачи внаем помещений для жилья (традиционно - верхние этажи здания), для коммерческих и/или административных целей (традиционно – первый этаж или полностью здание).	Основное здание домовладения расположено в системе периметральной (периметрально-компактной) застройки. Двух-трехэтажное, обычно прямоугольной или Г-образной конфигурации, к основному объему могут примыкать расположенные по периметру и в глубине участка дополнительные объемы флигелей. Уличный фасад (при угловом расположении - фасады) протяжен по всей длине участка вдоль улицы, выделяется художественностью и оригинальностью декоративного убранства (в декоре присутствуют элементы, указывающие на функцию здания), имеет композиционные акценты в надкарнизной части. В здании два и более входов. Коммерческие (торговые) функции этажей подчеркнуты укрупненными окнами-витринами. Связь дворового и уличного пространств осуществляется через воротные арки, проходы (проезды) в уровне первого этажа здания. На участке могут располагаться надворные постройки, присутствовать элементы благоустройства, зеленые насаждения («садики»).
Многоквартирный жилой дом. 1920-е – 1950-е гг.	Предназначен для проживания большого количества семей в квартирах. Первые этажи могут иметь общественные (торговые, административные и иные) функции.	Масштабное многосекционное здание от двух до пяти этажей в системе периметральной (периметрально-компактной) застройки. Конфигурация в плане может быть прямоугольной или построенной на сочетании прямоугольных планов. Расположение композиционных акцентов на уличных фасадах соответствует месторасположению здания на углу или в ряду уличного фронта застройки. При компактном (плотном) примыкании боковых фасадов здания к соседним объемам проезд (проход) во двор располагается в уровне первого этажа. Дворовое пространство традиционно свободное, благоустроенное, озелененное.

Тип. Датировка	Функция	Краткое описание
Здание общественного назначения – 1. 1870-е – 1950-е гг.	Предназначено для административных, учебных, торговых, социально направленных и иных целей.	Здание различной этажности (от одного до четырех этажей) в ряду периметральной (периметрально-компактной) застройки. Сдержанность, строгость, преимущественно - симметричность композиционного решения уличных фасадов. Композиционные акценты в надкарнизной части, элементы фасадного декора подчеркивают функциональную роль. Связь уличного и дворового пространства, заполнение дворового пространства участка аналогичны типам жилой застройки соответствующего хронологического периода.
Здание общественного назначения – 2. 1870-е – 1950-е гг.	Предназначено для административных, финансовых, культурных, учебных, лечебных, торговых, социально направленных и иных целей.	Здание различной этажности (от одного до четырех этажей) в ряду застройки или обособленное, имеющее значение доминанты или композиционного акцента. Объемно-пространственное решение усложненное. Композиционные акценты в надкарнизной части, элементы фасадного декора подчеркивают функциональную роль. Связь уличного и дворового пространства аналогично типам жилой застройки соответствующего хронологического периода. Заполнение дворового пространства участка с благоустройством, соответствующим назначению здания.

глазурованная плитка. В оформлении фасадов широко применялся резной кирпичный, штукатурный, лепной гипсовый декор.

В процессе градостроительного развития исторического Краснодара сформировались устойчивые комбинации обозначенных выше типов зданий в структуре квартала, которые могут быть определены как морфологические типы или морфотипы — «типы пространственной организации исторической застройки — постепенно сложившиеся на разных территориях исторического города в ходе его развития и роста» [7, с. 51]. На территории исторического поселения города Краснодара проявлены три основных морфотипа: екатеринодарский малоэтажный периметральный дискретный (усадебный), екатеринодарско-краснодарский разноэтажный периметральный комбинированный (сочетание компактной и разреженной застройки), екатеринодарско-краснодарский разновысотный

разреженный акцентно-доминантный, и редкий исторический морфотип, практически утраченный в советское время — екатеринодарский поляризованный с высокой степенью озеленения (архитектурно-пейзажный).

В общих чертах морфотипы краснодарской исторической застройки могут быть охарактеризованы следующим образом.

Екатеринодарский малоэтажный периметральный дискретный (усадебный) морфотип — застройка конца XIX — начала XX вв. включает дореволюционные типы одно-двухэтажных зданий: дома жилые (преимущественно «мещанского» типа) и доходные, небольшие общественные здания локального значения. Главными фасадами здания поставлены по красным линиям застройки квартала. При их расположении с отступом в глубину участка красная линия фиксируется оградой. Углы кварталов закреплены фасадами угловых зданий или, как исключение, оградами.

Неоднородный периметр застройки образуют как отдельно стоящие здания, связь между которыми в уличном фронте поддерживается воротными арками и оградами, так и примыкающие друг к другу боковыми фасадами. Застройка владельческих участков преимущественно городского усадебного типа, редко — плотная периметральная. Основное здание находится в периметре уличного фронта. В глубине участка, связь с которым осуществляется через разрывы в периметре застройки или проезды в уровне первых этажей зданий, могут располагаться флигели, надворные хозяйственные постройки, традиционные екатеринодарские «садики» с произрастающими в них фруктовыми и декоративными деревьями, кустарниками, плетистыми и вьющимися растениями, цветниками.

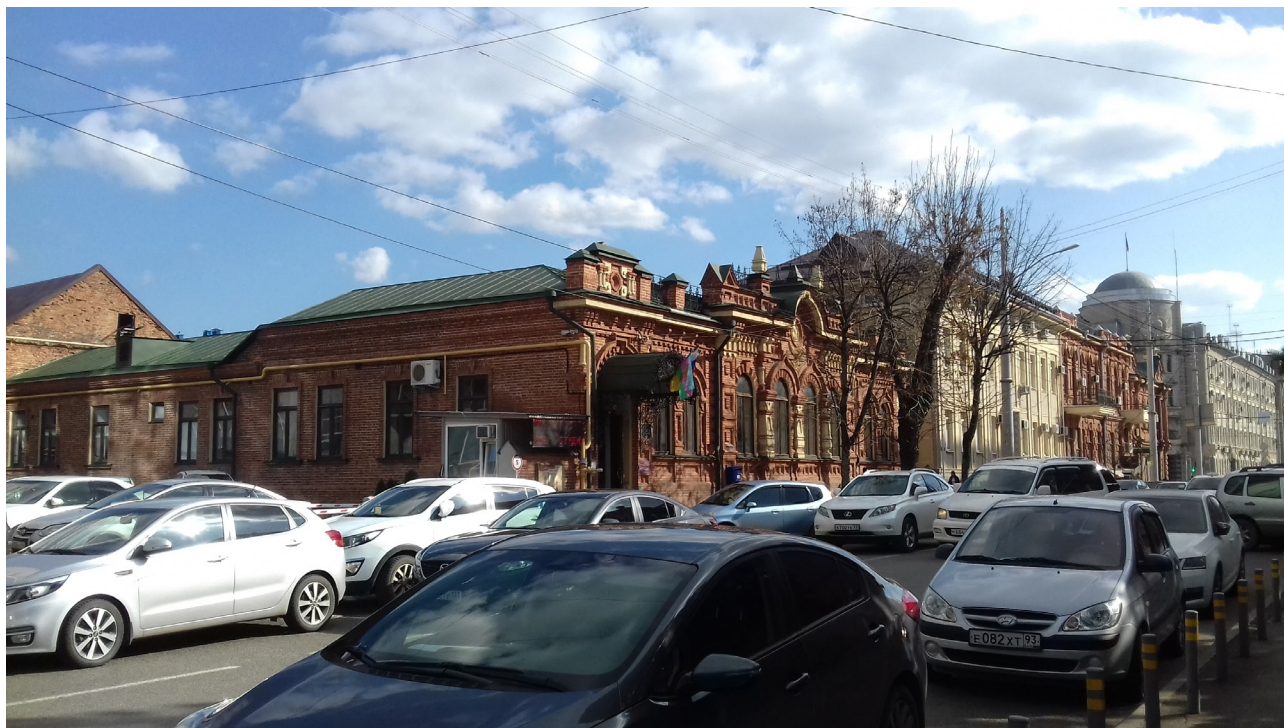
Екатеринодарско-краснодарский разноэтажный периметральный комбинированный (сочетание компактной и разреженной застройки) морфотип — одновременная застройка с преобладанием дореволюционной и наслоениями советской представляет различные вариации компоновки всех типов исторических зданий с этажностью от одно-

го до пяти этажей. Красная линия застройки фиксируется уличными фасадами зданий или оградами; встречаются незначительные фрагменты послевоенной застройки с углублением красной линии. Углы кварталов закреплены фасадами угловых зданий, оградами или линиями высокоствольных древонасаждений. Характер периметра застройки квартала неоднороден: отдельные стороны плотно застроены примыкающими друг к другу торцами зданиями, другие обладают дискретным характером сложившегося уличного фронта. Стороны с плотной, периметрально-компактной застройкой имеют развитие вглубь участка с образованием замкнутых дворов-колодцев или близких к ним, связь с которыми осуществляется через сквозные проезды в уровне первых этажей зданий. Благоустройство дворов включает различные типы озеленения.

Екатеринодарско-краснодарский разновысотный разреженный акцентно-доминантный морфотип — тип застройки, встречающийся и в дореволюционный, и в советский период. Периметральный тип застройки квартала включает градостроительный объект (здание или сооружение, комплекс зданий

Краснодар. Пересечение улиц Красноармейской (бывш. Бурсаковской) и Комсомольской (бывш. Штабной)

*Краснодар. Улица Гимназическая при пересечении
с улицей Красноармейской (бывш. Бурсаковской)*

территория которого имеет высокую степень озеленения садово-паркового типа. Периметр квартала по красным линиям зафиксирован высокоствольными древонасаждениями, художественно оформленными оградами, малыми архитектурными формами и иными элементами благоустройства. В процессе уплотнения застройки, происходившей в советское время, морфотип практически был утрачен, незначительно он мог проявляться фрагментарно, в части квартала.

Частота применения того или иного морфотипа на территории исторического поселения Краснодара была неравномерной и находилась в прямой зависимости от доминирования на отдельных участках города определенных исторических функций. Сочетание архитектурно-пространственных и функциональных параметров, формирующих визуально и ментально выраженную специфику таких участков, обусловили выделение укрупненных типов застройки, которые можно назвать историческими средовыми типами или историческими функциональными зонами. В историческом поселении города Краснодара сложилось три основных средовых типа.

ограниченный характер. Жилые дома дореволюционного периода (городские усадьбы) на ул. Красной немногочисленны. В большинстве случаев в качестве жилья использовались помещения верхних этажей доходных домов. Количество многоквартирных жилых домов советского периода в презентационной, парадной зоне города также незначительно.

Основные морфотипы застройки — екатеринодарско-краснодарский разноэтажный периметральный комбинированный и екатеринодарско-краснодарский разновысотный разреженный акцентно-доминантный, до революции также имел место екатеринодарский поляризованный с высокой степенью озеленения морфотип (архитектурно-пейзажный). Этажность исторических ценных зданий периода 1870-х — 1920-х гг. составляет — один-три, периода 1930–1950-х гг. — три-пять, в отдельных фрагментах застройки с соблюдением принципа «под единый карниз».

В функциональном спектре презентационного (парадного) средового типа особо выделяется идеологическое и даже сакральное значение улицы Красной, служащей общественно-культурным центром притяжения

горожан, традиционным местом проведения народных празднований, парадов, шествий, гуляний, признанным кодом идентичности города Краснодара. Ту роль, какую главная улица города играла и играет в жизни краснодарцев, образно передал поэт Н. Доризо в стихотворных строках популярной песни (музыку к песне написал композитор Г. Пономаренко) «Краснодарская улица Красная»: «... сколько бы ни было пройдено и далеких, и близких путей, для меня начинается Родина с этой улицы Красной моей».

Общественно-деловой средовой тип включает кварталы, примыкающие с запада и востока к центральной парадной функциональной зоне. Тип сформирован набором различных общественных функций — торговой (магазины, торговые ряды и лавки, рынки) и связанной с ней гостиничной (гостиницы, доходные дома), лечебно-оздоровительной (больницы, аптеки, частные клиники и кабинеты), учебной (гимназии, училища), социально-ориентированной (приюты, ночлежки, дома призрения, дома трудолюбия), бытовых услуг (места общественного питания, бани, парикмахерские, цирюльни и т. п.) и прочих. Процент жилой застройки незначителен, хотя выше, чем в презентационной зоне.

В пространственной организации проявлены все три основных морфотипа застройки: екатеринодарско-краснодарский разноэтажный периметральный комбинированный, екатеринодарско-краснодарский разновысотный разреженный акцентно-доминантный, екатеринодарский малоэтажный периметральный дискретный (усадебный). Этажность исторически ценных зданий и сооружений застройки конца XIX — начала XX вв.; один-два, середины XX вв. — три-пять.

Средовой тип исторических жилых кварталов представляет собой периферийную территорию исторического поселения за пределами общественно-деловой зоны. Характеризуется преобладанием жилой застройки. Доминирующим морфотипом этого средового типа является екатеринодарский малоэтажный периметральный дискретный (усадебный), остальные присутствуют в меньшей степени. Высотность исторически

ценных зданий и сооружений застройки конца XIX — начала XX вв. — 1–2 этажа, середины XX вв. — 3–5 этажей.

В исторической застройке Краснодара отдельное место занимает локальный *средовой тип привокзальный* (функциональная зона железнодорожного вокзала и прилегающей к ней территории), составленный кварталами, примыкающими к привокзальной площади, зоне железнодорожной станции с вокзалом и улице Мира (до революции — Екатерининской), исторически связавшей вокзал и центр города. По сути, это «визитная карточка» города, по которой приезжающие в него железнодорожным путем, получали и получают первые впечатления о нем. Первый пласт застройки этого участка сложился в конце XIX — начале XX столетий, в процессе послевоенной восстановительной реконструкции середины 1940-х — первой половины 1950-х гг. градостроительная среда претерпела соответствующие времени трансформации, при этом сохранив целостные фрагменты дореволюционной застройки. Пространственный облик привокзальной территории сформирован сочетанием квартальной застройки, в которой наличествуют основные исторические морфотипы, с зонами общественных пространств (ансамбль привокзальной площади) и железнодорожного транспорта.

Сложившиеся в процессе градостроительного развития центральной части Краснодара средовые типы (функциональные зоны) вкуче с зонами исторически сложившихся улиц и площадей, озелененных территорий, включая Городской сад, зоной старого Всесвятского кладбища образуют своеобразный пространственный облик исторического поселения Краснодара, ценностные характеристики которого отражены в разработанном и утвержденном в соответствии с российским законодательством предмете охраны.

Результаты проведенного в процессе определения предмета охраны типологического анализа исторической застройки послужили основанием для установления требований к градостроительным регламентам в границах исторического поселения [2, с. 97–135].

Использованная литература:

1. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Приказ управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края от 01.03.2019 № 26-КН об утверждении предмета охраны, границы территории и требований к градостроительным регламентам в границах исторического поселения регионального значения город Краснодар.
2. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Проект предмета охраны и границ территории исторического поселения регионального значения город Краснодар. Утверждаемые материалы. Том III. Краснодар, 2017-2018.
3. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар: Советская Кубань, 2000.
4. Бондарь В. В. Карасунский Кут: ландшафтные и климатические условия // Бондарь В. В. Город Екатеринодар в пространстве и времени: Опыты исторической урбанистики. Монографический сборник. Краснодар: Издатель Игорь Платонов, 2006. С. 15–20.
5. Бондарь В. В. «На общем праве городов Империи...»: переход Екатеринодара к общероссийскому городскому устройству // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4. С. 46–50.
6. Казачинский В. П., Бондарь В. В., Архитектура и градостроительство Кубани XIX – XX вв. В 3-х ч. Ч. 1: Архитектура Екатеринодара до 1917 г (очерк). Краснодар: Экоинвест, 2001.
7. Кожаева Л. Б. Морфотипы застройки – в теории и на практике [Электронный ресурс] // Архитектурный вестник. 2011. № 2 (119). URL: http://www.intelros.ru/pdf/arc/2011_02/07.pdf (дата обращения 21.01.2018).
8. Концепция по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия на период до 2030 года. М., 2017 [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. URL: <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/dfd/dfd164cff4227ad338e54ed5f226c038.pdf> (дата обращения 17.11.2017).
9. Мирный И. А. Прошлое и настоящее улиц города. Краснодар: Книга, 2012.
10. Миронов П. В. Территориальный рост гор. Екатеринодара // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 4. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1909.
11. Рысин Ю. В., Бондарь В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. № 3. 2016. С. 99–105.
12. Щенков А.С. Малый русский город. Типология застройки [Электронный ресурс] // Архитектура и современные информационные технологии. Междугородный электронный сетевой научно-образовательный журнал. № 1 (38). 2017. URL: http://www.marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/PDF/21_AMIT_38_SHCHENKOV_PDF.pdf (дата обращения 15.05.2018).

References:

1. Archive of the Service for State Protection of Objects of Cultural Heritage of the Krasnodar Region [AUGOOKNKK], Prikaz upravleniya gosudarstvennoy okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediya Krasnodarskogo kraya ot 01.03.2019 № 26-KN ob utverzhdenii predmeta okhrany, granitsy territorii i trebovaniy k gradostroitel'nym reglamentam v granitsakh istoricheskogo poseleniya regional'nogo znacheniya gorod Krasnodar.
2. Archive of the Service for State Protection of Objects of Cultural Heritage of the Krasnodar Region [AUGOOKNKK], Proekt predmeta okhrany i granits territorii istoricheskogo poseleniya regional'nogo znacheniya gorod Krasnodar, Utverzhdaemye materialy, vol. 3, Krasnodar, 2017-2018.
3. Bondar, V. V., *Voyskovoy gorod Ekaterinodar. 1793–1867 gody: Istoriko-kul'turnaya spetsifika i funktsional'naya rol' v sisteme gorodskikh poseleniy Rossiyskoy imperii* [Military City of Ekaterinodar. 1793–1867: Historical and Cultural Specificity and Functional Role in the System of Urban Settlements of the Russian Empire], Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 2000.
4. Bondar, V. V., Karasunskiy Kut: landshaftnye i klimaticheskie usloviya [Karasunsky Kut: Landscape and Climatic Conditions], in Bondar, V. V., *Gorod Ekaterinodar v prostranstve i vremeni: Opyty istoricheskoy urbanistiki. Monograficheskiy sbornik*. Krasnodar: Izdatel' Igor Platonov, 2006, pp. 15–20.
5. Bondar, V. V., „Na obshchem prave gorodov Imperii...“: perekhod Ekaterinodara k obshcherossiyskomu gorodskomu ustroystvu [“On the Common Law of the Cities of the Empire...“: the Transition of Ekaterinodar to the All-Russian Urban Structure], in *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2009, no. 4, pp. 46–50.
6. Kazachinskiy, V. P. and Bondar, V. V., *Arkhitektura i gradostroitel'stvo Kubani XIX – XX vekov* [Architecture and Town Planning of the Kuban in the 19th - 20th Centuries], in 3 vols., vol. 1: *Arkhitektura Ekaterinodara do 1917 goda (ocherk)* [The Architecture of Ekaterinodar before 1917 (essay)], Krasnodar: Ehkoinvest, 2001.
7. Kozhaeva, L. B., Morfotipy zastroyki – v teorii i na praktike [Morphotypes of Building Development in Theory and in Practice], *Arkhitekturnyy vestnik*, 2011, no. 2 (119). http://www.intelros.ru/pdf/arc/2011_02/07.pdf. Accessed January 21, 2018.
8. Kontseptsiya po razvitiyu istoricheskikh poseleniy, podderzhke i populyarizatsii kul'turnykh i turistikh vozmozhnostey, razvitiyu ekonomiki kul'turnogo naslediya na period do 2030 goda [Concept for the Development of Historical Settlements, Support and Popularization of Cultural and Tourist Opportunities, Development of the Economy of the Cultural Heritage for the Period up to 2030], Moscow, 2017, in *Ministerstvo kul'tury Rossiyskoy Federatsii*. <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/dfd/dfd164cff4227ad338e54ed5f226c038.pdf>. Accessed November 17, 2017.
9. Mirnyy, I. A., *Proshloe i nastoyashchee ulits goroda* [Past and Present of the Streets of the City], Krasnodar: Kniga, 2012.
10. Mironov, P. V., *Territorial'nyy rost goroda Ekaterinodara* [Territorial Growth of the City of Ekaterinodar], in *Izvestiya Obshchestva lyubiteley izucheniya Kubanskoy oblasti*, vol. 4, Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1909.

11. Rysin, Yu. V. and Bondar, V. V., Istoricheskie poseleniya Severo-Zapadnogo Kavkaza: transformatsii statusa i perspektivy sokhraneniya i aktualizatsii arkhitekturno-gradostroitel'nogo naslediya [Historical Settlements of the North-West Caucasus: Status Transformations and Prospects for Preserving and Updating the Architectural and Town Planning Heritage], *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, no. 3, 2016, pp. 99–105.

12. Shchenkov, A. S., Malyy russkiy gorod. Tipologiya zastroyki [A Small Russian City. Typology of Building Development], *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii. Mezhdunarodnyy ehlektronnyy setevoy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*, no. 1 (38), 2017. http://www.marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/PDF/21_AMIT_38_SHCHENKOV_PDF.pdf Accessed May 15, 2018.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Маркова, О. Н. Опыт типологического анализа исторической застройки города Краснодара [Электронный ресурс] / О. Н. Маркова // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 112-126. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Markova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Markova, O. N., Opyt tipologicheskogo analiza istoricheskoy zastroyki goroda Krasnodara [The Experience of the Typological Analysis of the Historical Development of the City of Krasnodar], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 112-126. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Markova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАШЕ НАСЛЕДИЕ: МУЗЕИ ЮГА РОССИИ

БЫЧКОВА Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник-руководитель отдела
комплексных проблем изучения культуры Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного и
природного наследия,
Краснодар, Россия
Olga I. BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economy and Management of a National Economy),
Assoc. Prof., Leading Researcher – Head, Department
of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
bychkovaoi@mail.ru

УДК 069.013:339.138(470-13)

ГРНТИ 13.51.11

ВАК 24.00.03

Особенности измерения потенциала музеев в оценке эффективности этнокультурного бренда региона (на примере Юга России)¹

Peculiarities of Measurement of the Potential of Museums in Evaluation of the Efficiency of Ethnocultural Brand of the Region (with the South of Russia as a Case Study)

В статье на основе авторской методики оценки эффективности этнокультурных брендов исследуется потенциал музеев в сфере этнокультурного брендинга. Определены основные факторы, влияющие на необходимость оценки эффективности регионального этнокультурного бренда. Проведена апробация разработанной методики на примере музеев Юга России (Волгоградской, Ростовской области и Ставропольского края). Основ-

In article the capacity of the museums in the sphere of ethnocultural branding is investigated on the basis of an author's method of evaluation of efficiency of ethnocultural brands. The major factors affecting need of the evaluation of efficiency of a regional ethnocultural brand are defined. Approbation of the developed method on the base of the museums of the South of Russia (the Volgograd region, the Rostov region and the Stavropol region) is carried out. The main advantages of the

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева» по теме 2.2 «Научно-методическое обоснование этнокультурного брендинга территорий».

ными преимуществами предложенной методики являются: ее значимость для развития методологической базы этнокультурного брендинга, оптимальное количество и простота расчета выбранных для анализа направлений и показателей, универсальность применения для отдельно взятого региона и межрегиональных исследований, возможность учета специфических особенностей и тенденций социокультурного и экономического развития территорий. Анализ имеющихся данных показал, что музейные сети рассмотренных регионов отличаются по степени результативности своей работы и обладают различным совокупным потенциалом в области этнокультурного брендинга. Причина неэффективности в использовании совокупного потенциала заключается не только в некорректном использовании ресурсов, но и в неоптимальном функционировании самих музейных организаций.

Ключевые слова: музей, оценка, эффективность, региональная социокультурная политика, этнокультурный бренд, региональный этнокультурный брендинг, потенциал, музей.

offered method are: its importance for development of methodological base of ethnocultural branding, the optimum number and simplicity of calculation of the directions and indicators chosen for the analysis, universality of application for a single region and interregional researches, a possibility of accounting of specific features and trends of sociocultural and economic development of territories. The analysis of the available data showed that museum networks of the considered regions differ on degree of effectiveness of the work and have various cumulative potential in the field of ethnocultural branding. The inefficiency reason in use of cumulative potential consists not only in incorrect use of resources, but also in non-optimal functioning of the museum organizations.

Keywords: efficiency assessment, regional sociocultural policy, ethnocultural brand, regional ethnocultural branding, potential, territorial museums.

Введение

Понятие эффективности в культурном территориальном брендинге и вопросы его оценки вызывают оживленные дискуссии в среде научного сообщества. Суть проблемы заключается в понимании особой природы эффективности культуры, которая не сводится лишь к прибылеобразующим показателям деятельности. На наш взгляд, основная сложность данного вопроса — многообразие целей культурного брендинга, достижение которых сложно измерить.

С одной стороны, оценка эффективности этнокультурного бренда территории способствует более обоснованной поддержке государством конкретных регионов и формированию программ их развития. С другой стороны, оценка эффективности и учет различных социально-экономических показателей брендинга встраивается в общий подход к культурным брендам как элементу экономического роста территории.

Трудность оценки эффективности вызывают уникальными характеристиками этнокультурного бренда, к числу которых относятся гуманистическая составляющая культурного продукта, противоречивая оцен-

ка его качества различными потребителями, неопределенность конечного результата этнобрендинга.

В отраслевых исследованиях сформированы определения к понятиям «эффективность», «результативность», «продуктивность».

В научном дискурсе понятие «эффективность» служит для обозначения способности какой-либо деятельности трансформировать существующие ресурсы в необходимый результат, таким образом, оценка любой деятельности приводит к измерению ее результатов.

Оценка эффективности — это соотношение результатов деятельности с затратами на деятельность. Оценка результативности — это анализ полученных результатов в контексте запланированных показателей. Оценка продуктивности — это объем полученных результатов в расчете на одну исследуемую единицу. Данные трактовки используются в исследованиях А. С. Ахременко, Е. М. Зеленской, О. В. Кучмаевой, О. И. Сабельниковой, Е. Г. Тархановой [1–4,6] и ряда других авторов.

Рассматривая различные виды оценки результатов деятельности, и оценивая ре-

зультаты, связанные с этнокультурным брендингом региона, сфокусируемся на оценке его эффективности, т. е. сопоставлении показателей затрат ресурсов и показателей результата деятельности по брендированию, т. к. оценка продуктивности и результативности брендинга является узконаправленной, используется для внутреннего мониторинга процесса и ограничивает комплексную оценку явления. Таким образом, в данных трактовках ключевым в определении эффективности этнокультурного брендинга являются внешние эффекты, возникающие не только для отдельного индивида, но и региона в целом посредством потребления продуктов и услуг сферы культуры. Актуальность данного направления подтверждает цель национального проекта «Культура» — увеличение числа граждан, принимающих участие в культурной жизни страны. Увеличение данного показателя к 2024 г. планируется на уровне 15% [7]. Правильное и эффективное управление процессом этнокультурного брендирования поможет внесению существенного вклада в достижение установленных нормативным документом целей.

Этнокультурные бренды создают различные экстерналии для общества, такие как развитие идентичности, повышение качества жизни, противостояние процессу дегуманизации общества. В обществе постепенно формируется понимание, что этнокультурные бренды одновременно должны стать источниками экономической выгоды и развития территории, стимулируют приток инвестиций, обеспечивают занятость населения, создают сопутствующие эффекты для развития других секторов экономики, таких как туризм и индустрия гостеприимства. В разработке методики эффективности регионального этнокультурного бренда необходимо учитывать и экономический, и социальный эффект, который должен быть долгосрочным и достигается при условии эффективного брендирования с социокультурной и экономической точки зрения. Социальные эффекты могут возникать в виде положительных эффектов для населения территории, туристов. Поэтому, применительно к этнокультурному региональному брендированию правильнее было бы говорить о со-

циально-экономической эффективности для оценки деятельности в этой сфере.

Оценка социально-экономической эффективности подразумевает формирование системы целей — социальных, экономических, финансовых, а также касающихся экстерналий. Поэтому в предлагаемой методике оценки социально-экономической эффективности этнокультурного брендинга можно выделить три аспекта: ценностный — определяет социальные и культурные эффекты, маркетинговый — определяет экономические эффекты, и инвестиционный, который определяет финансовые эффекты.

Оценка социальной эффективности этнокультурного бренда рассматривает достижение культурной миссии территории, которая проявляется в сохранении и продвижении культурных ценностей, улучшении качества жизни населения и повышении имиджа территории.

Оценка экономической эффективности подразумевает воздействие на уровень удовлетворенности и лояльности потребителей этнокультурного бренда, привлечение СМИ и рост репутации территории.

Оценка инвестиционной эффективности включает анализ финансовых результатов этнобрендирования, показатели трудоустройства в сопутствующих сферах, развития инфраструктуры и т. п.

Таким образом, под оценкой эффективности этнокультурного бренда территории нами понимается социально-экономическая эффективность, выражающаяся в соотношении культурных, социальных, экономических и финансовых эффектов и затрат, необходимых для их достижения.

В культурологических исследованиях применительно к этнокультурному бренду выделяют огромный ресурсный потенциал народных праздников, обычаев и традиций, национальной кухни, ремесел и промыслов, и других элементов культур народов России. В качестве этнобренда возможно выделить этнокультурный продукт, связанный с различными направлениями этническо-бытовой культуры: фольклором, промыслами, кухней, костюмом, семейными праздниками. Этнокультурные продукты и события в значитель-

ной степени представлены в музейном пространстве. Сами музеи, а также объекты культурного и природного наследия из музейных коллекций могут стать основой создания запоминающихся образов для этнокультурных брендов регионов.

Ограниченность бюджетных ресурсов вынуждает территории искать оптимальные стратегии и лучшие практики брендинга. Несмотря на это, в настоящее время в регионах России отсутствует какая-либо система оценки эффективности деятельности в области культурного и этнокультурного брендинга.

Определим основные факторы, влияющие на необходимость оценки эффективности регионального этнокультурного бренда.

Во-первых, это снижение объемов бюджетного финансирования территорий и недостаточный опыт в привлечении внебюджетных средств. В данных условиях возникает потребность не только в оценке эффективности бюджетного финансирования брендинга, но и эффективности региональных программ социально-экономического развития территорий с точки зрения эффективности управления бюджетными средствами провайдеров услуг по брендингу.

Во-вторых, не рассматриваются возможности государственно-частного партнерства при продвижении этнокультурных брендов. Частная благотворительность и бизнес — структуры, осуществляющие финансовую поддержку регионального культурного брендинга, требуют четкости в планировании и оценке результатов.

В-третьих, отсутствие эффективных региональных техник продвижения этнокультурных брендов и квалифицированных специалистов в этой области.

В-четвертых, неравномерное территориальное распределение объектов культурного и природного наследия, которые могли бы стать базой формирования этнокультурного бренда.

Такое неравенство культурного потенциала в регионах приводит к ограничениям возможностей для инвестирования средств бизнеса, заинтересованного в поддержке культурных и этнокультурных брендов.

Материалы и методы исследования

Важным вопросом в исследованиях эффективности регионального этнокультурного бренда являются методики его оценки.

Предлагаемые в современной литературе различные методики и инструментарий по оценке брендинга территорий, не позволяют определить эффективность культурных и этнокультурных брендов, что свидетельствует об отсутствии сформированного подхода, обеспечивающего доступное решение данной проблемы.

Существующие методики оценки эффективности брендов условно можно разделить на две группы: оценка эффективности конкретного бренда и сравнительная оценка (рейтингование) похожих брендов. При первом подходе, в основном, применяются системы экономических показателей. Методики рейтингования дифференцируют регионы по уровню развития, качеству жизни населения, предопределяются геополитическим положением, социо-культурными и экономическими особенностями. Однако итоги рейтингования в значительной степени субъективны, так как зависят от мнения экспертов и определяются разными наборами показателей.

Кроме того, определены исследования, которые не предлагают комплексной оценки эффективности брендов, однако изучают отдельные характеристики бренда и их взаимосвязь с эффектами брендинга. На наш взгляд, применение известных экономических методик эффективности в оценке этнокультурных брендов имеют значительные ограничения, поэтому требуют модификации.

Обзор научной литературы позволил выявить области в этнокультурном брендинге территорий, которые не в полной мере изучены, но, при этом, имеют принципиально важное значение для стратегического развития регионов. К такой малоизученной сфере, на наш взгляд, относится разработка методики оценки эффективности этнокультурного бренда территории. Различия в методологических подходах и методиках говорит о том, что данная проблема не имеет очевидных решений.

Применяемая в брендинге классическая модель сбалансированной системы показателей (BSC), была разработана для коммерческих компаний и измеряет деятельность фирмы в области обучения, клиентов, финансов, внутренних процессов и инноваций. В центре модели располагаются стратегия и миссия организации. Суть модели — создать сбалансированные связи между стратегией, действиями и результатами деятельности компании. Впоследствии данная модель была адаптирована для некоммерческих организаций. Особенности модели для коммерческих организаций заключаются в том, что ее в основе располагаются финансы, а для некоммерческой организации главное — выполнение целевых социальных задач.

Учитывая вышесказанное, автором разработана методика оценки эффективности использования потенциала территориальных музеев в сфере этнокультурного брендинга на базе сбалансированной системы показателей, интегрированной с показателями динамики функционирования музеев. Ее суть заключается в создании и применении общей для этнокультурных брендов системы оценок, в которой различные цели — ценности, маркетинг, инвестиции, а также внешние эффекты интегрированы в единую систему измерения эффективности программ социально-экономического развития. Адаптация методики на региональном уровне способствует формированию комплексной системы наиболее значимых показателей, позволяющих объективно судить об уровне эффективности действующих этнокультурных брендов.

В связи с тем, что этнокультурные бренды могут быть эффективными в отношении одних направлений и неэффективны в отношении других, появляется необходимость в анализе показателей эффективности относительно стратегических целей развития территории.

Предлагаемая методика рассчитывает показатели оценки эффективности этнокультурного бренда в два этапа.

На первом этапе через систему ключевых показателей формируется обобщенный показатель совокупного потенциала территориальных музеев в области этнокультурного брендинга.

Система основана на трех измерениях: ценностном, маркетинговом и инвестиционном. На первом этапе в данные измерения попадают шесть ключевых показателей, по 2 в каждом. В рамках каждого направления формируются следующие коэффициенты потенциала территориальных музеев:

- коэффициент потенциала территориальных музеев в области этнокультурного брендинга по ценностному направлению ($\Pi_{цм}$):

$$\Pi_{цм} = P_{срм} / P_{см} \quad (1),$$

где:

$P_{срм}$ — объем расходов, направляемых на сохранение и реставрацию музеев и музейных фондов как объектов культурного наследия,

$P_{см}$ — совокупные расходы территориальных музеев.

- коэффициент потенциала территориальных музеев в области этнокультурного брендинга по маркетинговому направлению ($\Pi_{мм}$):

$$\Pi_{мм} = P_{прм} / P_{см} \quad (2),$$

где:

$P_{прм}$ — затраты на продвижение музея (затраты на информатизацию),

$P_{см}$ — совокупные расходы территориальных музеев.

- коэффициент потенциала территориальных музеев в области этнокультурного брендинга по инвестиционному направлению ($\Pi_{им}$):

$$\Pi_{им} = D_{см} / P_{см} \quad (3),$$

где:

$D_{см}$ — совокупные доходы территориальных музеев,

$P_{см}$ — совокупные расходы территориальных музеев.

На следующем этапе формируется общий показатель совокупного потенциала территориальных музеев для этнокультурного брендинга как сумма трех полученных коэффициентов.

$$\Pi_{экм} = \Pi_{цм} + \Pi_{мм} + \Pi_{им} \quad (4),$$

где:

$P_{\text{ЭКМ}}$ — общий показатель совокупного потенциала территориальных музеев для этнокультурного брендинга,

$P_{\text{ЦМ}}$ — коэффициент потенциала территориальных музеев по ценностному направлению,

$P_{\text{ММ}}$ — коэффициент потенциала территориальных музеев по маркетинговому направлению,

$P_{\text{ИМ}}$ — коэффициент потенциала территориальных музеев по инвестиционному направлению.

Эффективность использования совокупного потенциала территориальных музеев в этнокультурном брендинге можно исследовать через изменение результатов их деятельности. Для снижения влияния масштаба на результаты деятельности в анализе применяются относительные показатели, рассчитанные на один музей.

Сравнительная оценка изменений осуществляемых видов деятельности музеев проводится по трем направлениям:

- ценностное включает три показателя, отражающие востребованность музеев у аудитории:

1) изменение количества посетителей музеев в расчете на 1 музей (по сравнению с предыдущим годом), (коэф.) $K_{\text{ИПМ}}$

2) изменение количества экскурсий в расчете на 1 музей (по сравнению с предыдущим годом), (коэф.) $K_{\text{ИЭМ}}$

3) изменение количества лекций в расчете на 1 музей (по сравнению с предыдущим годом), (коэф.) $K_{\text{ИЛМ}}$

- маркетинговое включает два показателя, отражающие информационное продвижение музеев:

1) изменение количества музейных предметов, внесенных в электронный каталог (по сравнению с предыдущим годом), в расчете на 1 музей (коэф.) $K_{\text{ИЭКМ}}$

2) изменение количества музеев, имеющих Веб-сайт (по сравнению с предыдущим годом), (коэф.) $K_{\text{ИСМ}}$

- инвестиционное включает один показатель, отражающий поступление финансовых средств от платных услуг, спонсорства и благотворительности:

1) изменение доходов от предпринимательской и иной, приносящей доход деятельности, тыс.руб. в расчете на 1 музей (коэф.) $K_{\text{ИДПСБМ}}$

Для сопоставления изменений показателей результатов деятельности с целью формирования межрегионального рейтинга, рассчитывается сводный коэффициент изменений результатов деятельности музеев как сумма коэффициентов изменений по показателям всех направлений ($K_{\text{СИРМ}}$):

$$K_{\text{СИРМ}} = K_{\text{ИПМ}} + K_{\text{ИЭМ}} + K_{\text{ИЛМ}} + K_{\text{ИЭКМ}} + K_{\text{ИСМ}} + K_{\text{ИДПСБМ}} \quad (5)$$

Оценка эффективности этнокультурного бренда состоит в измерении прогресса в деятельности музеев по трем указанным направлениям. Такая методическая основа позволяет получить достаточно значимые практические результаты, поскольку показывает, в каком конкретном направлении музеи субъекта РФ функционируют наименее эффективно.

Методика показывает области, требующие наибольшего развития и внимания. Установление итоговой рейтинговой оценки позволяет выявить степень дифференциации регионов по совокупному потенциалу этнокультурного брендинга в зависимости от экономических и социокультурных особенностей.

Результаты исследования и их обсуждение

Апробация предложенной методики проведена на примере музеев Юга России, которые сохраняя культурное наследие региона, могут стать основой для формирования этнокультурного бренда. Для населения региона или туристов музеев, как этнокультурный бренд, может отражать основные региональные тренды, реагировать на запросы аудитории и вызовы современного культурного развития территории, формировать ее имидж.

В эмпирическом исследовании учитывался тот факт, что в рамках музейной деятельности представлены разнородные объекты как с точки зрения целевой аудитории, так видовой специфики и организационно-правовых форм. Выборка включает в себя все музеи федерального и местного уровня,

Таблица 1

**Совокупный потенциал территориальных музеев в области этнокультурного
брендинга за 2016 год по регионам Юга России**

Показатели	Регионы Юга России		
	Волгоградская область	Ростовская область	Ставропольский край
$P_{срм}$ тыс.руб.	93730	112068	38787
$P_{см}$ тыс.руб.	596934	690797	221406
$P_{цм}$	0,075	0.162	0,175
$P_{прм}$ тыс.руб.	3200	1612	554
$P_{см}$ тыс.руб.	596934	690797	221406
$P_{мм}$	0,005	0,002	0,003
$D_{см}$ тыс.руб.	500075	692379	220201
$P_{см}$ тыс.руб.	596934	690797	221406
$P_{им}$	0,838	1,002	0,995
$P_{экм}$	0,918	1,166	1,173
Рейтинг	3	2	1

расположенные в трех субъектах Российской Федерации. Сбором, обработкой и анализом музейной статистики на федеральном уровне занимается ГИВЦ Минкультуры через

АИС «Статистическая отчетность отрасли» [6]. Поэтому показатели рассчитывались по материалам ГИВЦ Минкультуры по регионам Юга России (Волгоградская область,

Таблица 2

**Совокупный потенциал территориальных музеев в области этнокультурного
брендинга за 2017 год по регионам Юга России**

Показатели	Регионы Юга России		
	Волгоградская область	Ростовская область	Ставропольский край
$P_{срм}$ тыс.руб.	37362	102753	29387
$P_{см}$ тыс.руб.	496903	748793	252713
$P_{цм}$	0,075	0,137	0,116
$P_{прм}$ тыс.руб.	3200	3 520	438
$P_{см}$ тыс.руб.	496903	748793	252713
$P_{мм}$	0,006	0,005	0,002
$D_{см}$ тыс.руб.	508152	757107	254374
$P_{см}$ тыс.руб.	496903	748793	252713

Показатели	Регионы Юга России		
	Волгоградская область	Ростовская область	Ставропольский край
П _{им}	1,023	1,011	1,007
П _{экм}	1,104	1,153	1,125
Рейтинг	3	1	2

Ростовская область, Ставропольский край) за период 2016–2017 гг.

Чтобы проследить характеристики музейных учреждений и эффективность, которую они демонстрируют с точки зрения возможности этнокультурного брендинга, в исследовании поставлена задача изучения потенциала всей совокупности музеев субъекта РФ на основе показателей деятельности. В таблицах 1 и 2 представлена статистика ряда ключевых показателей для расчета совокупного потенциала территориальных музеев, характеризующих их масштаб и некоторые аспекты деятельности.

Измерение совокупного потенциала территориальных музеев в области этнокультурного брендинга за 2016 год по нескольким регионам Юга России показало приоритет Ставропольского края в области сохранения культурного наследия, т.е. ценностном направлении. Волгоградская область занимает лидирующее место в информационном продвижении, т.е. маркетинговом направлении, а Ростовская область опережает остальные

исследуемые регионы по уровню полученных доходов, т.е. инвестиционном направлении.

Однако, в 2017 году, указанные тенденции по регионам изменились (табл. 2).

Измерение совокупного потенциала территориальных музеев в области этнокультурного брендинга за 2017 год по регионам Юга России вывело на первое место в ценностном и маркетинговом направлении Ростовскую область, а в инвестиционном направлении лидером стала Волгоградская область. В Ставропольском крае произошло снижение, и без того, низкого уровня информационной поддержки, т.е. маркетинговое направление показало регресс. Положительным моментом является тенденция к росту доходов музеев по отношению к расходам во всех исследуемых регионах.

Для исследования динамики потенциалов территориальных музеев была проведена сравнительная оценка их изменений (табл. 3).

Сравнительная оценка изменений совокупного потенциала территориальных

Таблица 3

Сравнительная оценка изменений совокупного потенциала этнокультурного брендинга за период 2016 - 2017 годы

Показатели	Регионы Юга России								
	Волгоградская область			Ростовская область			Ставропольский край		
	2016	2017	2017/2016, коэф. изменений	2016	2017	2017/2016, коэф. изменений	2016	2017	2017/2016, коэф. изменений
П _{экм}	0,918	1,104	1,2	1,166	1,153	0,99	1,173	1,125	0,96
Рейтинг	1			2			3		

музеев за период 2016–2017 годы показала, что эффективное использование потенциала территориальных музеев в Волгоградской области в 2017 году (рост потенциала соста-

вил соответственно 1,2 раза по сравнению с 2016 годом) привело к росту сопутствующих социокультурных эффектов через улучшение результатов деятельности территориальных

Таблица 4

Сравнительная оценка изменений результатов деятельности территориальных музеев в направлениях за период 2016 - 2017 годы

Показатели	Регионы Юга России								
	Волгоградская область			Ростовская область			Ставропольский край		
	2016	2017	2017/ 2016, коэф. изменений	2016	2017	2017/ 2016, коэф. изменений	2016	2017	2017/ 2016, коэф. изменений
Всего музеев,	41	41	1,0	43	43	1,0	43	44	1,02
в т.ч. филиалов	2	2		0	0		9	9	
Ценностное направление									
Число посещений на один музей, тыс.чел.	74,7	74,6	0,99	37,2	37,1	0,99	18,4	21,9	1,19
Число экскурсий на один музей	734	676	0,92	1005	1039	1,03	529	568	1,07
Число лекций на один музей	65	58	0,89	68	65	0,96	59	59	1,0
Маркетинговое направление									
Число музейных предметов, внесенных в электронный каталог, на один музей	4937	5192	1,05	25186	27143	1,08	14798	15181	1,03

Показатели	Регионы Юга России								
	Волгоградская область			Ростовская область			Ставропольский край		
	2016	2017	2017/ 2016, коэф. изменений	2016	2017	2017/ 2016, коэф. измене- ний	2016	2017	2017/ 2016, коэф. изменений
Число музеев, имеющих Веб-сайт – всего,	21	30	1,43	35	39	1,11	37	41	1,11
% от общего числа	51,2	73,2		81,4	90,7		86,0	93,2	
Инвестиционное направление									
Доходы от предпринимательской и иной, приносящей доход деятельности, т. руб. на один музей	2007	2621	1,31	2007	2393	1,19	491	567	1,15
$K_{\text{сирм}}$	6,59			6,36			6,55		
Рейтинг	1			3			2		

музеев, за исключением ценностного направления, где у Волгоградской области мы видим признаки регресса (табл. 4). Несмотря на то, что Ростовский и Ставропольский регионы занимают более высокие рейтинговые места по отношению к Волгоградской области в анализе направлений за 2016 и 2017 гг., динамика показателя говорит о снижении эффективности его использования в целях этнокультурного брендинга.

Это может означать, что причина неэффективности в использовании совокупного потенциала заключается не только в некорректном использовании ресурсов, но и в неоптимальном функционировании музейных организаций. Отметим, что при интерпретации результатов по каждому субъекту РФ мы намеренно не вычисляли средние значения сводных показателей, так как нам было интересно проследить стабильность в деятельности

территориальных музеев. Эта характеристика является достаточно важной для уверенного функционирования создаваемого этнокультурного бренда.

Сравнительная оценка изменений результатов деятельности территориальных музеев Ростовской области иллюстрируют ухудшение динамики показателей деятельности практически по всем направлениям (табл. 4). В Ставропольском крае изменение результатов деятельности музеев показывает положительную динамику, но ухудшение показателя совокупного потенциала в 2017 году по сравнению с 2016 годом говорит о том, что темпов его роста не хватает для эффективного функционирования этнокультурного бренда территорий (табл. 3, табл. 4).

Аддитивный анализ показателей деятельности музеев за период 2016 по 2017 годы показал, что Волгоградская область обладает

относительно высокими значениями в рамках представленной методики, что положительно характеризует ее совокупный потенциал в области этнокультурного брендинга. Следует отметить, что параметры использования результатов оценки (сводный коэффициент изменений результатов деятельности музеев — 6,59) находятся на сопоставимом и одновременно наивысшем уровне среди рассмотренных субъектов Юга России, что также является существенной положительной чертой для формирования и эффективного продвижения этнокультурных брендов Волгоградской области.

Подчеркнем, что разнородность выборки в данном исследовании позволяет получить наиболее значимые результаты. Изучение статистических данных подтверждает необходимость проведения сравнительного анализа потенциала территориальных музеев для всех субъектов Российской Федерации с целью дальнейшей сравнительной оценки эффективности их деятельности в области этнокультурного брендинга и внедрения полученной методики в оценку программ социально-экономического развития регионов.

Выводы

В сфере культуры учет мнения потребителей, органов власти, а также населения той территории, где представлен этнокультурный бренд — является особенно важным вследствие внешних культурных и социальных эффектов, возникающих для индивида и региона в целом.

Стратегия долгосрочной эффективности регионального этнокультурного бренда

заключается в активном использовании совокупного потенциала культурного и природного наследия региона, удержании позиции бренда путем постоянного обеспечения соответствия ценностей этнобренда ценностям целевой аудитории, которой этот бренд востребован, а также его дальнейшим продвижением в рамках программ социально-экономического развития территории. В ином случае появляется риск снижения эффективности этнокультурного бренда, а в дальнейшем прекращение его существования.

На сегодняшний день разработка методики оценки эффективности территориального этнокультурного брендинга является одной из современных задач в рамках анализа эффективности культурных и этнокультурных брендов, и пока сделаны только первые шаги в ее решении. Остается открытым вопрос коррекции оценок эффективности по отношению к конкретным этнокультурным брендам и для его урегулирования требуется дальнейшего уточнение методики с применением более сложного экономико-математического аппарата.

Основными преимуществами предложенной методики являются: ее значимость для развития методологической базы этнокультурного брендинга, оптимальное количество и простота расчета выбранных для анализа направлений и показателей, универсальность применения для отдельно взятого региона и межрегиональных исследований, возможность учета специфических особенностей и тенденций социокультурного и экономического развития территорий.

Использованная литература:

1. Ахременко А. С. Социальная эффективность государства в регионах России: 2008-2011 гг. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://publications.hse.ru/preprints/102026182> (дата обращения 22.01.19).
2. Зеленская Е. М. Эффективность деятельности учреждений культуры: анализ показателей и обзор методик оценки // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. № 3-4 (56-57). С. 174-188.
3. Кучмаева О. В. Возможности эмпирических исследований и количественной оценки результативности культурной политики // Культурное наследие России. 2015. № 3. С. 24-33.

References:

1. Akhremenko, A. S., *Sotsial'naya effektivnost' gosudarstva v regionakh Rossii: 2008-2011 gody* [The Social Efficiency of the State in the Regions of Russia: 2008-2011], in *Natsional'nyi issledovatel'skiy universitet „Vysshaya shkola ekonomiki“*. <https://publications.hse.ru/preprints/102026182>. Accessed 22 January, 2019.
2. Zelenskaya, E. M., *Effektivnost' deyatel'nosti uchrezhdeniy kul'tury: analiz pokazateley i obzor metodik otsenki* [The Effectiveness of Cultural Institutions: Analysis of Indicators and a Review of Assessment Methods], *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, 2017, № 3-4 (56-57), pp. 174-188.

4. Сабельникова Н. В. Управление эффективностью деятельности в сфере культуры в условиях экономической нестабильности // Петербургский экономический журнал. 2016. № 4. С. 168-175.

5. Статистические данные по видам учреждений культуры, искусства и образования за 2016 год. Свод. Музеи // Сервер отраслевой статистики Минкультуры России. URL: <http://mkstat.ru/indicators/> (дата обращения: 14.01.19).

6. Тарханова Е. Г. Методы оценки эффективности деятельности некоммерческих организаций // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 4 (78). С. 110-114.

7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения 22.01.19).

3. Kuchmaeva, O. V., Vozmozhnosti ehmpiricheskikh issledovaniy i kolichestvennoy otsenki rezul'tativnosti kul'turnoy politiki [Possibilities of Empirical Research and Quantitative Assessment of the Effectiveness of Cultural Policy], *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2015, no. 3, pp. 24-33.

4. Sabel'nikova, N. V., Upravlenie ehffektivnost'yu deyatel'nosti v sfere kul'tury v usloviyakh ehkonomicheskoy nestabil'nosti [Cultural Performance Management in the Context of Economic Instability], *Peterburgskiy ehkonomicheskij zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 168-175.

5. Statisticheskie dannye po vidam uchrezhdeniy kul'tury, iskusstva i obrazovaniya za 2016 god. Svody. Muzei [Statistical Data on the Types of Institutions of Culture, Art and Education for 2016. The Vaults. Museums], in *Server otraslevoy statistiki Minkul'tury Rossii*. <http://mkstat.ru/indicators/>. Accessed 14 January, 2019.

6. Tarkhanova, E. G., Metody otsenki ehffektivnosti deyatel'nosti nekommercheskikh organizatsiy [Methods for Evaluating the Effectiveness of Activities of Non-Profit Organizations], *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ehkonomicheskoy akademii*, 2011, no. 4 (78), pp. 110-114.

7. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.05.2018 goda № 204 „O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda“ [Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2018 no. 204 “On the National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024”], in *Spravochno-pravovaya sistema „Konsul'tantPlyus“*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/. Accessed January 22, 2019.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бычкова, О. И. Особенности измерения потенциала музеев в оценке эффективности этнокультурного бренда региона (на примере музеев Юга России) [Electronnyy resurs] / О. И. Бычкова // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 127-138. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Bychkova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Bychkova, O. I., Osobennosti izmereniya potentsiala muzeev v otsenke ehffektivnosti ehcnokul'turnogo brenda regiona (na primere muzeev Yuga Rossii) [Peculiarities of Measurement of the Potential of Museums in Evaluation of the Efficiency of Ethnocultural Brand of the Region (with the South of Russia as a Case Study)], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 127-138. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Bychkova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

САРКИСОВ Вячеслав Александрович

кандидат культурологии, доцент кафедры истории,
культурологии и музееведения
Краснодарского государственного института культуры
Краснодар, Россия

Vyacheslav A. SARKISOV

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Department of History, Cultural Studies and Museology,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russia

dekan-fndo@yandex.ru

**УДК [069.02:7]:351.85(470-13)
ГРНТИ 13.51.11
ВАК 24.00.03**

Художественные музеи Юга России в системе прикладных задач культурной политики: специфика корпоративной социальной ответственности

Art Museums of the South of Russia in the System of Applied Tasks of Cultural Policy: Specificity of Corporate Social Responsibility

В статье анализируется соотношение явной и неявной корпоративной социальной ответственности художественных музеев Юга России, выраженное в контенте их официальных сайтов. Автором рассмотрены структура и содержание официальных Интернет-представительств центральных и региональных художественных музеев. Сделан вывод о том, что создание и развитие web-сайтов является инициативой самих учреждений и свидетельствует о субъектности их создателей в культурной политике государства. Выявлены недостатки официальных представительств музейных учреждений. Подчеркнута продуктивность качественного дискурс-анализа «сообщений» субъектов политического дискурса в сети Интернет с прагматических позиций. Утверждается, что отсутствие бюджетного стимулирования развития информационной среды региональных художественных музеев приводит к их ориентации на собственные прагматические соображения и представления о корпоративной социальной ответственности. Указано на необходимость проведения замеров показателей культурного развития и на перспективность внедрения рейтинговой оценки

The problem posed in the article is the ratio of explicit and implicit corporate social responsibility of individual art museums in southern Russia, expressed in the content of their official sites. The author reviewed the structure and content of official Internet sites of central and regional art museums. It was concluded that the creation and development of the websites is an initiative of the institutions themselves and indicates the subjectivity of their creators in the cultural policy of the state. Identified the shortcomings of the official sites of museum institutions. The productivity of the qualitative discourse analysis of the "messages" of the subjects of political discourse on the Internet from a pragmatic standpoint is underlined. It is argued that the lack of budgetary incentives for the development of the information environment of regional art museums leads to their orientation towards their own pragmatic considerations and ideas about CSR. It is pointed out the need to measure cultural development indicators and the promise for introducing a rating assessment of the work of the authorities of the regions, stimulating their competitiveness.

работы властей регионов, стимулирующей их состоятельность.

Ключевые слова: культура, культурная жизнь, культурная политика, официальный сайт, художественные музеи, Юг России, дискурс, субъектность, региональная политика, корпоративная социальная ответственность.

Keywords: culture, cultural life, cultural policy, official site, art museums, South of Russia, discourse, subjectivity, regional policy, CSR.

Культурная политика современного российского государства основана на понимании социальных функций культуры, а также необходимости сохранения и реализации ресурсного потенциала культурного наследия. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденная Правительством России [12] основывается на Конституции, опирается на Указ Президента [17], входит в комплекс концептуальных документов, обеспечивающих конституционный строй и суверенитет Российской Федерации и декларирует многообразие субъектов культурной политики: «В Российской Федерации (в отличие от советской модели культурной политики, в которой государство являлось ключевым и часто единственным субъектом культурной политики) существует закрепленное нормами права многообразие субъектов культурной политики» [12]. Художественный музей является, с одной стороны, одним из механизмов реализации государственной культурной политики, т. е. объектом последней, с другой — ее субъектом. Представляется очевидной зависимость эффективности культурной политики от активности ее отдельных субъектов. Между тем одним из проблемных вопросов реализации современной модели культурной политики России остается наследие советской эпохи, выраженное в иждивенческой позиции и патерналистских ожиданиях по отношению к государству со стороны отдельных учреждений культуры. И здесь субъектность художественных музеев в вопросах решения прикладных задач культурной политики является показателем уровня их социальной ответственности, многократно увеличивающей эффективность государственных инвестиций.

Проблема социальной ответственности организаций (за рубежом обозначенная как проблема корпоративной социальной

ответственности) активно изучается в междисциплинарной области социальных наук на основе теории социального дискурса и достижений современной коммуникативистики (Л. Т. Кристенсен, С. Шаефер, М. Морсинг и др.). Рассмотрим соотношение *явной* и *неявной* корпоративной социальной ответственности на примере отдельных художественных музеев Юга России в системе прикладных задач государственной культурной политики.

Разделение *явной* и *неявной* корпоративной социальной ответственности основано на дихотомии «языка» и «речи» (Ф. де Соссюр [15] и др.), а также на обнаруженной проблеме перформативности заявлений о социальной ответственности, не всегда соответствующих конкретным социальным действиям [21].

В отечественной науке исследования перформативности не последнее место занимают в работах ученых Юга России: И. В. Четыркиной, Е. Н. Лучинской и И. Б. Сизоненко, Е. Н. Горбачевой и др. В целом в отечественной коммуникативистике этот феномен рассматривается в аспекте влияния речевого дискурса на социальное действие (Н. Н. Белозерова, Т. Н. Журавская, С. Г. Проскурин, Н. П. Рыжова, П. А. Сафронов, Г. Б. Юдин и др.). Хотя под перформативностью также понимается и выразительность сценического действия или комплекса выразительных средств за пределами речевого акта (В. Н. Алесенкова, А. И. Андреев, С. С. Соколов и др.). Близость понятий, производных от общего «*performance*», очевидна. Но в нашем случае следует указать на различия.

Перформативность в корпоративной социальной ответственности — соответствие слова и дела в заявлениях о социальной ответственности, указывает на *явный* ее характер, (в системе прикладных задач культурной политики подчеркивает их продуктивность).

Неявная корпоративная социальная ответственность не декларируется и требует качественного анализа, дешифровки «высказываний» ее субъектов. В нашем случае такими субъектами выступают социально ориентированное российское государство, декларирующее социальную ответственность в программных документах культурной политики, и музеев, как один из институтов культурной жизни, стремящейся к отражению своей деятельности в глобальном информационном пространстве.

Возникает феномен *неявной* корпоративной социальной ответственности, по мнению зарубежных ученых (Л. Т. Кристенсен [18] и др.), в результате конфликта интересов высшего руководства и менеджмента среднего и низшего звена, когда ответственность последними понимается иначе, но в силу дисциплинарных механизмов (в нашем случае государственных) не заявляется как принципиальная позиция, реализуясь в деятельности. По исследованию М. Морсинг и Л. Дж. Спенс [20], *неявная* корпоративная социальная ответственность остается преимущественным способом вклада в улучшение общества хозяйствующими субъектами за рубежом.

Рассмотрим соотношение *явной* и *неявной* корпоративной социальной ответственности на примере контента официальных сайтов «Астраханской государственной картинной галереи имени П. М. Догадина» [1], «Ростовского областного музея изобразительных искусств» [14], «Краснодарского краевого художественного музея имени Ф. А. Коваленко» [9] и «Сочинского художественного музея» [16].

Первое что бросается в глаза — это скромность дизайнерского воплощения сайтов региональных музеев по сравнению, например, с сайтами Русского [4] или Пушкинского [3] музеев в Санкт-Петербурге. Наличие и модернизация сайтов художественных музеев соответствует стратегическим задачам государственной культурной политики в направлениях: создание единой информационной среды для укрепления культурной идентичности россиян, обеспечение общедоступности культурных ценностей, продвижение российских культурных ценностей на между-

народной арене, развитие образовательной и просветительской среды и пр.

Информатизация системы государственного управления обусловила внедрение с 2013 г. государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» [8]. Анализ государственных заданий рассматриваемых художественных музеев свидетельствует о том, что создание и развитие их официальных сайтов является инициативой самих учреждений. То есть наличие анализируемых сайтов является свидетельством субъектности их создателей в культурной политике государства. А вот отсутствие государственных заданий по развитию информационной среды музеев и бюджетных ассигнований на эти цели соответственно расходится с провозглашенной государством доктриной по ряду вышеперечисленных пунктов. Налицо противоречие между *явной* и *неявной* корпоративной социальной ответственностью со стороны руководства, контролирующего государственный заказ художественных музеев. Следует ли ожидать перформативности стратегических задач государственной политики в такой ситуации?

Очевидно, что без бюджетного стимулирования развития информационной среды региональных художественных музеев последние будут ориентироваться на собственные прагматические соображения и представления.

В частности, обратим внимание, что отсутствие ресурсов (финансовых, технических, кадровых и пр.) для качественной популяризации коллекций региональных музеев компенсируется саморекламой учреждений (или даже их сотрудников) и размещением на страницах сайтов копий документов из «Электронного бюджета». Отметим, что самореклама¹ оправдана стремлением привлечения внебюджетных средств.

¹ Здесь необходимо разграничивать продуктивные маркетинговые технологии, повышающие социальный статус художественного музея, и ущербные (непродуктивные), подрывающие тот же статус. Продуктивный маркетинг в системе художественных музеев мира опирается на пропаганду культурного наследия и просветительскую деятельность учреждений, ведь основной продукт музея — культурная ценность коллекций, зависящая прежде всего от степени её актуализации в культурной жизни общества.

Информатизация, как одно из приоритетных направлений государственной политики, нацелена на интенсификацию управления, в том числе и на снижение сопутствующих нерациональных ресурсных расходов. Фотокопии же канцелярских бумаг на сайтах художественных музеев Юга России *неявно* свидетельствуют одвойной системе отчетности: электронной и бумажной. Что говорит об удвоении нецелевых ресурсных затрат. Трудно себе представить объемы подобных нерациональных расходов, если такое происходит в масштабах всей страны, во всех регионах, во всех бюджетных организациях: сколько впустую тратятся бумаги, чернил, рабочего времени и энергоресурсов... То есть, речь идет уже не о социальной ответственности, а о социальной безответственности перед современниками, в плане неэффективного расходования бюджета, и перед грядущими поколениями, которые будут вынуждены обслуживать или утилизировать колоссальные объемы информации на цифровых и бумажных носителях, не имеющей никакого отношения к культурному наследию. Если система «Электронный бюджет» исправно функционирует, зачем дублировать отчетную информацию на сайтах, предназначенных для популяризации культурного наследия?

Хочется надеяться, что обозначенная проблема является преходящей, то есть относится к издержкам роста (развития), и на следующем этапе интенсификации управления технически преодолима.

Целерациональная организация и целенаправленное развитие контента официального сайта представляется одной из важных прикладных задач культурной политики художественного музея. В условиях интенсивной информатизации общества ее решение обеспечивает комплексный подход к сохранению и актуализации культурного наследия. Вместе с тем, в анализируемом нами контенте нет сведений об организации и проведении методических мероприятий по проблемам развития информационного пространства современного художественного музея, хотя музеям друг у друга есть чему поучиться.

Так, к примеру, слабее остальных разработан сайт Астраханской государственной

картинной галереи имени М. П. Догадина [1], но и в его конструктивном решении есть рациональное зерно: сайт интегрирован с качественно исполненным ООО «Музей Плюс» ресурсом «Дом-музей Велимира Хлебникова» [7] и малоинформативными сайтами «Дом-музей Б. М. Кустодиева» [6] и «МКЦ Дом купца Г. В. Тетюшинова» [10]. Интегрирован слабо, нет обратной навигации на сайт галереи. Но идея взаимной интеграции сайтов близких по целевым установкам корпоративной социальной ответственности организаций весьма продуктивна. Хотя руководству и специалистам астраханской галереи есть чему учиться у краснодарских и ростовских коллег, последовательно осуществляющих репрезентацию своих коллекций и других достижений в сети. Управление обширной сетью родственных ресурсов может быть экономически выгодно при сохранении на них общего рекламного пространства, ценность которого, в свою очередь, определялась бы исключительным положением в специфически ценной информационной среде художественных музеев региона.

Немаловажным упущением представляется отсутствие на изученных сайтах художественных музеев Юга России иноязычных версий контента. На сайте Русского музея есть англоязычная версия, а Пушкинский музей помимо русского представлен на английском, итальянском, немецком, французском, испанском, китайском и японском языках. Упущение региональных музеев *явно* свидетельствует об их ориентации, прежде всего, на внутренний рынок услуг. Но нужно обратить внимание и на *неявный* аспект. Продвижение информации о коллекциях региональных музеев в глобальном информационном пространстве на других языках не только привлекает иностранных туристов, то есть может быть экономически выгодно, но и усиливает культурную ценность пропагандируемых объектов хранения и экспонирования, что положительно влияет и на внутреннее потребление, и на совокупную ценность всего культурного наследия России. В контексте прикладных задач культурной политики многоязычный контент сайтов художественных музеев соответствует стратегии продвижения ценностей российской культуры на международной арене.

Из четырех проанализированных сайтов два (ростовского и краснодарского музеев) свидетельствуют о высоком уровне субъектности учреждений. Критерием такой оценки является целерациональное использование информационного пространства для продвижения культурных ценностей. Конечно, этот факт не исключает субъектности астраханского и сочинского музеев за пределами анализируемого информационного пространства, но свидетельствует о низкой информационной культуре менеджмента, об отсутствии одного из механизмов обеспечения комплексного подхода к сохранению и актуализации культурного наследия.

Конечно, можно сослаться на трудности начального этапа. Только сайт Астраханской галереи создан при поддержке «Информационной сети RD» еще в 2012 г. При их же поддержке были созданы пустые сайты Дома Кустодиева (2011) и Дома Тетюшинова (2012). Сайт Дома Хлебникова (2016), хоть и создан позже, отличается содержательностью, наличием англоязычной версии, качественным дизайнерским и архитектурным решением, не уступающим питерским сайтам. Очевидно, что «Музей Плюс» больше заботится о своем престиже нежели «Информационная сеть RD». Качество сайта сочинского музея резко контрастирует с качеством сайта городской администрации и управления культуры. Это обстоятельство свидетельствует о том, что город не обременен обязательствами корпоративной социальной ответственности по отношению к музею. К примеру, реклама выставки В. Пустовалова «Образы театральной реальности» в Сочинском художественном музее размещена вообще не на сайте

музея, а на страницах управления культуры [11].

Таким образом, продуктивность качественного дискурс-анализа *явной и неявной* корпоративной социальной ответственности на материале обозначенного контента заключается в характеристике отдельных субъектов политического дискурса с прагматических позиций. Не следует идеализировать влияние ценностного комплекса этого феномена на общество. По мысли М. Фуко, вне зависимости от провозглашенных норм субъекты дискурса всегда стремятся избежать дисциплинарной ответственности за их нарушение несмотря на то, что сами устанавливают их и регулируют [19]. Государство позиционирует себя актором культурной политики, руководящим субъектом социального дискурса, но это не означает, что деятельность госслужащих полностью подчинена заявленным нормам. Скорее наоборот, государство, экономя свои ресурсы, реализацию поставленных задач перекладывает на иных субъектов.

Конечно же, замеры показателей культурного развития необходимы [13]. Перспективной видится и рейтинговая оценка работы властей регионов, стимулирующая их состоятельность [5], особенно если принять, что символизация успеха предопределяет ориентацию социальных субъектов в социокультурной среде [2]. Но было бы наивно полагать, что абсолютно все субъекты культурной политики прислушаются кученым. Исследования нужны только субъектам, реально обеспечивающим перформативность государственной культурной политики, остальные же лишь стремятся избежать дисциплинарной ответственности и вряд ли будут рады разоблачению их бездействия.

Использованная литература:

1. Астраханская государственная картинная галерея имени П. М. Догадина [Электронный ресурс]. URL: <http://agkg.ru/> (дата обращения 30.01.19).
2. Бакуменко Г. В. Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // Политика и общество. 2015. № 7. С. 964–977.
3. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина [Электронный ресурс].

References:

1. *Astrakhanskaya gosudarstvennaya kartinnaya galereya imeni P.M.Dogadina* [The Dogadin Astrakhan State Art Gallery]. <http://agkg.ru/>. Accessed January 30, 2019.
2. Bakumenko, G. V., Protseess simvolizatsii uspekha kak printsip prostranstvenno-sredovoy orientatsii ehlementov sotsiokul'turnykh sistem [The Process of Symbolizing Success as a Principle of Spatial-Environmental Orientation of the Elements of Sociocultural Systems], *Politika i obshchestvo*, 2015, no. 7, pp. 964-977.

URL: <https://pushkinmuseum.art/> (дата обращения 30.01.19).

4. Государственный Русский музей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusmuseum.ru/> (дата обращения 30.01.19).

5. Гуров М. Б., Филатова Н. В. Методика оценки эффективности работы региональных властей по показателю «культурное наследие»: проект // Культурное наследие России. 2017. № 1(17). С. 13–19.

6. Дом-музей Б. М. Кустодиева. Филиал Астраханской государственной картинной галереи имени П. М. Догадина [Электронный ресурс]. URL: <http://ast-kustodiev.ru/> (дата обращения 30.01.19).

7. Дом-музей Велимира Хлебникова. Филиал Астраханской государственной картинной галереи имени П. М. Догадина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.domvelimira.ru/> (дата обращения 30.01.19).

8. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.gov.ru/epbs/> (дата обращения 30.01.19).

9. Краснодарский краевой художественный музей имени Ф. А. Коваленко [Электронный ресурс]. URL: <http://kovalenkomuseum.ru/> (дата обращения 30.01.19).

10. Музейно-культурный центр «Дом купца Тетюшинова». Филиал Астраханской государственной картинной галереи имени П. М. Догадина [Электронный ресурс]. URL: <http://tetushinov.ru/> (дата обращения 30.01.19).

11. Образы театральной реальности [Электронный ресурс] // Управление культуры администрации города Сочи. URL: <http://kultura.sochi.ru/afisha/77> (дата обращения 30.01.19).

12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf> (дата обращения 30.01.19).

13. Региональная культурная политика: методология, институты, практики: ценностно-нормативный подход: монография / отв. ред. А. Л. Зорин. М.: Ин-т Наследия, 2019.

14. Ростовский областной музей изобразительных искусств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.romii.ru/> (дата обращения 30.01.19).

15. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / под ред. и с примеч. Р. И. Шор. М.: URSS, 2004.

16. Сочинский художественный музей [Электронный ресурс]. URL: <http://sochiartmuseum.com/> (дата обращения 30.01.19).

17. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201412250002.pdf> (дата обращения 30.01.19).

18. Christensen L. T., Morsing M., Thyssen O. License to critique: A communication perspective on sustainability

3. Gosudarstvennyy muzej izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina [The Pushkin State Museum of Fine Arts]. <https://pushkinmuseum.art/>. Accessed January 30, 2019.

4. Gosudarstvennyy Russkiy muzej [The State Russian Museum]. <http://www.rusmuseum.ru/>. Accessed January 30, 2019.

5. Gurov, M. B. and Filatova, N. V., Metodika otsenki ehffektivnosti raboty regional'nykh vlastey po pokazatelyu "kul'turnoe nasledie": proekt [Methodology for Assessing the Effectiveness of Regional Authorities on the Cultural Heritage: Project], *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2017, no. 1(17), pp. 13–19.

6. Dom-muzej B.M. Kustodieva. Filial Astrakhanskoy gosudarstvennoy kartinnoy galerei imeni P. M. Dogadina [The House Museum of B. M. Kustodiev. The Branch of the Dogadin Astrakhan State Art Gallery]. <http://ast-kustodiev.ru/>. Accessed January 30, 2019.

7. Dom-muzej Velimira Khlebnikova. Filial Astrakhanskoy gosudarstvennoy kartinnoy galerei imeni P.M. Dogadina [The House Museum of Velimir Khlebnikov. The Branch of the Dogadin Astrakhan State Art Gallery]. <http://www.domvelimira.ru/>. Accessed January 30, 2019.

8. Edinyy portal byudzhetoynoy sistemy Rossiyskoy Federatsii "Elektronnyy byudzhety" [Single Portal of the Budget System of the Russian Federation "Electronic budget"]. <http://budget.gov.ru/epbs/>. Accessed January 30, 2019.

9. Krasnodarskiy kraevoy khudozhestvennyy muzej imeni F.A. Kovalenko [The Kovalenko Krasnodar Regional Art Museum]. <http://kovalenkomuseum.ru/>. Accessed January 30, 2019.

10. Muzeyno-kul'turnyy tsentr "Dom kuptsa Tetyushinova". Filial Astrakhanskoy gosudarstvennoy kartinnoy galerei imeni P.M. Dogadina [Museum Cultural Center "House of the Merchant Tetyushinov". The branch of the Dogadin Astrakhan State Art Gallery]. <http://tetushinov.ru/>. Accessed January 30, 2019.

11. Obrazy teatral'noy real'nosti [Images of Theatrical Reality], in *Upravlenie kul'tury administratsii goroda Sochi*. <http://kultura.sochi.ru/afisha/77>. Accessed January 30, 2019.

12. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 fevralya 2016 goda № 326-r "Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda" [Order of the Government of the Russian Federation of February 29, 2016 No. 326-p "Strategy of the State Cultural Policy for the Period until 2030"], in *Pravitel'stvo Rossiyskoy Federatsii*. <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf>. Accessed January 30, 2019.

13. Regional'naya kul'turnaya politika: metodologiya, instituty, praktiki: tsennostno-normativnyy podkhod [Regional Cultural Policy: Methodology, Institutions, Practices: Value-Normative Approach]: *monograf*, Zorin, A. L., Ed., Moscow: Institut Naslediya, 2019.

14. Rostovskiy oblastnoy muzej izobrazitel'nykh iskusstv [Rostov Regional Museum of Fine Arts]. <http://www.romii.ru/>. Accessed January 30, 2019.

15. Saussure, F., *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General Linguistics], Shor, R. I., Ed., Comments, Moscow: URSS, 2004.

16. Sochinskiy khudozhestvennyy muzej [Sochi Art Museum]. <http://sochiartmuseum.com/>. Accessed January 30, 2019.

standards // *Business Ethics Quarterly*. 2017. No 27 (2). P. 239–262.

19. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* / Translated by A. Sheridan. N. Y.: Pantheon, 1977.

20. Morsing M., Spence L. J. Corporate social responsibility (CSR) communication and small and medium sized enterprises: The governmentality dilemma of explicit and implicit CSR communication [Electronic resource] // *Human Relations*. OnlineFirst. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0018726718804306> (date of access 30.01.19).

21. Schaefer S., Wickert C. On the potential of progressive performativity: Definitional purity, re-engagement and empirical points of departure // *Human Relations*. 2016. No 69 (2). P. 215–224.

17. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24 dekabrya 2014 goda № 808 “Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul’turnoy politiki” [Presidential Decree no. 808 of December 24, 2014 “On the Approval of the Basics of the State Cultural Policy”], in *Prezident Rossiyskoy Federatsii*. <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201412250002.pdf>. Accessed January 30, 2019.

18. Christensen, L. T., Morsing, M. and Thyssen, O., License to critique: A communication perspective on sustainability standards, *Business Ethics Quarterly*, 2017, no. 27(2), pp. 239–262.

19. Foucault, M., *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Sheridan, A., Transl., New York: Pantheon, 1977.

20. Morsing, M. and Spence, L. J., Corporate social responsibility (CSR) communication and small and medium sized enterprises: The governmentality dilemma of explicit and implicit CSR communication, *Human Relations*. OnlineFirst. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0018726718804306>. Accessed January 30, 2019.

21. Schaefer, S. and Wickert, C., On the potential of progressive performativity: Definitional purity, re-engagement and empirical points of departure, *Human Relations*, 2016, no. 69(2), pp. 215–224.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Саркисов, В. А. Художественные музеи Юга России в системе прикладных задач культурной политики: специфика корпоративной социальной ответственности [Электронный ресурс] / В. А. Саркисов // *Наследие веков*. – 2019. – № 1. – С. 139–145. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Sarkisov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Sarkisov, V. A., *Khudozhestvennyye muzei Yuga Rossii v sisteme prikladnykh zadach kul’turnoy politiki: spetsifika korporativnoy sotsial’noy otvetstvennosti* [Art Museums of the South of Russia in the System of Applied Tasks of Cultural Policy: Specificity of Corporate Social Responsibility], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 139–145. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Sarkisov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ

ПЕНКИНА Ольга Владимировна

кандидат культурологии, преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин Краснодарского
высшего военного авиационного училища летчиков
имени Героя Советского Союза А. К. Серова
Краснодар, Россия

Olga V. PENKINA

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),
Lecturer, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines,
Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots,
Krasnodar, Russia

olgapenkina@list.ru

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна

доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем
изучения культуры Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Краснодар, Россия

Elena Yu. TRETYAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Department for Complex Problems
for Cultural Research, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia

drevo_rechi@mail.ru

УДК [7+398]:021.2

ГРНТИ 13.31.23

ВАК 24.00.03

От фольклора и его героев – к современности и нашим землякам

Инициативы Года театра вписались в круг мероприятий, которыми в Краснодаре традиционно отмечают Всемирный день поэзии (21 марта) и Международный день театра (27 марта). Это показало событие, площадкой проведения которой

From Folklore and Its Heroes to Modernity and to Our Countrymen

Initiatives of the Year of the Theater fit into the range of events that traditionally mark World Poetry Day (March 21) and International Theater Day (March 27) in Krasnodar. This was shown by the event, which took place at the venue of which was N. A. Nekrasov

стала Центральная городская библиотека имени Н. А. Некрасова, а организаторам – Южный филиал Института Наследия. Целями состоявшегося в литературной гостиной мероприятия было: раскрыть широкий спектр возможностей, которые открываются при освоении фольклора во всех видах искусства; познакомить краснодарцев с творчеством уроженца их родного города – композитора Г. П. Дмитриева (1942–2016). Сохранившийся на одной из центральных улиц Краснодара дом, в котором прошли детство и юность выдающегося отечественного композитора, должен обрести статус объекта культурного наследия.

Ключевые слова: фольклорные предания и народные песни о Степане Разине, «Песни о Стеньке Разине» А. С. Пушкина, «Стенька Разин» М. В. Цветаевой, вокальный цикл «Стенька Разин» Г. П. Дмитриева, картина В. И. Сурикова «Степан Разин».

Central City Library, organized by the employees of the Southern branch of the Heritage Institute. The event held in the literary lounge of the Central City Library had two main goals. First, to uncover a wide range of opportunities that open when mastering folklore in all forms of art. Secondly, to introduce people of Krasnodar to the work of G. P. Dmitriev (1942–2016), a composer and a native of the city. The house, which is situated on one of the central streets of Krasnodar, where the childhood and youth of the outstanding Russian composer were spent, must acquire the status of an object of cultural heritage.

Keywords: folklore legends and folk songs about Stepan Razin, "Songs about Stenka Razin" by A. S. Pushkin, "Stenka Razin" by M. V. Tsvetaeva, vocal cycle "Stenka Razin" by G. P. Dmitriev, painting by V. A. Serov "Stenka Razin".

Объявленный Годом театра 2019 год внес свои коррективы в празднование ставших уже традиционными Всемирного дня поэзии (21 марта) и Международного дня театра (27 марта). Они были объединены в Краснодаре комплексным мероприятием, которое провели в литературной гостиной Центральной городской библиотеке им. Н. А. Некрасова сотрудники Южного филиала Института Наследия. Тема «Стенька Разин и его княжна: судьба

казачьей легенды в живописи, поэзии и музыке», раскрывающая взаимодействие различных видов искусств при освоении фольклорного наследия народа, привлекла внимание читателей разных профессиональных интересов и возрастов. В просветительской акции участвовали ученые, музыканты, педагоги, инженеры, работники библиотек, ветераны войны и труда. Молодежь проявила отнюдь не меньший интерес к представленному материалу, чем читатели старших поколений.

Объектом содержательного разговора были такие известные поэтические циклы, как «Песни о Стеньке Разине» А. С. Пушкина (1826), «Стенька Разин» и М. И. Цветаевой (1917), а также тексты самодельных поэтов Д. Садовникова и А. Навроцкого, со временем превратившиеся в народные песни «Из-за острова на стрежень» и «Есть на Волге утес». Визуальный ряд презентации составили эскизы портретов, композиционные наброски и варианты известной кар-

*Студенты политехнического техникума
и организаторы мероприятия*

тины В. И. Сурикова «Степан Разин» (1906) — соответствующий раздел темы осветил кандидат философских наук А. А. Гуцалов.

Среди музыкальных произведений центральное место было уделено вокальному циклу Г. П. Дмитриева «Стенька Разин» (1989), прозвучавшему в исполнении Ирины Чистяковой (меццо-сопрано), Василия Ладюка (баритон) и ансамбля ударных инструментов под управлением Марка Пекарского. Перед прослушиванием диска с записью произведения о необычных сторонах этого музыкального переложения цветаевского цикла собравшимся рассказала доктор филологических наук Е. Ю. Третьякова.

С анализом поэтических и музыкальных переработок фольклорного предания о Стеньке Разине выступает Е. Ю. Третьякова

Она передала в фонд центральной городской библиотеки щедрый дар от семьи композитора — диски с аудиозаписями целого ряда его симфонических и вокальных произведений.

Заведующая отделом организации культурно-досуговой деятельности Н. Ф. Лободырева рассказала о вехах биографии Георгия Петровича Дмитриева (1942–2016), связанных с нашим родным городом. До 19 лет он жил в Краснодаре, с шести лет сочинял музыку, начал свой путь в искусство, будучи студентом музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова.

Когда в 1961 г. одаренный юноша показал свои произведения Дмитрию Шостаковичу, перед ним открылись двери Московской

О биографии Георгия Петровича Дмитриева рассказывает сотрудник Центральной городской библиотеки имени Н. А. Некрасова Н. Ф. Лободырева

консерватории (курс композиции, которым руководил Д. Кабалевский). Как пишет Ю. Паисов в книге «Хоровое творчество Георгия Дмитриева» (М., 2007), творческие установки мастера складывались в ориентире на Прокофьева, Шостаковича, Бартока, Онегера, в дружеском общении с выдающимися музыкантами (П. Булез, Л. Берио, Я. Ксенакис, К. Штокхаузен, В. Лютославский, А. Шнитке, Э. Денисов, Г. Свиридов, Б. Чайковский) [1]. Воплощенные им в музыке произведения классиков русской литературы отражают судьбы и деяния выдающихся личностей, способствуют раскрытию сути национального характера. Творчество выдающегося композитора обширно и глубоко. Сделать его более близким, знакомым и понятным землякам — задача важная и благородная.

На одной из центральных улиц города (Красноармейская, 95) стоит дом, где он родился. В 2008 г., когда началась ломка застройки внутри квартала, о необходимости уберечь этот дом от разрушения писали в сетевых изданиях Юга России [2].

Одноэтажный домик с простой известкой поверх неоштукатуренных кирпичей выглядит скромнее соседствующих зданий, однако вполне заслуживает мемориальной доски и того, чтобы административные структуры и культурная общественность Краснодара придали этому дому статус объекта культурного наследия.

Дом в Краснодаре по адресу: ул. Красноармейская, 95,
в котором родился и жил в 1942–1961 гг.

Г. П. Дмитриев

Использованная литература:

1. Паисов Ю. И. Хоровое творчество Георгия Дмитриева. М.: Б. и., 2007.
2. Третьякова Е. Ю. Нужен ли Краснодару дом выдающегося композитора? [Электронный ресурс] // RELGA. 2008. № 9. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2197&level1=main&level2=articles> (дата обращения 31.03.19).

References:

1. Paisov, Yu. I., *Khorovoye tvorchestvo Georgiya Dmitriyeva* [Choir Creative Work of Georgy Dmitriev], Moscow: no publ., 2007.
2. Tretyakova, E. Yu., *Nuzhen li Krasnodaru dom vydayushchegosya kompozitora?* [Does Krasnodar Need an Outstanding Composer's House?], *RELGA*, 2008, no. 9. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2197&level1=main&level2=articles>. Accessed 31, March 2019.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Пенкина, О. В. От фольклора и его героев – к современности и нашим землякам [Электронный ресурс] / О. В. Пенкина, Е. Ю. Третьякова // *Наследие веков*. – 2019. – № 1. – С. 146–149. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Penkina_Tretyakova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Penkina, O. V., and Tretyakova, E. Yu., *Ot fol'klora i ego geroyev – k sovremennosti i nashim zemlyakam* [From Folklore and His Heroes to Modernity and Our Countrymen], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 146–149. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Penkina_Tretyakova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 1 (17)
2019

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания

«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 28

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 62997 от 04. 09. 2015

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки была использован фрагмент цифровой копии картины Адольф Менцель. Театр Жимназ. 1856. Холст, масло. 46 x 62 см. Старая национальная галерея, Национальная галерея Берлина, Государственные музеи Берлина. Фонд прусского культурного наследия. Фото Jörg P. Anders.

Полная информация (нем.): <http://www.smb-digital.de/eMuseumPlus?service=ExternalInterface&module=collection&objectId=961076&viewType=detailView>

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко

Верстка html-версии журнала:

Т. В. Коваленко

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура приставных списков литературы на русском языке:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Редактура приставных списков литературы на английском языке: А. В. Крюков

Редактура аннотаций на английском языке:

А. В. Крюков

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 27. 03. 2019

Размещен в сети Интернет: 28. 03. 2019

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297

Усл. печ. л.: 17,44.

Уч.-изд. л.: 13,63.

Размер файла: 16,775 Мб